

НОВАЯ ПОЛЬША

№7-8(66)

2005

В ПЕРВУЮ ГОДОВЩИНУ СМЕРТИ МИЛОША
Т.Венцлова, М.Вуйцяк, переводы А.Ройтмана

Беседы с Михалом Ягелло и Михалом Комаром

КВАСНЕВСКИЙ И ЮЩЕНКО
О ЗАВЕРШЕНИИ НАШИХ СПОРОВ

Пора воздать должное Андрею Шептицкому

МЫ НЕ ЗАБУДЕМ ВЫСОЦКОГО

Поляки снова учат русский

МРОЖЕКУ 75 ЛЕТ это, наверное, шутка

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:
www.novpol.ru

PKO BANK POLSKI

ПОЛЬСКИЙ БАНК «ПКО»

главный спонсор

деятельности Национальной Библиотеки в 2005 году

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 7-8(66)
2005
ИЮЛЬ-АВГУСТ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Александр Бондарев 3
ЗАВТРА — ЭТО СЕГОДНЯ, ДА ТОЛЬКО ЗАВТРА

Виктор Кулерский 10
«СПИДОЛА»

Чеслав Милош 13
СЧАСТЬЕ

Чеслав Милош 16
ВТОРОЕ ПРОСТРАНСТВО. СТИХОТВОРЕНИЯ

Моника Вуйцяк 25
МИЛОШ, СОЛОВЬЕВ И ДРУГИЕ

Томас Венцлова 32
ПОЭТ ОБОИХ НАРОДОВ

НАШИ ЛЮДИ
ЧЕЛОВЕК С ГОР НА РАВНИНЕ 37
Беседа с Михалом Ягелло

Виктор Кулерский 45
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ПРИМИРЕНИЕ НАД МОГИЛАМИ 52
Из речи президента Александра Квасневского

ОЧИСТИМ ПАМЯТЬ ОТ ФАЛЬШИ 53
Из речи президента Украины Виктора Ющенко

ЗАРАБОТАТЬ И ВЕРНУТЬСЯ 54

Магдалена Гроховская 55
ИНТЕЛЛИГЕНТ ОКОПАЛСЯ

Ян Станиславский 60
МОИ РУССКИЕ

Ярослав Ивашкевич 62
ПАМЯТИ ЭРЕНБУРГА

Владислав Броневский 65
ЗНАЮ, ПУШКИН СТРАДАЛ ОТ ЦАРЯ

	Ольга Токарчук ЧЕ ГЕВАРА	66
	Ольга Токарчук ПЕРСОНАЖ	76
	Лешек Шаруга НОВАЯ КНИГА	79
	Алексей Памятных КАТЫНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В КОРОЛЕВСКОМ ЗАМКЕ	80
	Лешек Волосюк БОГ ПИШЕТ ПРЯМО ПО КРИВЫМ ЛИНЕЙКАМ	84
	Александр Гогун ЭРИХ КОХ И СИДОР КОВПАК НА «КРЕСАХ ВСХОДНИХ»	92
	Сергей Шевченко ЦЕНТРАЛЬНАЯ УКРАИНА В ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЯХ С ПОЛЬШЕЙ И РОССИЕЙ	96
	Янина Куманецкая МОИ ПУТЕШЕСТВИЯ С КОПАЛИНСКИМ	98
	Антоний Кучинский ПЕЙЗАЖИ И ЛЮДИ	100
	Якуб Садовский ВЫСОЦКИЙ — ФИГУРА ПОЛЬСКОГО МЫШЛЕНИЯ О РОССИИ?	104
	РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛЬШЕ Беседа с Розалией Скибой — автором учебников «Деловая речь»	106
	Анатолий Ройтман ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПЕРЕВОДА	108
	ЮБИЛЕЙ АДАМА ЗАГАЕВСКОГО	110
	Янина Куманецкая ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ	111
	Элиза Вольская НОЧЬ МУЗЕЕВ	115
	Лешек Шаруга ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ	117
	МЕЖДУ ЗЛОМ И НАДЕЖДОЙ Беседа с Михалом Комаром	121

Редакционный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
Кристина Пашек (секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих (зам. гл. редактора)
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглиости, 213
02-086 Варшава
тел: (0-22) 608 27 95; 608 25 65
факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале
для стран СНГ:

Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д.15, кв.49
тел: 280-83-52
e-mail: mik@mecom.ru

Издатель

BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

По поручению
Министерства Культуры
Республики Польша
Тираж 4800 экз.

Переводчики: И.Адельгейм,
А. Базилевский, А.Бондарев,
Н. Горбаневская, Н. Кузнецов,
М.Курганская, А.Ройтман, Е. Шиманская
Фото ©: Agencja Gazeta (стр.79,98,110,
121), Archiwum (стр.37,61,84,100),
W.Druszcz (стр.82), PAP-FOTO(стр.12),

Александр Бондарев

ЗАВТРА — ЭТО СЕГОДНЯ, ДА ТОЛЬКО ЗАВТРА

Славомир Мрожек: актуальность и злободневность

Многое из того, что происходит в мире, — идиотизм, который усугубляется день ото дня, но осуждение этого идиотизма представляется мне банальностью.

С.Мрожек, «Автобиография»

Славомира Мрожека сегодня можно не представлять русскому читателю: недавно выпущен очередной пухлый сборник (более 800 страниц) его произведений (редактор-составитель А.Базилевский), пьесы его идут по всей России (в самых различных параллельных переводах) да и в других странах мира. Он стал «живым классиком» мировой драматургии.

Но как раз в эти дни, когда отмечается 75-летний юбилей писателя, все чаще (особенно в его родной Польше) слышится вопрос: «А не устарел ли Мрожек?»

«Мрожека играют реже, потому что он тщательно заботится о форме, что сегодня не в цене. Дело в том, что наше время не способствует высокой культуре», — пишет известный режиссер Ян Энглерт в юбилейном выпуске серьезной польской газеты. Там же можно прочитать, что «исчезновение пьес Мрожека с афиш польских театров легче всего было бы объяснить тем, что вместе с падением прежнего режима его комедии перестали быть актуальными». По-польски это слово имеет два значения и, выражаясь точнее, это значит, что пьесы Мрожека перестали быть злободневными.

Другие пишут, что Мрожек сам себе закрыл дорогу к зрителю: его тексты не дословны, он не использует вулгаризмов, не показывает голых тел или сцен насилия. Он основывает свои пьесы на диалоге, в котором есть время на размышление — и молчание. А у кого в эпоху мобильных телефонов, SMS-ов и e-mail'ов есть на это время? Иначе говоря, пьесы Мрожека стали старомодными.

И наконец: «Но кто из режиссеров отважится действовать так, как это указано автором во введении к его первой пьесе «Полиция» (1958): «Эта пьеса, если она будет поставлена, требует напряженного внимания со стороны зрителей. Так что она будет утомительна, если ее не показать отчетливо и чисто»».

Но всех превзошла одна молодая гражданочка, представляющаяся режиссером: «Трудность с Мрожеком может состоять в том, что он выражается полными фразами, с помощью которых мы теперь не общаемся. Но, быть может, когда вернется способность правильно формулировать свои мысли, он вернется на сцены. Может, и не польские, а, например, румынские или венгерские». То есть мы должны не только уметь *слушать*, но еще и *правильно выразить свои мысли*! То есть пьесы Мрожека не годятся для аудитории, привыкшей к «массовой культуре», или, выражаясь короче, это не «попса». А последняя фраза так просто как из самого Мрожека: пусть, мол, отсталые румынцы и венгерцы нас догоняют, а то ведь мы уже во-о-о-о-н как далеко ушли! По пути, надо полагать, «прогресса». Ведущего, как известно всем культурным людям, «в Европу».

В одном из рассказов Мрожека есть фраза, которую в Польше знают практически все: «*Вы вот тут заладили: прогресс, Европа... А у нас чуть выставишь молоко, чтоб сквасилось, как тут же вылезают откуда-то горбатые гномы и суют нам прямо в крынки*». Может, и правда, теперь все по-другому? Так нет же: все так говорят — и компьютерщики, когда что-то не ладится, и инженеры, и врачи... А режиссеры, творцы? Они, надо полагать, уже в Европе...

Выше! Правее! Пошли лучи! Быстрее!
Наверх! Светить! Восходить!

Есть, правда, отдельные исключения: вот, например, крупный режиссер Филип Байон только что поставил «Танго» (1964). И заявил при этом: «При выборе пьесы я всегда думаю о том, что она значит для современности. Парадоксально, но у меня создается впечатление, что современные пьесы меньше говорят о современности, чем классические драмы или даже древнегреческие трагедии, где можно рассказать о современности больше, чем в современной драматургии, которая довольно ограничена, хотя и любопытна. А «Танго» рассказывает о действительности в целом и остается, по сути, актуальным всегда». Ну так ведь и Байону уже под 60, он на Мрожеке вырос, небось, и сам устарел...

Если говорить о «Танго», то это чаще всего ставящаяся в мире пьеса Мрожека. В ней самым крупным его открытием было наблюдение, что сутью сосуществования отдельных людей и целых поколений в наше время является взаимное насилие, а не мирное сосуществование в противостоянии, результатом чего становится полное смешение связанных с этим понятий. А в 2000 г. известнейший польский критик Тадеуш Нычек писал: «Сегодня «Танго» вновь приобрело злободневность и может играть совершенно «в лоб»». Так ведь и Нычеку тоже уже под 60...

В общем, упреки ясны, проблемы определены. Обозначается традиционный разрыв между поколениями. В новой польской тусовке Мрожек больше не котируется — утратил связь с действительностью. Что вполне естественно для более чем пожилого человека. Как-никак, 75 лет — не шутка. Можно сказать, классик.

А как обстоит дело в России? И вообще — какая разница между злободневностью и актуальностью (по-русски, слава Богу, это понятия разные)?

Что касается «Танго», то в 60-е годы попытка поставить эту пьесу в театре «Современник» была запрещена, но в конце 80-х «Танго» шло сразу в двух московских театрах, да и сейчас идет по всей стране, как и многие другие пьесы Мрожека.

Знакомиться с Мрожеком в России люди начали с переводов, печатавшихся в журнале «Польша», —

там были рассказы, одноактные пьесы, маленькая повесть «Побег на юг», — а году в 67-м, 68-м даже «Литгазета» публиковала иногда какие-то фрагменты, афоризмы и т.д.

А сценическая жизнь Мрожека в Москве началась в 1983 г., когда Михаил Мокеев поставил «Эмигрантов», где играли Рома Козак и Саша Феклистов (теперь один из них стал главным режиссером одного московского театра, а второй — знаменитым актером). Миша, с которым мы тогда дружили, остался просто режиссером. Я уже знал пьесы Мрожека по польскому журналу «Диалог» и страшно обрадовался, когда в один из моих наездов в Москву Миша пригласил меня в какой-то подвал (лучшую сценографию найти было бы трудно), где время от времени они этот спектакль играли. Сегодня Феклистов вспоминает: «В свое время мы с Мокеевым сделали очень шумевший спектакль «Эмигранты», потом объездили с ним полмира. Но это случилось намного позже. В советские годы с

«Эмигрантами» были большие проблемы. Спектакль оказался в глубоком подполье, нас не пускали за границу, таскали в КГБ, потому что это был Славмир Мрожек, которого запрещали ставить в то время».

А запрещали ставить потому, что в 1968 г., находясь в Париже, Мрожек напечатал в газете «Монд» протест против вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию (что, как он прекрасно осознавал, закрывало ему путь на родину) и попросил политического убежища во Франции. Другие польские писатели, взявшие на себя роль «совести нации», этого не сделали (за исключением Ежи Анджеевского), а Мрожек сделал, хотя никакой «совестью нации» себя не считал, скорее наоборот. Разумеется, его книги исчезли с полок (а пьесы — со сцен) во всем «социалгере».

А Феклистов, когда-то буквально потрясший театральную Москву в «Эмигрантах», вновь заставил говорить о себе, как об актере, имеющем абсолютный «слух на Мрожека», после исполнения роли Захедринского в спектакле МХАТа имени А.П.Чехова «Любовь в Крыму», поставленном в 1995 г. все тем же Р.Козаком. Это самая «русская» пьеса Мрожека (написанная, кстати, по-французски для конкурса на лучшую французскую пьесу). 1-й акт — отдает Чеховым, 2-й — Зошечко, а третьем, современном и, следовательно, самом сюрреалистиче-

ском, кроме основных действующих лиц пьесы появляются исполинский Генерал, голова Священника, Оборотень и Екатерина Великая. Впрочем, надо сказать, что в I-м («чеховском») акте на сцене появляется Ленин.

Все это похоже на игру «всерьез», о которой Мрожек пишет в своем эссе «Театр и действительность», опубликованном еще в 1989 г. и до сих пор, насколько мне известно, не опубликованном по-русски: «*Все, что происходит на сцене, имеет свое начало и конец, но что гораздо важнее — не имеет никаких последствий. Совершенно иначе обстоит дело в действительности, где отдаленные последствия наших поступков становятся в конце концов непредсказуемыми. Сознание того, что цепочка причин и следствий будет продолжаться даже после нашей смерти, невыносимо. Ведь наш конец должен быть концом всего на свете. Зато мы всегда знаем, как закончится действие на сцене. Действия без последствий — это приманка для любой игры, не только театральной. Именно она заставляет нас играть — в театр, в шахматы, в карты, во что угодно.*

Превосходно подметил эту черту драматургии Мрожека Ежи Помяновский в своем эссе с многозначительным названием «Россия как декорация», опубликованном в «Новой Польше» (2003, №9): «*Мрожек относится к своим персонажам как к фигурам на шахматной доске, с железной последовательностью и редкой смелостью доводя каждый конфликт до крайности, а каждую шутку до абсурда.*

Как тут не вспомнить булгаковских «человечков в коробке» из «Театрального романа»!

Тот же образ появляется у такого пронизательного онлайн-ового критика, как Саша Гезенцевейг: «*Понимаете, из того, что я понял на его спектаклях, мрожековская тема — это разрушающие испытания человека. Как в механике сопротивления материалов: бывают неразрушающие испытания, а бывают разрушающие. И если бы он разрушал свои персонажи, держа себя в холодке, в тени безопасности и неподсудности, я бы так и продолжал относиться к нему — еще один Сорокин времен Нерона и Сенеки. Но в своем «Дневнике возвращения» (где рассказывается, как 66-летний писатель и прославленный драматург, нытик и мудрец, решает возвратиться на родину после 33 лет на Западе) он с такими же ясными глазами выкручивает себе руку и описывает, как он корчится. Он чудесный.*

Мрожек создает своих человечков и помещает их под пресс. Он начал карикатуристом, это вспоминается, когда смотришь на свободу, с которой он комкает судьбу своего персонажа. Основной конфликт массы литературных и драматических вещей разных авторов — столкновение героя и среды. Некоторые писатели сделали это своим фирменным стилем, особенно героического, или стоического направления. У них герой преодолевает или претерпевает. Мораль — «Человек — это звучит гордо». Мрожековский Человек звучит жалко.

Могу признаться: у Мрожека в Париже подобные «человечки» жили в специальной комнате, и я видел их собственными глазами. В 1988 г. Наташа Горбаневская при моем участии брала интервью у Мрожека для журнала «Континент». Я пришел на встречу первым и застал Мрожека играющим в какую-то «стратегическую игру». На полу была разложена карта размером примерно 3 на 5 метров, а на ней располагались солдатики, батальоны, армии. Это были игры, воспроизводящие знаменитые сражения, но результат их зависел в определенной степени от играющего. Это были те самые «действия без последствий», о которых писал в свое время Мрожек. Мрожек серьезно и обстоятельно свернул и сложил игру, после чего поставил ее на стеллаж или что-то подобное. И тут я остолбенел: этих игр там были десятки, если не сотни! И в любой из них могли выиграть как одни, так и другие, как «немцы», так и «наши»!

И тогда я вспомнил апокрифический рассказ о том, как Мрожек в первый раз вернулся в родной Краков. После дружеского ужина с обильным количеством выпитого Мрожек с хозяевами вышел на улицу. «А как эта улица называется?» — спросил Мрожек. «Имени героев Сталинграда» — ответили ему. «Как же, припоминаю... — невозмутимо протянул Мрожек. — Проспект фон Паулюса, да?»

После этого в комнату вошла красавица-мексиканка. Ее звали Орарио Росас, она вот уже год была второй женой Мрожека и театральным режиссером. (Некоторое время спустя он уехал с ней в Мексику, чтобы потом вновь вернуться в Европу. «Париж или Краков?» — спросил ее Мрожек. И она, не колеблясь, ответила: «Краков».)

Папа, а если перевернуть лестницу, то я буду наверху, а ты внизу?

Потом пришла Наташа Горбаневская и начались вопросы. Мрожек отвечал серьезно, тщательно формулируя фразы. И говорили мы как раз о том же, о чем и сейчас.

С.М. Например, первый мой сборник рассказов, который заметила критика, назывался «Слон». Он был издан в Польше еще в 1953 году, и тогда мало кто сомневался, что эти маленькие рассказы имеют, в общем, довольно прямое отношение к тем условиям, в которых мы жили в начале 50-х годов. Но вот гораздо позже, лет 20 спустя, я случайно узнал, что некоторые из этих рассказов были переведены в коммунистическом Вьетнаме и изданы в качестве сатиры... на порядки в Южном Вьетнаме. Так что мои произведения, оказывается, вполне могут различно интерпретироваться в зависимости от геополитического, исторического и прочих контекстов.

Или еще другой, более выразительный пример. В моей первой пьесе «Полиция» я попытался раскрыть полицейско-политический механизм функционирования тоталитарного государства. И что же? За последние 30 лет ее ставили в самых различных странах, в условиях самых различных режимов — и я не думаю, что из чисто академических соображений. Значит, и режиссеры, и зрители находили в ней нечто, непосредственно связанное с конкретной, местной ситуацией.

Н.Г. Выходит, в зависимости от местных обстоятельств любая ваша пьеса может оказаться злободневной сатирой?

С.М. И не только моя — вообще любая! (...) Дело в том, что абсурдный юмор, поэтика абсурда — это такой механизм (я бы сказал — механизм чисто логический), который действует всегда и постоянно.

Его друг Константы Пузына, уже умерший театральный критик, поэт и главный редактор «Диалога», формулирует это так: «Мрожек обнажает “абсурд” в формах общественной жизни, когда они теряют смысл и становятся самоцелью, но он обнажает его через посредство логики рассуждения, а не через ее разрушение».

В следующий раз я был в гостях у Мрожека и его жены как раз с Котом Пузыной и моей польской подругой М. Пили мы до утра, остроты сыпались одна за другой, все падали под стол от смеха. Кроме Мрожека, который ни разу не засмеялся собственной шутке — он всегда выслушивал ее как бы со стороны.

Он вообще смотрел на себя как бы со стороны, и взгляд этот был печален. В «Автобиографии» он пишет:

«Я родился 29 июня 1930 года (официальная дата моего рождения, 26 июня, неверна, но так она была занесена в церковную книгу и так переходила из документа в документ). Как это произошло, не помню, и мне остается в это только верить. Если существует жизнь после смерти, я, пожалуй, так же не буду помнить своей кончины. Немного грустно, поскольку это по сути означает, что мы не можем быть уверены ни в собственном существовании, ни в отсутствии такового».

Что же осталось от наследия Мрожека?

Можно с уверенностью утверждать, что «Мрамор» (1984) И.Бродского был написан под прямым влиянием «Эмигрантов» (1974) Мрожека, а «Демократия!» (1990-1992) — не без влияния

«Полиции» (1958) и некоторых других его пьес. Традиция Мрожека во многом повлияла на крупнейшего драматурга современности Тома Стоппарда. Кстати, сразу после опубликования «Танго» еще никому не известный тогда Стоппард напечатал первый перевод пьесы на английский (1966). Этот год был для него счастливым: именно тогда, после премьеры «Розенкранц и Гильденстерн мертвы», началась его триумфальная театральная карьера. Впоследствии Бродский в своем роде «отдал долг» Стоппарду, сделал в конце 60-х годов первый русский перевод «Розенкранца и Гильденстерна». Это была фактически «его собственная» тема, но восходила она к Мрожеку. Можно со значительной долей уверенности утверждать, что Мрожек был «духовным отцом» таких выдающихся русских драматургов, как Людмила Петрушевская и Алексей Шипенко. Веничка Ерофеев говорил мне, что пьесы Мрожека «слишком серьезные», и безусловно предпочитал рассказы, что видно, как говорится, невоору-

женным глазом. А разве не из Мрожека родом Максим Кононенко, онлайнный Mr. Parker, вот уже несколько лет продолжающий свою эпопею «Владимир Владимирович», состоящую из историй на полстранички?

Так актуален Мрожек в России или нет? Или здесь просто совпадение, ибо все знают, что абсурдный юмор во всем мире понимают только англичане, русские, поляки и евреи?

Вот диалог интеллигента и обывателя по поводу свободы творчества и его влияния на само творчество.

XX. И ты обо всем этом написал?

АА. Нет.

XX. Почему?

АА. Потому что боялся. (...) И вот тогда, чтобы не бояться, я бежал.

XX. Ну и что, пишешь?

АА. Пока нет.

XX. Почему?

АА. Потому что уже не боюсь.

XX. На тебя не угодишь.

АА. Форменная квадратура круга. Стремясь воспользоваться единственным своим шансом, я его утратил. Бежав, перестал быть рабом. Распылился, растворился в свободе.

«Эмигранты» (1974)

И ровно 30 лет спустя Фазиль Искандер подтвердил правоту и актуальность мрожековского предвидения в интервью по поводу своего собственного 75-летия (оказывается, они с Мрожеком почти ровесники):

«На меня новая литература, созданная в условиях свободы, производит какое-то мелкотравчатое впечатление. Пастернак в цикле стихов о Кавказе говорит о «наглядности преград». Так вот раньше писателя вдохновляла совершенно наглядная преграда идеологии, цензуры, и он ясно видел: вот враг свободного творчества, вот что мы должны обойти, чтобы сказать правду о жизни. И так или иначе талантливые люди довольно часто обходили эти преграды и по-своему взрывали их.

По-видимому, когда достигается свобода, у людей, боровшихся за нее, опускаются руки. Свобода достигнута, что еще говорить. Но мне кажется, что писатели должны в любой свободе находить элементы новой несвободы и против этой несвободы бороться так же вдохновенно, как мы боролись против несвободы тотальной».

И еще про «время, в котором стоим», как нас научил говорить Ф.Искандер. Как пишет критик А.Михеев, «не имеет шансов устареть «Полиция» — эта притча об идеальном государстве, где последний политзаключенный раскаивается в грехах молодости и становится адъютантом генерала, а сержант-провокактор, служака, самозабвенно преданный режиму, вынужден принять на себя роль террориста, чтобы не прекращали крутиться колесики репрессивного механизма — ведь если врага нет, его выдумывают».

Много лет люди находили в текстах Мрожека зеркало окружающего их повседневного абсурда. Некоторые только благодаря этим текстам осознавали, в чем они принимают участие. Если сотрудник тайной полиции берет на себя роль террориста — это не просто абсурд, это абсурд повседневный. Но чтобы осознать это, по Искандеру, нужно время и опытный глаз, способный увидеть новые формы несвободы и выработать новые способы сопротивления. Искандер говорит, что это время пока не пришло. Так что будем ждать: тексты Мрожека учат нас не только мужеству, но и терпению.

И, наконец, несколько злободневных примеров высказываний, взятых из российской действительности. Точнее говоря, из политической жизни. Сплошь цитаты, и все как на подбор — словно из Мрожека. Причем я специально не цитировал никого из самых уважаемых и любимых (если верить опросам населения) российских политиков, а взял в качестве примера только одного из них — главного идеолога В.Ю.Суркова, — да и то лишь потому, что он там считается самым образованным, красноречивым, а в последнее время и самым многообещающим. В смысле — перспективным. Но есть и высказывания других лиц, из среднего руководящего звена, тоже в своем роде подходящие.

В.Ю.СУРКОВ: Конечно, хорошо быть предпринимателем в свободной стране и при этом чувствовать, что ты живешь в сильной стране, с твоим Президентом считаются другие мировые лидеры, ты можешь поехать в другую страну и не чувствовать там себя клоуном. Это важно. И ценность семьи важна.

Чистый Мрожек. Когда мне было лет 6, я собирал почтовые марки и потому знал наизусть названия всех стран мира и их столиц, а также их расположение на карте. Тогда я рассуждал примерно так: «Как я горжусь, что родился в такой большой и сильной стране, как СССР. И как, наверное, стыдно родиться в какой-нибудь маленькой Норвегии или Голландии. Никто тебя уважать не будет, не говоря — бояться. Вот Америка — они наши враги, но тоже большие и сильные. Поэтому их уважают и боятся, но нас, наверное, все-таки еще больше». У меня подобное умонастроение прошло через пару лет, а вот у некоторых осталось. Если не из сильной страны — значит, клоун. Это понятно. Но при чем здесь семья — непонятно. Дальше про нее ничего нет. Хотя возразить нечего — ценность семьи и впрямь важна.

В.Ю.СУРКОВ: *Сначала коротко о том, что мы хотим. Мы хотим видеть Россию демократической страной с развитыми экономическими институтами. (...) И если что-то не получилось сходу, не надо говорить, что у власти серые мыши, которые ничего не понимают. Это не совсем так, а может, совсем не так. (...) В новой процедуре назначения губернаторов увидели только произвол власти. Но, пардон, мы застраховались от целого ряда моментов достаточно идиотских. В силу тех же причин. Извините, культура у нас пока не та. Не то, что кто-то не доверяет народу. Но нам не хватает еще, чтобы в Дагестане избрали какого-нибудь там ваххабита!*

Стиль тот же, но до глубины внутреннего абсурда Мрожек, пожалуй, не дотягивает. А вот про соблазны — это уже из него.

В.Ю.СУРКОВ: *Когда мне говорят о зависимости судов — да, она есть. Но что с ними делать, если они зависимы по природе своей? Если люди там либо покупаемы, либо боятся начальственных звонков. Что прикажете с ними делать? И кто удержится от соблазна подчинить их себе?*

Да, товарищ Сурков, других судей у меня для вас нет, как сказал бы товарищ Сталин. И действительно, кто ж удержится от такого соблазна? Ясно, что никто. Надо полагать, других руководителей у нас для вас тоже нет.

В.Ю.СУРКОВ: *Хорошо бы в Европу убежать, но нас туда не возьмут. Россия — это плохо освещенная окраина Европы, но еще не Европа.*

Что правда, то правда. Помните у Мрожека про горбатых гномиков? А про Европу г-н Сурков в другом месте хорошо сказал: «Лучше уж быть врагом, а не как сейчас, двусмысленными друзьями! Вот как бы что мы хотим». Кстати, о врагах он и раньше говорил.

В.Ю.СУРКОВ: *Мир, оказывается, не так прекрасен и разумен, как хотелось бы. В нем обитает враг, с которым нельзя справиться так называемыми «цивилизованными» методами. Все мы должны осознать — враг у ворот. Фронт проходит через каждый город, каждую улицу, каждый дом. Нам нужны бдительность, солидарность, взаимовыручка, объединение усилий граждан и государства.*

Окулист. Могу ли я знать, по какой причине Дедушка потерял остроту зрения?

Внук. От высматривания. Дедушка всегда высматривал, не идет ли враг. А у нас, знаете ли, в окнах грязные стекла. Сколько раз мы ему говорили: подожди, дедушка, до Пасхи, когда стекла вымоют. Но он спешил. Он даже во сне высматривал. Уж он такой.

«Кароль» (1961)

В.Ю.СУРКОВ: *Мы не просто за демократию. Мы за суверенитет Российской Федерации. Суверенитет надо блюсти. Здесь есть прямая задача борьбы с терроризмом.*

И надо же, всего два месяца спустя «Россия оказалась единственной страной, отказавшейся официально почтить двухминутным молчанием память жертв лондонских июльских терактов» («Европьюс», 14.07.05). Есть и другие проблемы.

В.Ю.СУРКОВ: *Я помню, как мы (...) собрали гражданское общество, как они себя называли. Вот, говорят, нас не пускают в прокуратуру. Итогом форума стало поручение президента всем установить регулярность таких встреч. Так я их потом палкой туда загонял! Зачем же вы горлопанили на каждом углу? Я два раза лично загонял некие группы туда ходить. Потом все закончилось. Ужас! Вообще, чем больше я работаю там, тем больше я разочаровываюсь в мире. Есть проблемы.*

Сам Мрожек, надо сказать, тоже разочаровывался, и не раз. Однако в рассказе «Разочарование» он предложил концепцию, которая могла бы помочь г-ну Суркову. Вот она:

«Давайте посмотрим на разочарование по-новому — как на доказательство ума. Кто не испытывает разочарований? Только тот, кто упорствует в заблуждениях. Но именно это и означает, что его разум спит, либо он попросту отсутствует.»

Когда наступает разочарование? Тогда, когда ситуация, которую мы прежде оценивали положительно, представляется нам отрицательной. Но почему? Можно сказать: ситуация была хорошая, но постепенно изменилась к худшему. И обидеться на нее за то, что она изменилась. Однако можно сказать иначе: ситуация была нехорошей с самого начала, только мой разум спал, но — слава Богу — он вовремя проснулся. Так что все скверно, но не так уж скверно, ведь в конце концов я оказался не таким дураком, каким едва не стал. Так мы себя утешаем.»

Но г-ну Суркову этот интеллигентский способ не подходит. Он предпочитает героико-романтический, тем самым становясь в позу, неоднократно высмеянную Мрожеком. Так почему же, перефразируя известную песенку, все так хорошо, если все так плохо? Ответ прост: потому что мы не такие, как все.

В.Ю.СУРКОВ: *У нас есть вера. Чего не было в других режимах в наших соседних государствах. Мы уверены, поскольку она есть у нас, мы сможем вдохновить других людей. Благо для всех этих затей не так уж и много людей надо. Спасибо за внимание.*

Дальше снова из Мрожека. Сопредседатель некоего Координационного совета, где выступал В.Ю.Сурков, заявил, что совет «вдруг вылился в мини-мозговую штурм», тем самым поставив под сомнение умственные способности своих коллег. А председатель совета, наоборот, заявил, что хотя «многое из того, что приводит редакция радиостанции N., обсуждалось на встрече, но сам текст выступления не аутентичен. Это вольная трактовка с акцентами и нюансами, которые сильно изменили смысл встречи». Так что есть проблемы.

Предпоследняя цитата свидетельствует, что актуальность Мрожека иногда даже опережает самое действительность. В пьесе «Любовь в Крыму» (1993) мы обнаруживаем пророческий диалог двух матросов образца 1905 года, с броненосца «Потемкин»:

1-й МАТРОС (*читающий газету*). Федя! Поляки Киев взяли!

2-й МАТРОС. Киев все равно уже не наш.

И, наконец, отрывок из сверхпророческого рассказа «Заявление», написанного почти полвека назад:

«Настоящим убедительно прошу передать мне власть над миром.»

Просьбу свою я обосновываю тем фактом, что я самый лучший, самый умный и более индивидуальный, чем все остальные люди.

Заявляю также, что край наш бедный, земли неплодородные, да и дома у меня на иждивении восемь человек, в том числе двое из интеллигенции. Таким образом, нет у меня ни денег, ни армии, чтобы весомо поддержать свою просьбу. В связи с этим прошу также освободить меня от обязанности обладать ядерным оружием. При необходимости обязуюсь представить справку из нашей церкви.

Я осознаю, что в подобной ситуации будет довольно трудно отдать власть в мои руки. Но я все же не теряю надежды, что как энтузиазм народов мира, так и историческое развитие мою просьбу поддержат. Кроме того, я рассчитываю также на Провидение.»

Актуальность — это злободневность, которая на время ушла, потом вернулась, снова куда-то ушла и т.д. Мрожек актуален, как актуален Шекспир. Есть вещи, которые вечны, потому что повторяются. «Завтра — это сегодня, да только завтра» — так звучит один из грустных афоризмов Мрожека,

И еще один: «Человек на досуге думает себе о том и о сем, но все-таки чаще о том».

Виктор Кулерский

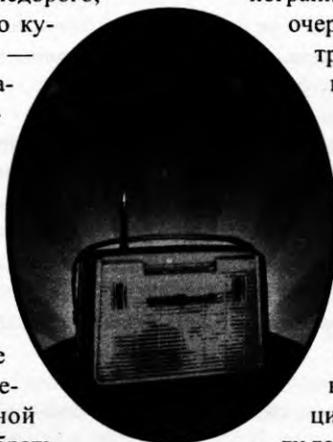
«СПИДОЛА»

*Сташеку и Миреку
в 25-ю годовщину создания «Солидарности»*

«Спидола» — так назывался замечательный, пользовавшийся большим спросом портативный радиоприемник, который в СССР производили на экспорт*. Стоил он относительно недорого, и некоторое время его можно было купить в государственных магазинах — разумеется, по знакомству или заплатив соответствующее вознаграждение продавцу. Главным достоинством «Спидолы» было то, что она обеспечивала более или менее чистый прием постоянно глушившихся передач Би-Би-Си, «Голоса Америки» и «Свободной Европы». По тем временам, да еще учитывая ее преимущества, «Спидола» была не так уж велика — она умещалась в небольшом портфеле или в наплечной сумке, благодаря чему мы могли брать ее с собой в отпуск. В тот год нашей базой было маленькое, всего в пять домов, селение на поляне, затерявшееся среди елово-пихтовых лесов в одной из укромных, проточенных рекой долин Татранского национального парка. От ближайшего магазина, куда два раза в неделю завозили хлеб, газетного киоска или хотя бы шоссе его отделял по меньшей мере час пути по одной из утомительных горных троп. Именно там нас (т.е. меня, жену и присоединившегося к нам в порядке исключения Адама Михника) застало то памятное лето 1980 года. Адама мы уговорили спрятаться там от преследований госбезопасности и заодно немного отдохнуть. О месте его пребывания не знал никто, кроме нас и, разумеется, гуралей, у которых мы жили. Позднее мы узнали, что его искали не только геэбисты, но и обеспокоенные друзья, причем обе стороны подозревали друг друга. Сообщение о загадочном исчезновении Михника передавали да-

* Рижский завод ВЭФ широко производил «Спидолу» и на внутренний рынок, но с ограниченным диапазоном коротких волн (от 49 м). Советские радиослушатели справлялись с этим, отдавая приемники частникам, которые добавляли диапазоны 31, 25 и 19 м. — *Ред.*

же в западных новостях. Конечно, Михник не мог соблюсти закон о прописке, особенно строгий в приграничной полосе, и встать на учет в старосте, к которому было приписано селение. Мы объяснили нашим хозяевам, что тогда к ним явятся не только охранники из национального парка и пограничники, но и — может быть, в первую очередь — ГБ и милиция. А будет контроль — ну и пусть! Непрописанный всегда мог быть случайным гостем — только что приехал и уже уезжает. Соседей опасаться не приходилось: в приграничных селениях слабое зрение и слух были ценными, а может, и необходимыми для выживания добродетелями. Видимо, всех тамошних жителей соединяла невидимая сеть связей и пограничных сделок, в которую дополнительно вплетались сложные отношения с национальным парком. Местные привыкли держать язык за зубами. Михник мог спокойно жить инкогнито в селении, где его называли просто Адам. Переутомленный и не привыкший к горному воздуху и прогулкам, он рано засыпал в своей комнатке на чердаке, тем самым компенсируя хронический недосып. Между тем именно поздними вечерами были лучше всего слышны западные радиостанции. В горах наша «Спидола» работала еще качественнее, чем в низинной Мазовии. В полуподвальной кухне стоящего на склоне горы дома мы вместе с хозяевами слушали последние известия. Больше всего новостей о том, что делалось в Польше, передавала «Свободная Европа». А новости эти были таковы, что мы ощутили необходимость во внутренней цензуре и наложили мораторий на передачу Михнику сведений о волне забастовок, которая охватила всю страну после того, как 1 июля было объявлено о повышении цен на мясо и мясопродукты. Бастовали уже не только отдельные предприятия, но и целые промышленные центры и даже города. Очередные уступки властей приводили к тому, что стоило кончиться одной забастовке, как в других местах тут же начинались новые. 20 июля в Люблине забастовка на одном из заводов переросла во всеобщую стачку.

Было ясно, что, узнав о происходящем, Михник немедленно вернется в Варшаву, где его снова настигнет гебуха. Я не хотел, чтобы он прерывал отдых — пожалуй, первый за многие годы. Не хотел я этого еще и потому, что не связывал с разыгравшимися событиями особых надежд. Коммунизм казался мне относительно прочной и, несмотря ни на что, устойчивой системой, опирающейся на военную мощь и всевластие полиции, системой, на страже которой как-никак стояла мировая сверхдержава. Двенадцатью годами раньше, в 1968 году, с той самой горной поляны я много дней бессильно наблюдал, как на юг, в Чехословакию, летит авиационная армада. После того как 14 августа на Гданьской судовой верфи началась итальянская забастовка, которая почти мгновенно перекинулась на другие верфи, порты, фабрики и даже городской транспорт, я ожидал скорее повторения кровавой расправы, учиненной в Гданьске и Гдыне в декабре 1970 года. У меня живо стояло перед глазами, как в ту морозную и снежную ночь, уже зная, что случилось в Гданьске, я шел мимо одного из варшавских рабочих общежитий, а из окон до меня доносились звуки шумной гулянки, звон рюмок, музыка и топот танцующих пар. Бессильное бешенство и слезы, наворачивающиеся на глаза. Из-за всего этого я тем более не хотел передавать Михнику всё новые волнующие вести. А забастовка на Балтийском побережье продолжалась и разрасталась. 18 августа судоверфь выдвинула знаменитое 21 гданьское требование. В первом и главном из них речь шла о праве создавать независимые профсоюзы. Тем временем на поляне жизнь так и шла бы своим чередом, если б не какой-то продавец, завернувший две бутылки керосина в свежие газеты. Бутылки мы принесли в рюкзаке нашим хозяевам — керосиновые лампы были единственным видом освещения, применявшимся в селении. К несчастью, газеты эти попали в руки Михника. На следующий день он выехал в Варшаву, где, разумеется, был немедленно арестован. Мы с женой остались еще на несколько дней, так, чтобы успеть в школу на рутинное организационное собрание перед началом учебного года. Тогда мы и не подозревали, что это были последние наши каникулы в горах.

31 августа на Гданьской судовой верфи было подписано двустороннее соглашение между Объединенным забастовочным комитетом и правительственной комиссией. В этом соглашении были такие слова: «Считаем целесообразным создание новых самоуправляющихся профессиональных союзов, которые были бы подлинными вырази-

телями интересов трудящегося класса (...) Правительственная комиссия подтверждает, что правительство гарантирует и обеспечивает новым профессиональным союзам полное соблюдение независимости и самоуправления — как в их организационной структуре, так и в функционировании на всех уровнях». Случилось нечто неслыханное и невероятное! Власти коммунистического государства допустили существование независимой от них, самоуправляющейся общественной организации. Они гарантировали это! Называлось ли это профсоюзом или как-нибудь иначе, уже не имело значения. Важна была независимость от государства, а значит, и от партии, что означало подрыв монополии на власть. Трудно было поверить в эти слова. Весь прежний опыт, да и знакомство с фактами из более далекого прошлого верить не позволяли. Единственный вопрос звучал: сколько все это продлится и чем кончится?

Однако пока карнавал только начинался. 8 сентября, вскоре после начала учебного года, неожиданно состоялось собрание ячейки Союза польских учителей, членами которого в обязательном порядке были все работники школы. А причиной, как заявила в начале собрания многолетняя председательница ячейки, было то, что теперь настала такая мода: все предъявляют властям требования. Значит, и мы должны подумать и выдвинуть какие-нибудь требования. Я тут же потребовал провести предварительное голосование о том, кто в новой ситуации останется членом СПУ, а кто хочет создать новый, независимый, самоуправляющийся профсоюз. Из 24 присутствовавших на собрании учителей, административных работников, уборщиц, кухарок и сторожей за новый профсоюз проголосовал 21 человек. Остальные трое (партийный директор школы, его заместитель и председательница ячейки СПУ) покинули собрание. Вскоре оказалось, что мы не были исключением. 10-11 сентября в Варшаве состоялся первый учредительный Всеобщий съезд делегатов Независимого самоуправляющегося профессионального союза работников науки, техники и образования (НСПС РНТиО). 9800 членов, основавших ячейки нового профсоюза в 127 институтах, прислали на съезд 286 делегатов. Первый плод соглашения, за которое боролись судостроители, созрел в течение каких-нибудь десяти дней. Между тем по всей стране бывшие забастовочные комитеты объединялись в межзаводские и преобразовывались в учредительные комитеты новых профсоюзов.

17 сентября делегация НСПС РНТиО из четырех человек участвовала в организованной на Гданьской судовой верфи встрече объединенных комитетов со всей страны. Прения были бурными. Лех Валенса противился созданию единого всепольского профсоюза, к чему стремились представители почти всех тридцати с лишним объединенных комитетов, за исключением гданьского. Гданьский комитет во главе с Валенсой выступал за профсоюзы регионального уровня. Когда, наконец, перевесило мнение большинства, оказалось, что выход из патовой ситуации отнюдь не найден. Возникли какие-то новые трудности. Шли закулисные консультации. После их завершения у советников были явно озабоченные лица. Они чего-то ждали. Я спросил у Бронислава Геремека и Тадеуша Мазовецкого, что происходит. Оказалось, что Валенса, согласившись на единый всепольский профсоюз, уперся, чтобы назвать его «Солидарность». По мнению советников, такое название годилось скорее для артели молочников или сапожников, так как в те времена провинциальные артели часто выбирали себе названия вроде «Будущего», «Зари» или «Рассвета». Многие боялись давать подобное название большому, всепольскому, только-только создающемуся профсоюзу. Дискуссии, беспокойство и ожидание затянулись до глубокой ночи. Когда наконец Валенса появился снова, в зале воцарилось напряженное молчание. Все ждали. После долгой паузы в полной тишине послышались его слова: «Объявляю о создании единого независимого самоуправляющегося профессионального союза... — тут Лех остановился. Стояла тишина. Наконец он почти выкрикнул: — «Солидарность!» Только тогда все грянули гимн: «Еще Польша не згинела...» Независимый самоуправляющийся профсоюз «Солидарность» стал действительностью.

13 октября на II Всеобщем съезде делегатов НСПС РНТиО 450 из 455 делегатов, представлявших уже 18 910 членов профсоюза из 199 институтов, проголосовали за вступление в НСПС «Соли-

дарность». Один делегат голосовал против, а четверо воздержались. Вскоре «Солидарность» в своих рядах имела почти 10 миллионов человек, что составляло 80% трудящихся.

Карнавал кончился меньше чем через полтора года. 13 декабря 1981 г. военное положение загнало «Солидарность» в подполье. Вновь сжала свои клешни цензура. С новыми силами заработали глушилки. «Спидолы» опять вернулись на почетное место. Впрочем, они не пригодились тем, кто был вынужден не только работать, но и жить в подполье. Для кочевой жизни они были слишком громоздкими и тяжелыми. Им на смену быстро пришли новые миниатюрные транзисторные приемники, контрабандой провозившиеся в Польшу с Запада. Однако «Спидолы» оказались незаменимы для тех, кто вел как бы двойную жизнь, сохраняя обычный ритм ежедневных занятий и в то же время работая для подполья. Со временем эти изношенные до предела, да к тому же еще и устаревшие приемники отказывали. Тогда их приводил в порядок неопределимый Сташек Русинек, член правления НСПС «Солидарность» Мазовии. Счастливо избежав интернирования, он занимался ремонтом теле- и радиотехники. Однако его главная заслуга заключалась в том, что он был незаменимым связным между подпольной «Солидарностью» и епископатам. Именно благодаря вмешательству епископата Мирека Одоровского, казначея Мазовецкого региона и рабочего уже не существующего электролампового завода им. Розы Люксембург, удалось вытащить из тюрьмы в Бялоленке и на «скорой помощи» привезти прямо на операционный стол. Впоследствии оба они окружали заботой семьи интернированных или скрывавшихся и работавших в подполье товарищей. С тех самых постепенно стирающихся в памяти времен к Сташке приклеилось прозвище «Спидола». Сегодня «Спидола» получает пенсию по инвалидности и подрабатывает в качестве консьержа, а Мирек пополнил ряды безработных. Автору этих строк повезло: вместо того чтобы слушать «Свободную Европу», он пишет статьи для «Новой Польши».

Подписание двустороннего соглашения между Объединенным забастовочным комитетом и правительственной комиссией

дарились». Один делегат голосовал против, а четверо воздержались. Вскоре «Солидарность» в своих рядах имела почти 10 миллионов человек, что составляло 80% трудящихся. Карнавал кончился меньше чем через полтора года. 13 декабря 1981 г. военное положение загнало «Солидарность» в подполье. Вновь сжала свои клешни цензура. С новыми силами заработали глушилки. «Спидолы» опять вернулись на почетное место. Впрочем, они не пригодились тем, кто был вынужден не только работать, но и жить в подполье. Для кочевой жизни они были слишком громоздкими и тяжелыми. Им на смену быстро пришли новые миниатюрные транзисторные приемники, контрабандой провозившиеся в Польшу с Запада. Однако «Спидолы» оказались незаменимы для тех, кто вел как бы двойную жизнь, сохраняя обычный ритм ежедневных занятий и в то же время работая для подполья. Со временем эти изношенные до предела, да к тому же еще и устаревшие приемники отказывали. Тогда их приводил в порядок неопределимый Сташек Русинек, член правления НСПС «Солидарность» Мазовии. Счастливо избежав интернирования, он занимался ремонтом теле- и радиотехники. Однако его главная заслуга заключалась в том, что он был незаменимым связным между подпольной «Солидарностью» и епископатам. Именно благодаря вмешательству епископата Мирека Одоровского, казначея Мазовецкого региона и рабочего уже не существующего электролампового завода им. Розы Люксембург, удалось вытащить из тюрьмы в Бялоленке и на «скорой помощи» привезти прямо на операционный стол. Впоследствии оба они окружали заботой семьи интернированных или скрывавшихся и работавших в подполье товарищей. С тех самых постепенно стирающихся в памяти времен к Сташке приклеилось прозвище «Спидола». Сегодня «Спидола» получает пенсию по инвалидности и подрабатывает в качестве консьержа, а Мирек пополнил ряды безработных. Автору этих строк повезло: вместо того чтобы слушать «Свободную Европу», он пишет статьи для «Новой Польши».

Чеслав Милош

Перевод Анатолия Ройтмана

СЧАСТЬЕ

Между седьмым и десятым годом жизни я наслаждался ничем не замутненным счастьем, живя в имении дедушки и бабушки в Литве. Первые упоминания о нашей долине появились около 1350 года в хрониках, составленных тевтонскими рыцарями, которые вторглись на эту землю, воюя с моими, в то время языческими, предками. Имение дедушки и бабушки, в котором я родился, в течение нескольких столетий принадлежало семье моей матери; за это время в его пейзаже произошло много изменений, и теперь я знаю, что должен быть особенно благодарен прадеду, который на поросшем травой склоне, полого спускающемся к реке, разбил лесной парк. Он посадил и фруктовые сады, два рядом с усадьбой, третий — немного поодаль, за побеленным амбаром. Было это давным-давно, большие дубы и липы создали мою волшебную страну, а сады позволяли мне открывать вкус яблок и груш самых разнообразных сортов

Не знаю точно, когда новый дом занял место деревянного строения. Было это, вероятно, в середине XIX века. За белизной стен скрывалось не кирпичное здание, а обшитая досками постройка, покрытая штукатуркой. В комнатах летом царил прохлада, зимой их с трудом согревали печки, в которых горели березовые поленья. Спустя много лет на полотнах голландских мастеров я обнаружил изображения интерьеров, напоминавших комнаты моего родного дома.

Я жил без прошлого и без будущего, в стране вечного сейчас. А ведь таково точное определение счастья. Сегодня я задаю себе вопрос, не мифологизирую ли я порой этот период моей жизни. Все мы, говоря о прошлом, создаем мифы, ибо невозможно верно воспроизвести убегающие мгновенья. Остается, однако, вопрос: почему некоторые видят в своем детстве период счастья, а другие — время невзгод? Мой опыт счастливого детства столь жив и интенсивен, что я верю в его подлинность. Это была — говорю не колеблясь — очарованность землею как райским садом.

Рассказы о детстве обычно превращаются в рассказы о семье, но если говорить об этом, то я должен признать, что мне казалось, будто взрослые живут где-то в далеком, точнее неопределенном мире. Я был одиноким ребенком в волшебном царстве, которое открывал для себя с утренних часов и до самых сумерек. Мой младший брат был тогда младенцем, и я не обращал на него никакого внимания, не было у меня и друзей моего возраста. Так что я был маленьким Адамом, весь день бегавшим в саду среди деревьев, которые казались мне выше, чем были на самом деле, а моих впечатлений и фантазии не заглушал издевательский хохот демона.

Удивительным кажется мне сегодня, что в возрасте семи лет у меня за спиной уже было достаточно приключений, чтобы вспоминать их всю оставшуюся жизнь. Среди них были поездки воинскими эшелонами по России во время первой мировой войны, когда мой отец, инженер, был мобилизован и строил мосты для царской армии; была большевистская революция, которую я пережил в городке на Волге, а вместе с ней обыски, бегство, страх. Все это должно было каким-то образом сохраняться в моем сознании, но не преобладало в нем; наоборот, отступило на окраину разума, может быть, благодаря особому механизму самосохранения. Я остался невинным — это значит, что я не выработал в себе никакого взгляда на ужасы этого мира.

Отдельные конкретные события, которых хватило бы, чтобы такой взгляд сформировать, не слились в единое целое; каждое из них существовало в моем сознании обособленно. Ежедневные занятия по хозяйству в имении с сопутствующим им неизбежным знанием о боли и смерти животных не оказывали на меня большого влияния. Когда я ловил рыбу, я сосредотачивался на цели моих действий — поймать рыбу — и не задумывался ни над червяком, извивавшимся на крючке, ни над страданием окунька, который с крючком, вонзившимся в тело, служил приманкой для щуки. А все же кто знает? Быть может, мой позднейший пессимизм родился как раз в эти мгновения моего детства, пессимизм, простиравшийся так далеко, что зрелым человеком я по-настоящему ценил лишь одного философа — терпкого Шопенгауэра.

Казалось, что мое счастье взялось, как сказал бы Уильям Блейк, из очищения врат восприятия, из жадного созерцания и слушания. Тропинка в тени дубов вела к моей реке, которой предстояло не покидать меня всю оставшуюся жизнь, куда бы ни забросила меня судьба, даже на далеком побережье Тихого океана. Ее ленивое течение позволяло произрастать водяным лилиям, и кое-где их большие листья покрывали всю поверхность воды. Ее берега, поросшие аиром, скрывались в тени кустов и ольхи. Долгими часами следил я за бликами солнца на воде, движеньями малых водяных существ, полетами стрекоз. Я готов назвать это сном наяву, но это было бы неподходящее определение, так как оно внушало бы мысль о пассивности, в то время как мое воображение отнюдь не бездействовало.

Таким образом, ребенком я был прежде всего открывателем мира не как места страдания, но как области красоты. Деревья в парке, сады и река создавали особую страну с интенсивной, лучистой реальностью, более подлинной, чем что бы то ни было, существовавшее за ее пределами.

В нас часто пробуждается осознание тяжелых законов жизни, когда мы боремся с другими, особенно с другими детьми. В родовом имени мне не с кем было соперничать, не было никого, кто хотел бы подчинить меня своей воле. Разумеется, я не раз плакал — например, когда мать заставляла меня прекратить игру, чтоб засесть за превосходившую мои возможности науку писать буквы алфавита. Но это не было настоящее принуждение — обычно оно приходит со стороны наших ровесников, в чем я имел возможность убедиться позднее, когда началась моя учеба в городской школе.

Счастье, испытанное в детстве, не проходит бесследно — память бурной радости живет в нашем теле и обладает большой целительной силой. Юношей я был угрюмым страдальцем, проявляя исключительный талант к коллекционированию ран и синяков. Быть может, такую судьбу назначила мне моя линия жизни, но время и место тоже могли иметь какое-то влияние на мои депрессивные склонности. В тридцатые годы в прибалтийских странах Центральной Европы

в воздухе витало предвестие преступления, которому вскоре предстояло стать реальностью. На востоке, в советской России, миллионы «классовых врагов» в нечеловеческих условиях работали и умирали в так называемых исправительно-трудовых лагерях. Мне было двадцать два года, когда в соседней Германии избиратели передали Гитлеру ничем не ограниченную власть. Несколько лет спустя массовые преступления геноцида, совершенные по его приказам, наполнили мир ужасом...

Мою религию и философию пронизывал мрак, я склонен был верить, что вселенная возникла в результате какого-то космического катаклизма, или даже что сотворил ее сам Сатана. Воспитанный в духе католицизма, я переживал увлечение старой ересью манихейства. Она отвечала духу времени, которое лучше всего характеризуют слова Эмманюэля Левинаса: «Бог ушел в 1941 году». Стихи, которые я писал до войны и позднее, в оккупированной гитлеровцами Польше, были бы совсем лишены надежды, если бы я не сознавал красоту этого мира; а красоту эту трудно было понять, ибо существовала она наряду с ужасом.

Многие годы спустя, в возрасте восьмидесяти лет, я вернулся к месту моего рождения и детства. Пейзаж изменился, и, вероятно, изменения эти были более глубокими, чем те, которые произошли по воле человека со времен средневековья. Литва, до II Мировой войны независимое государство, в 1940 году была занята Советским Союзом, а коммунистические власти навязали стране коллективизацию сельского хозяйства. Целые деревни с постройками, дворами, овинами, конюшнями, садами были стерты с лица земли. На их месте открылось пространство широких полей, на которых работали трактора. Я стоял на краю возвышенности над похожей на каньон долиной моей реки и видел только равнину, без следа деревьев, купы которых означали когда-то местоположение каждой деревни. Среди многих определений коммунизма, быть может, это было бы наиболее подходящим: коммунизм — это враг садов, ибо исчезновение деревень и преобразование территорий привели к вырубке садов, некогда окружавших каждую небольшую усадьбу и каждую деревенскую избу. Идея коллективного хозяйства

— сельскохозяйственные предприятия вместо малых крестьянских хозяйств — была рациональной, но чересчур; подобная безусловная рациональность, на самом деле таящаяся в каждом проекте планового хозяйства, привела к падению советской системы.

При власти коммунистов у садов не было шансов, но будем справедливы: они по своему определению нечто старосветское. Только страстный садовник может наслаждаться большим разнообразием деревьев, приносящих относительно скромный урожай плодов, вкус которых — источник радости для него самого и горстки ценителей. Законы рынка благоприятны лишь для нескольких сортов, которые легко хранить и которые отвечают основным стандартам. В садах, посаженных моим прадедом и выращенных его наследниками, росли разные известные мне сорта яблок и груш, названия которых, когда я позднее произносил их, пахли экзотикой.

Я оказался в том месте, теперь отмеченном купой сорняков, где когда-то стояла усадьба. Она была разобрана в пятидесятых годах, а на месте травы перед верандой вырос дикий лес молодых деревьев, главным образом кленов, по пологому склону спускающийся к берегу реки. По траве было трудно пройти, так как старые тропки скрылись в диких зарослях. Кое-где сохранился какой-то вековой дуб или вяз. Сады исчезли, наверное, просто от старости, если можно судить по нескольким сухим пням. В течение долгих лет здесь все было заброшено и никто не занимался возделыванием земли. В задешево поставленной лачуге, словно дикари, поселилась старая супружеская пара; единственная выгода, какую они могли извлечь из этого места, была, как я полагаю, неограниченная доступность сухой древесины, ею они могли топить печь во время долгих северных зим.

Я не чувствовал ни гнева, ни сожаления, ни даже печали. Я стоял перед лицом не столько истории моего столетия, сколько самого времени. Всех людей, когда-то гулявших здесь, уже нет в живых, как и большинства тех, кто родился в том же году, что и я, где бы в мире им ни пришлось жить. Радуюсь тому, что я смог вернуться сюда, я сознавал, что возвращение стало возможным потому, что некая великая держава перестала существовать, но самым важным в тот момент была осязаемая стихия уплывающего времени. Я спустился к моей реке. Не было на ней больших листьев лилий, не было айра, а ее ржавый цвет подтверждал деятельность химических предприятий, расположенных в ее верхнем течении. Одинокий дикий лебедь застыл неподвижно в самом центре маслянистой воды — абсурдное зрелище, говорящее о болезни птицы или о замысле совершить самоубийство.

В этот июньский день небо было чистым, а растительность — буйной. Я пытался уловить и назвать мои чувства. Память опознала очертания холмов на другом берегу реки, возвышенность парка, луг у дороги, темное, погруженное в тень пятно зелени, где когда-то был пруд. Несмотря на все эти изменения, расположение местности осталось тем же самым, и мне казалось, что я нашел бы здесь дорогу даже с закрытыми глазами, так как ноги мои понесли бы меня сами.

Многое происходило внутри меня, и поражала сила этого тока, которому не подходило никакое название. Я чувствовал себя так, словно пробудился после долгого сна и снова стал человеком, которым никогда не переставал быть. Долгая жизнь, бегство в последнюю минуту, два моих брака, дети, мои поражения и триумфы — все это мелькало в ускоренном темпе, как на кинолентке. Нет, это неудачный образ, потому что все это было большой массой, обособленной от меня, существующей в собственном измерении времени, а я заново открывал непрерывность, которая связывала меня-ребенка со мной — старым человеком.

В мире, где доминирует техника и происходят великие перемещения населения, большинство из нас — иммигранты в первом или втором поколении, переселившиеся из сельских районов в большие города. Тема родины, вся эта ностальгическая риторика отечества, которой кормит нас литература со времен, когда Одиссей возвращался в Итаку, сегодня утратила значение, если не вовсе позабыта. Возвращаясь к долине моей реки, я нес с собой наследие тех почтенных, несколько поблекших уже фраз и был равнодушен к их сентиментальному обаянию. Тогда что-то произошло — и я должен теперь признаться, что миф Итаки вырастает из глубоких пластов человеческих чувств. Я смотрел на луг. Внезапно я осознал, что во время долгих лет моих странствий напрасно искал я такую композицию листьев и цветов, какую нашел здесь, и что я всегда мечтал о возвращении. Или, говоря точнее, я понял это только тогда, когда меня поглотила огромная волна чувств, которую могу назвать лишь одним словом — счастье.

Чеслав Милош

Перевод Анатолия Ройтмана

ВТОРОЕ ПРОСТРАНСТВО

(Из книги «Druga przestrzeń». 2002)

ПОЗДНЯЯ ЗРЕЛОСТЬ

Не сразу, только под девяносто, открылись двери во мне
и вошел я в прозрачность раннего утра.

Я чувствовал — удаляются от меня, как корабли, одна за другой,
мои предыдущие жизни с их мукой.

Появлялись предназначенные моему резцу страны, сады, города,
морские заливы, чтобы я их описал лучше, чем прежде.

Не был я отделен от людей, жалость и милосердие нас связали,
и говорил я: мы позабыли, что все остаемся детьми Короля.

Ибо приходим оттуда, где нет еще разделенья
на Да и Нет, разделенья на есть, будет и было.

Мы несчастны, ибо используем менее сотой доли
дара, что нами получен на наше долгое странствие.

Минуты вчерашнего дня и минувших веков: удар меча, подкрашивание ресниц
перед зеркалом из шлифованного металла, смертельный выстрел
из мушкета, столкновение каравеллы с рифом пребывают в нас,
ожидая воплощения.

Знал я всегда, что буду работником в винограднике, так же
как все люди, живущие в одно время со мной, сознающие или
не сознающие это.

Я ОБЯЗАН ТЕПЕРЬ

Я обязан теперь быть мудрее, чем был.
Но не знаю, мудрее ли я.

Память выстраивает историю стыда и восхищений.

Стыд я запер в себе, но мгновение восхищенья
солнечной полосой на стене, трелью иволги, ирисом, ликом,
томом стихов, человеком, длится и возвращается в блеске.

Этот миг возвышает меня над моим несовершенством.

Вы, в кого был я влюблен, приблизьтесь, простите мне
вины мои, учтя мое ослепление вашей красотой.

Совершенны вы не были, но для меня эта форма бровей,
этот наклон головы, эта речь, ветренная, но сдержанная,
могли принадлежать лишь существам совершенным.

Я клялся любить вас вечно, однако, потом
решимость ослабевала.

Из мерцающих взглядов соткана моя ткань,
не хватило б ее, чтобы обвить монумент.

Остался я с ненаписанными одами во славу многих
женщин и мужчин.

Их несравненная преданность, жертвенность, стойкость
вместе с ними ушли, и никто не знает о них.
Не знает никто во всю вечность.

Когда думаю я об этом, мне нужен бессмертный Свидетель,
чтоб он один знал и помнил.

ВЕРКИ

Бубен, рожок и виола, музыка в том
Доме на взгорье, осенью, среди лесов.
Вид оттуда широкий на изгибы реки.

Все еще мне бы хотелось улучшать этот мир.
Но думаю больше о них, а все они умерли,
И об их незнакомой стране.
Ее географию, говорит Сведенборг, на карты не перенести,
Поскольку там каждый — каким был, так и видит.
И даже ошибки случаются — путешествуешь, например,
И не знаешь, что ты уже на другой стороне.

Так и я, может, мне только снится это рыжее золото леса,
Блеск реки, где я в юности плавал,
Октябрь моих стихов с воздухом как вино.

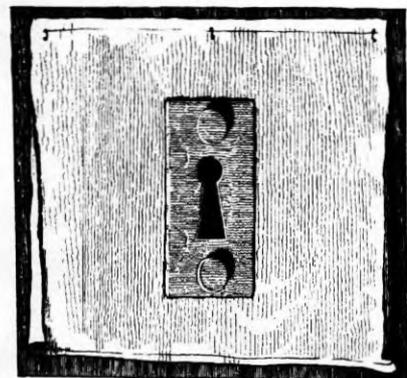
Ксендзы читали проповеди о спасении и осуждении.
Мне ничего об этом не известно теперь.
Руку Вожатого чувствовал я на своем плече,
Но не вспоминал он о каре, награды не обещал .

Верки, под Вильнюсом, октябрь 2000

ЕЖЕЛИ НЕТ

Ежели Бога нет,
то не все человеку позволено.
Он сторож брату своему
и нельзя ему брата своего огорчать,
заявляя, что Бога нет.

КВАРТИРАНТ

Происходило это в городе Вильно, какое-то время спустя после июня 1940, когда город был занят армией восточного соседа.

Некая дама в летах, ввиду финансовых тягот, ибо государство, что прежде платило ей пенсию, пало, сдала комнату офицеру, в ранге, кажется, капитана.

Был это русский: крупный, очень вежливый, но совсем неразговорчивый.

Хлопот он не доставлял, так как не принимал гостей, ни мужчин, ни женщин, утром уходил на службу, возвращался вечером.

Либо свет зажигал и читал, либо лежал на кровати неподвижно в потемках.

Неизвестно, в чем состояла его служба, возможно, из тех, о которых не рассказывают никому.

Неизвестным нам останется его имя, и мы никогда не узнаем, о чем он думал.

Можно только догадываться, что он столкнулся с прежде ему неизвестным переживанием — встречей с цивилизацией совершенно иной, чем та, в которой его воспитали.

Наученный, что нет ни Бога, ни черта, он изумлялся зрелищу толп, молящихся в костелах.

Следовало отсюда горькое чувство тщетности людских верований и просьб, обращенных к лику Отсутствующего.

Вполне вероятно, что он припоминал зло, то есть страдание, приносимое людям людьми.

А также зло, за которое разделяют ответственность, и каков тогда долг человека, если знает он, что такой, не иной, миропорядок.

Если сказать «нет» означает то же, что проклясть день своего рождения.

Он застрелился однажды ночью, и НКВД опечатаало его личные вещи, его наган и книги.

Неприлично было бы сказать, что он встречен был ангельским хором, хотя мы читали в Евангелии: «Блаженны алчущие справедливости».

Уместнее будет смолчать о религии, если он исчез без следа в тысячелетях планеты Земли, вместе с бесчисленным числом других, не удостоенных утешенья.

О СТАРЫХ ЖЕНЩИНАХ

Невидимый, в слишком большие платья облаченный,
прогуливаюсь, изображая отвлеченный разум.

Что это за страна? Траурных венков, страха перед памятью как это было,
крестов заслуги, теряющих ценность.

Думаю о вас, старые женщины, молча перебирающие
дни своей жизни, как бусинки четок.

Надо было выстоять, вытерпеть, справиться,
ждать не ждать, надо было.

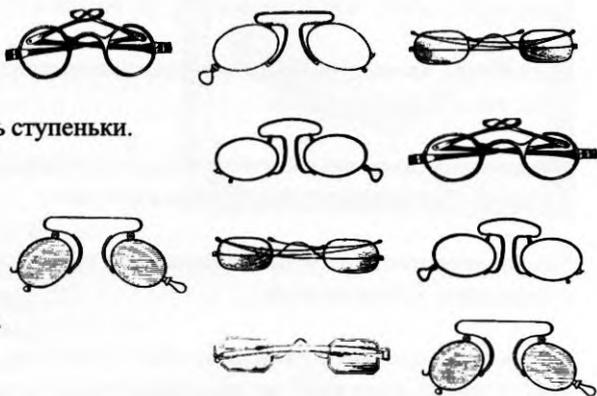
С молитвой о вас обращаюсь к Всевышнему с помощью ваших
лиц на фотографиях.

Лишь бы день вашей смерти был не днем безнадежности,
но доверия к проглядывающему из-за земных форм свет.

НОВЫЙ ВЕК

Тело не хочет слушаться моих приказов.
Спотыкается на ровном месте, ему трудно осилить ступеньки.
Отношусь к нему сатирически. Высмеиваю
Дряблость мышц, шарканье ног, слепоту,
Все параметры глубокой старости.

К счастью, по прежнему ночью сочиняю стихи.
Хотя, записав их утром, не могу позднее прочесть.
Помогают мне увеличенные буквы компьютера.
Которого я дождался, что уже хорошо.

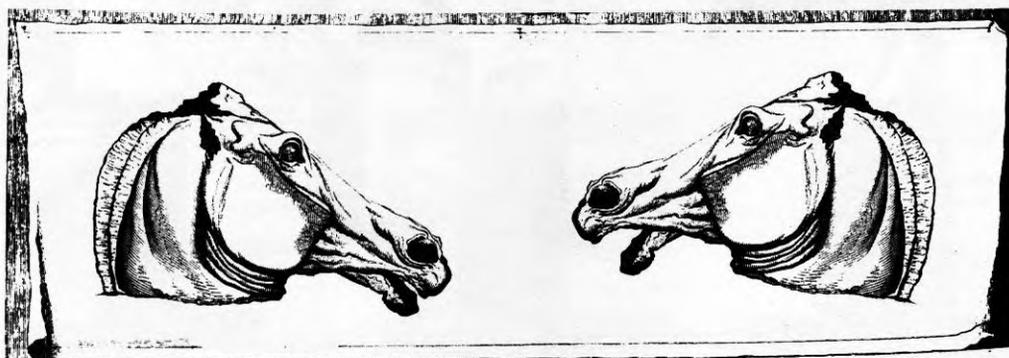

ГЛАЗА

Уважаемые глаза мои, беда мне с вами.
Получаю от вас рисунок нерезкий,
А если цвет, то как бы в тумане.
А были вы сворой королевских гончих,
Отправлялся я с ней на рассвете когда-то.
Глаза мои цепкие, вы много видали
Стран и городов, островов и океанов.
Мы вместе встречали восходы огромные солнца,
Когда дыханье широкое призывало к бегу
По тропинкам, на которых подсыхала роса.
Теперь то, что вы видели, скрыто во мне,
И преобразилось в память или сны.
Не спеша удаляюсь от ярмарки мира
И в себе замечаю почти неприязнь
К обезьяньим нарядам, крикам, барабанному бою.
Облегченье какое. Наедине, со своим раздумьем
О принципиальном подобьи людей
И о мелком зерне их несходства.
Без глаз, уставившийся в одну светлую точку,
Которая расширяется и охватывает меня.

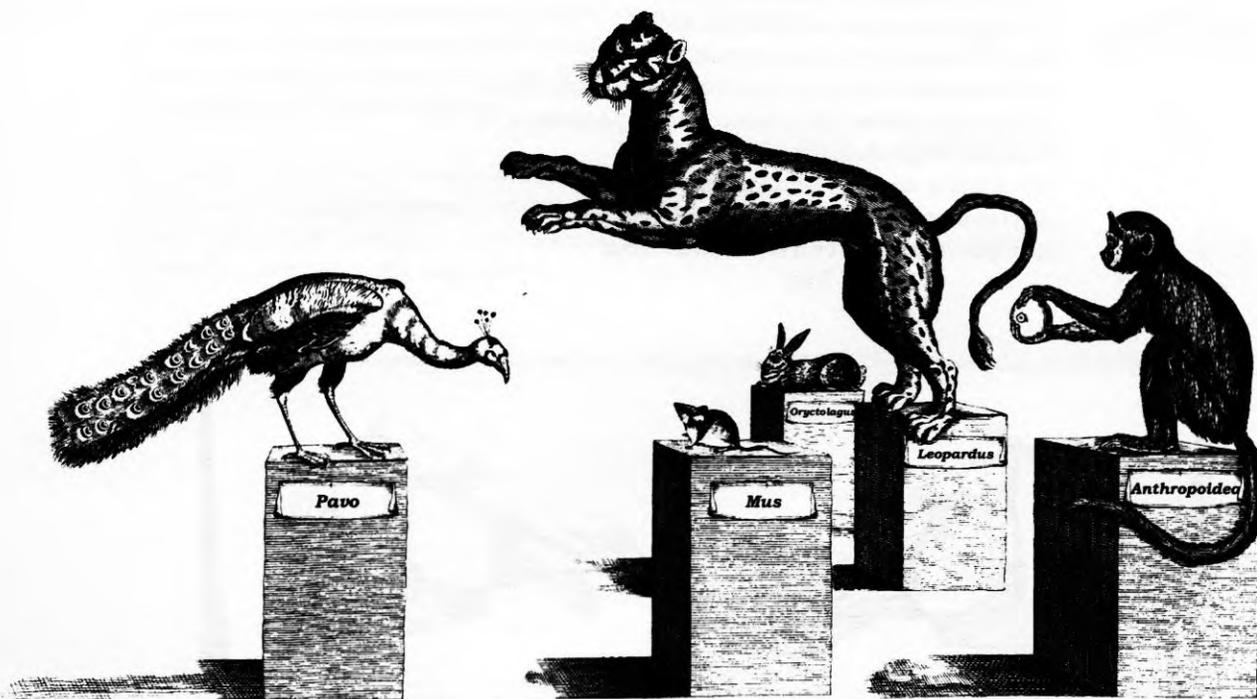
22.VI.2001

УЧЕННЫЕ

Подозрительна красота природы.
Ну, да, роскошь цветов.
Наука заботится о лишении нас иллюзий.
Даже неизвестно, почему ей это так важно.
Борьба генов; признаки, обеспечивающие успех; прибыль и убыль.
Боже, каким языком говорят эти люди
В белых халатах? Чарльз Дарвин
Хотя бы испытывал угрызения совести,
Оглашая свою теорию, дьявольскую, как он говорил.
А они что? ведь это их замысел:
Распределить крыс по отдельным клеткам,
Распределить людей, некоторые их виды
Списать на генетические потери и перетравить.
«Великолепье павлина — хвала Богу» — писал Уильям Блейк.
Когда-то нам тешила глаз
Бескорыстная красота, из одних излишеств.
А что нам они оставили? Лишь бухгалтерию
Капиталистического предприятия.

ПРЕБЫВАНИЕ

Пребывание в том городе было похоже на сон,
И сон длился много лет.

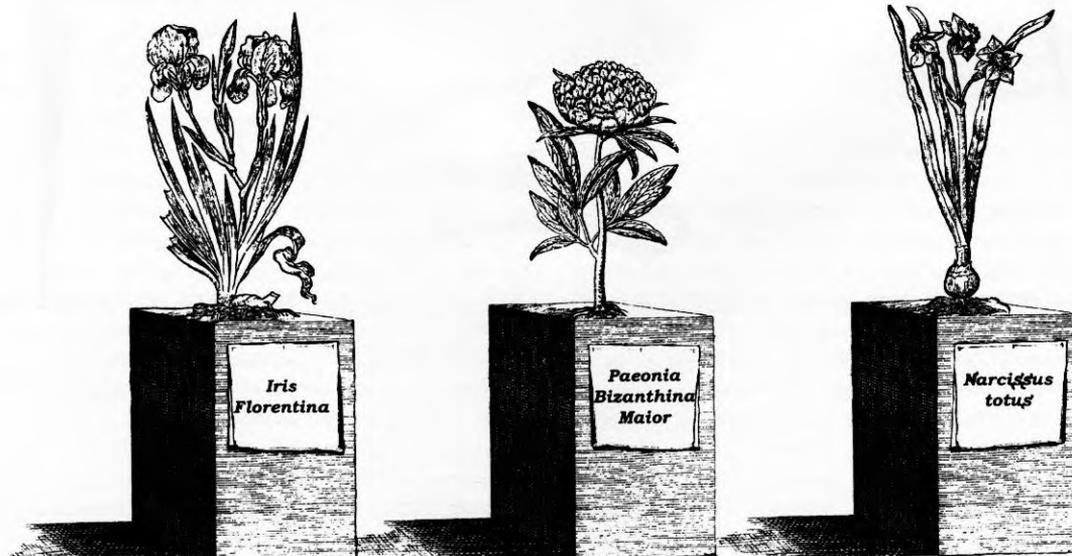
Меня, если честно, не волновало ничто,
Пока слышал я голос, диктовавший стихи.

Такой изобрел я образ жизни,
И так исполнялось мое предназначение.

Некоторым казалось, что я с ними,
Потому они верили моему притворству.

Я упрекал себя в этом, так как хотел быть другим:
Благородным, смелым, правдивым.

Потом уже лишь говорил: высоки слишком пороги,
Был я и буду кривым, кому что до того?

ВЫСЛУШАЙ

Выслушай меня, Господи, ибо я грешен, а это значит,
что нет у меня ничего, кроме молитвы.

Избавь меня ото дня иссушения и бессилья.

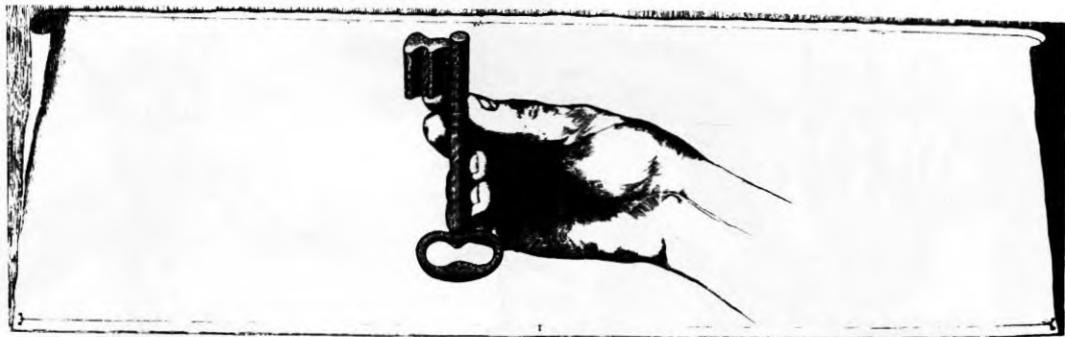
Когда ни полет ласточки, ни пионы, нарциссы и ирисы
на цветочном базаре не будут для меня знамением Твоей славы.

Когда меня окружают насмешники, а я против их аргументов
не сумею припомнить ни одного Твоего чуда.

Когда себе покажусь обманщиком и шарлатаном,
так как участвую в религиозных обрядах.

Когда Тебя обвиню в установлении всеобщего закона смерти.

Когда уже буду готов склониться пред небытием и жизнь на земле
назвать дьявольским водевилем.

Моника Вуйцяк

МИЛОШ, СОЛОВЬЕВ И ДРУГИЕ

Я думаю, что мой образ мысли очень близок образу мысли русских философов. Мне очень жаль. (...) Мне очень жаль, ибо я вовсе не русофил. Напротив — мое отношение в целом к их направлению мысли весьма скептическое.

(«Чеслава Милоша-строптивца автопортрет.» Беседа вел Александр Фьют)

Слова, взятые эпитафией, характеризуют весьма сложное и неоднозначное отношение Милоша к России, а также некоторую осторожность в отношении к ее литературе, философии и истории. В своих эссе и очерках поэт неоднократно обращается к русской тематике, пытаясь преодолеть стереотипы и представить подлинный облик культуры этой исключительно своеобразной, трудно поддающейся описанию страны. Он пытается справиться с русским вопросом, к которому обращается, как сам утверждает, по географическим причинам, ведомый случаем и опираясь на свой биографический опыт. Милош признавался, что русские близки ему, но Россия — как некий проект цивилизации — вызывает у него тревогу и настраивает скептически. Этот дуализм находит отражение у поэта в том, каким образом он использует русские сюжеты, как выбирает темы, к каким выводам приходит.

Вот весьма характерное мнение Милоша:

«В русской литературе есть два произведения, которые по силе воздействия почти равны евангельским притчам и подобным которым нет ни в одной другой литературе» (Достоевский сегодня // «Культура», 1992, №5).

Поэт имеет в виду «Легенду о Великом Инквизиторе» Достоевского и «Краткую повесть об антихристе» Владимира Соловьева. Наверное, стоит вслед за Милошем задуматься о том, что же скрывают в себе названные произведения, коль скоро их содержание и смысл приводят на память боговдохновенные священные тексты? Это тем более интересно, что суть обоих произведений заключается в том, что человек оказывается перед лицом зла в чистом виде. Однако, прежде чем мы перейдем к рассмотрению этого крайне любопытного вопроса, поразмышляем над самим фактом сопоставления этих текстов, их сосуществования в рассуждениях поэта. Как оказалось, то, что

объединяет оба произведения, носит характер не только тематический, но и биографический. В самой истории знакомства обоих авторов, продолжавшегося несколько лет, которое было и вдохновляющим, и плодотворным для обеих сторон, следует видеть генезис названных произведений и той формы, которую они в конечном итоге обрели. Итак, приведем несколько исторических фактов, которые послужат введением к основной линии рассуждений.

Биографический контекст

В биографиях обоих авторов, хотя и довольно разных на первый взгляд, есть совпадающие моменты. Здесь нет возможности представить весьма непростые и чрезвычайно богатые судьбы русских мыслителей. Однако стоит специально отметить тот момент, который в некотором смысле предопределил будущее авторов, получивших уже в то время признание и славу. А именно, когда в 1877 г. Соловьев из вояжей по Европе (и не только) вернулся в Россию, то в результате конфликта с профессурой Московского университета ему пришлось проститься с университетом и переехать в Петербург. Годы, проведенные в городе на Неве, оказались для философа чрезвычайно интенсивными и творчески плодотворными. Его лекции по литературе, историософии и философии религии привлекали внимание интеллектуальной элиты тогдашней России. На лекциях в Соляном городке под Петербургом Соловьев познакомился с Достоевским.

Философа Соловьева в то время занимали вопросы, связанные с богочеловечеством, а писатель Достоевский, после бурных жизненных перипетий достигший покоя и ощущения сбывшихся надежд благодаря женитьбе на Анне Сниткиной, приступил к работе над очередным — как потом окажется, последним — романом. Несмотря на разницу в возрасте, знакомство философа с писателем переросло в дружбу, кульминацией которой стала совместная поездка в Оптину пустынь. Достоевскому, тяжело переживавшему смерть младшего сына Алеши, требовалась дружеская поддержка. По просьбе жены Достоевского опекуном и добрым гением писателя на время этой поездки стал Соловьев, и можно сказать, что имен-

но благодаря беседам с философом к Достоевскому вернулось внутреннее равновесие. А Оптина пустынь, мужской монастырь близ Козельска, главный духовный центр России в XIX веке, способствовала подобного рода отрешению и духовному общению в прямом смысле этого слова. Стоит также упомянуть институт старчества, самым выдающимся представителем которого в 70-е годы XIX века был отец Амвросий. Старчество являлось собой монашеский идеал святости, образцы самосовершенствования и образ поисков истины. В пустынь ездили и за «наукой», и за исцелением от болезни духа.

Несколько дней, проведенных в таком месте, безусловно повлияли на формирование последнего великого романа Достоевского — «Братьев Карамазовых». В историю семьи Карамазовых оказался вписан отец Амвросий, воплотившийся в образе старца Зосимы. Хотя, как отмечает Милош, святого старца русский писатель изобразил по-своему. В романе тело отшельника после смерти подверглось разложению, а это противоречит православной догме о святости. Такой способ полемики с религиозностью многое говорит о самом писателе. Поэт утверждал даже, что с помощью посмертной десакрализации старца Достоевский, что называется, «приложил» глубоко верующего Алешу и подверг тем самым его веру тяжкому испытанию сомнением. Прототипом младшего из братьев, по общепризнанному мнению, был Соловьев. Милош с этим не согласен и утверждает, что философ в качестве прототипа скорее подходит Ивану — юноше «несимпатичному», хотя и «гениальному».

Почти неделю Соловьев и Достоевский провели в дискуссиях на темы, касавшиеся сущности бытия. В них наверняка нашлось место размышлениям о происхождении зла и его существовании в мире. Не могли они также обойти свойственного подобным рассуждениям трансцендентного соотнесения. Ведь оба мыслителя посвятили свои творческие усилия вопросам истины и веры. Об этом — созданные ими произведения. «Легенда о Великом Инквизиторе» родилась в пространстве дискуссии, возможно спора. А «Краткая повесть об антихристе» представляется ее эхом, но также дополнением или даже воплощением.

*Достоевский умер в 1881 году, его *opus vitae* остался незавершенным. Дальнейшие главы романа должны были быть посвящены судьбе Алешу, его внутренним борениям, духовной борьбе, которая приводит к простой и безусловной вере.*

Автор «Чтений о Богочеловечестве» пережил друга на девятнадцать лет. Соловьев умер после долгой и тяжелой болезни. Истощенный, слабеющий, теряющий зрение философ уходил в мир иной, по свидетельству его близких, спокойным, с библейскими псалмами на устах. В последние минуты жизни он причастился Святым Дарам, причастился Богу и православию. Я упоминаю о духовном состоянии мыслителя неспроста. Существует легенда, на которую, впрочем, ссылаются исследователи, что Соловьев перед смертью был искушаем дьяволом. Запись о своих духовных стычках с князем тьмы, ярко и реалистически описанных, Соловьев оставил в письмах к брату. При этом надо помнить, что мистические видения, в которых являлась ему София — душа мира, случались с философом трижды еще в предыдущие годы.

В иррациональных переживаниях раскрывается духовная структура философа, а также, что еще важнее, проявляется его внутренняя эволюция. Последний год своей жизни Соловьев посвятил работе над «Тремя разговорами». Это произведение завершает «Краткая повесть об антихристе». Следует подчеркнуть, что произведение, венчающее наследие философа, занимает особое место в его творчестве. В мировоззренческом плане существование этого антагонизма между последними и более ранними годами жизни философа также хорошо заметно. Милош присоединяется к мнению тех критиков, которые считают, что это произведение Соловьева стало отрицанием всего, во что он верил и что исповедовал прежде. Хотя более осторожным, вероятно, был бы тезис о том, что философ, взирая на результаты своих трудов с перспективы предчувствуемой близкой смерти, подверг их пересмотру и переоценке.

Достоевский и Соловьев создавали обсуждаемые здесь произведения в специфической атмосфере конца века.

У Соловьева юношеский, длившийся пять лет кризис стал периодом перехода от стереотипной и пассивной религиозности к живой и осознанной вере. Это был новый этап на пути его духовного развития. Знаменательно, что философ увлекся тогда нигилизмом, весьма популярным среди русской молодежи в 60-е годы XIX века. Однако учеба в московской Духовной академии окончательно предопределила его выбор в сфере мировоззрения. Что же касается Достоевского, то тут можно говорить о перманентно длившейся ситуации кризиса, неустанно преодолеваемого и вместе с тем составлявшего неиссякаемый источник творческой деятельности. Состояние внутреннего спора об аксиомах нашло отражение в созданных

им литературных героях — нигилистах, атеистах, личностях, постоянно борющихся с Богом, миром и самими собой.

Инквизитор и антихрист

Почему Милош ищет вдохновения у русских мыслителей? Потому что никто, кроме них, не описывал зло более захватывающим и одновременно паразитическим образом. Вопрос этот, извечно занимавший художников, волнует и польского поэта. «Unde malum?» [откуда берется зло] — вопрошает он в стихотворениях и эссе. Этот вопрос он повторяет скорее ради его универсального значения, ибо ответ, как представляется, остается в сфере гипотез и исследований. Он разыскивает зло в текстах культуры, размышляет над его генезисом, пытается понять его структуру и суть, осознать его присутствие и силу. И, по возможности, прежде всего понять податливость человека злу. Как представляется, у Достоевского и Соловьева поэта интересует то, как они описывают зло, форму, которую оно принимает и масштабность его распространения. «Легенда о Великом Инквизиторе», по мнению Милоша, занимается великим «если»:

«Если Иисус ошибся, апеллируя к свободе человека и его высшему назначению, если земле страданий и смерти прямо предначертано быть под властью князя мира сего, то как должен поступить человек, который сострадает людям и хочет дать им столько счастья, сколько возможно? Он должен сотрудничать с князем мира сего, ибо только так, следуя причинно-следственным законам, можно построить общество, пусть и не совершенное, но зато более реальное, чем возможное Царство Божие. Этот путь и выбирает Великий Инквизитор, он обманывает людей и соглашается принять на себя страдание от знания о своей собственной лжи» (там же).

Милош в каждой из своих статей, посвященных Достоевскому, вспоминает «Легенду о Великом Инквизиторе», которая составляет для него важную отправную точку и основу для формулирования собственной теории. Чтобы реконструировать мысль поэта, следует отметить, что «Легенда» — необходимый и особый структурный элемент романа «Братья Карамазовы». Ее автор — Иван, а первый и единственный слушатель — самый младший из братьев. Перед оглашением своей поэмы герой символически «возвращает Богу билет», не соглашаясь с установленным им порядком вещей, особенно в том, что касается «слезинки невинного ребенка». Ивана, напомним и об этом, в дальнейшем в романе преследуют галлюцинации, в результате которых он теряет рассу-

док. Свою поэму Иван основывает на евангельской притче о том, как Христа трижды искушает в пустыне «страшный и умный дух, дух самоуничтожения и небытия». Великий Инквизитор, встретив Христа, открывает ему, что не было за всю историю мира высказано слов истиннее тех, что были предложены ему в трех памятных вопросах. И если бы эти вопросы не прозвучали, то их следовало бы вновь придумать. Ибо именно в этих трех фразах «выражена вся будущая история мира и человечества». Христос молчит во время разглагольствований инквизитора, последний же подвергает сомнению Божественный промысел о судьбе человека.

По мнению Милоша, в поэме поставлен принципиальный вопрос: кто прав — искуситель или искушаемый Христос? И поэт отвечает в соответствии с замыслом Ивана: правота на стороне искусителя. По Божественному промыслу, человек — существо свободное и, обладая этой своей свободой, должен выбирать: пойти ли за Христом, преодолеть сопротивление природы, возвыситься над детерминизмом и материальным соблазном? Иными словами, он должен вступить в борьбу за духовную чистоту в той реальности, которая стремится к темной стороне бытия. Однако ценой человеческой борьбы будет страдание, нужда и всяческие лишения.

Но, как утверждает Великий Инквизитор, человек «слаб и подл». И не «умеет быть свободным», и «боится свободного выбора». Он не желает жить в нужде или терпеть боль, как физическую, так и метафизическую. Поэтому предложение «духа земли» представляется Инквизитору обоснованным и единственно приемлемым. Во имя сострадания к людям Инквизитор с помощью «князя мира сего» стремится установить в мире порядок, основанный на «рабстве счастливых». Вот его программа: хлеб вместо свободы, покой вместо духовных борений, счастье взамен абсолютной покорности. В поэме возникает вопрос упоминавшегося уже «если». Если Христос не воскрес из мертвых, если Христос ошибся, желая дать человеку свободу, то чем же становится мир? «Дьявольским вовевилем».

Аргументация Инквизитора, по мнению поэта, имеет сильные и даже неоспоримые обоснования. Ни в одном другом фрагменте своего творчества Достоевскому не удалось столь мощно выразить свои сомнения и невозможность веры. Однако, утверждает Милош, Иван не просто атеист, для него это слишком «примитивно». Он «Бога отменяет по нравственному принципу». Он отказывает ему в правоте, вследствие чего разрушает

дуалистический порядок вещей, основанный на противопоставлении добра и зла, правды и лжи. Фундамент, на котором построен мир, заколебался в тот момент, когда Христос отказался принять три искушения. С этого момента Великий Инквизитор подчиняет себя и свои действия власти разума, который велит ему действовать согласно законам природы, в том числе природы человеческой. Последняя же подчинена управлению «мощного духа небытия». Однако свобода, составляющая главную тему «Легенды», равно как и всего творчества Достоевского, не сводится к простым дефинициям. Речь тут идет не о смешении ценностей или временном отказе от выбора, и не о колебании «между» или же о гностическом синкретизме. Всяческий релятивизм отвергается ради категорического: или — или. Великий Инквизитор выступает за конкретность выбора зла. Милош делает вывод: «На аргументы Ивана нет ответа. Можно ли понимать существование страдания, зла в мире как творение доброго Бога? Единоборство «авторов» поэмы сопровождается, и это следует особенно подчеркнуть, серьезными сомнениями. И Иван, и Достоевский утрачивают веру. Остается картина мира без Бога, когда вседозволенность ведет к разрушению.

По мнению Колаковского, ««все позволено» означает практически конец света». А это уже мотив апокалиптический. Откровение Иоанна Богослова было одним из излюбленных текстов у русских мыслителей, но также и у Милоша, который, как известно, перевел богодухновенную книгу, прокомментировав свой выбор переводчика словами:

«Образы и символы Откровения всегда были для меня очень убедительны, я также искал ответ на задаваемый многими вопрос: является ли это пророчеством событий, которые когда-нибудь, со временем наступят, пророчеством, быть может, зашифрованным и близким к исполнению? Или же в своей фактографической форме это лишь предсказание падения Рима? Я склонен верить, что одно не исключает другого, поскольку (воспользуюсь тут термином, который я нашел у православного богослова Сергея Булгакова) провидение святого Иоанна относится к метаистории» (Вступительное слово к переводу Евангелия от Марка и Откровения Иоанна Богослова).

В контекст Откровения вписывается и произведение Соловьева, которое одновременно продолжает сюжет, представленный Достоевским в «Братьях Карамазовых». В «Краткой повести об Антихристе» описываются события, которые должны произойти в XXI веке. После победы пан-

монголизма европейские народы сплачивают свои ряды и освобождаются от власти захватчиков с Востока. Европа становится организмом смешанным, изменившимся, другим. Но по-прежнему остаются неразрешенными вопросы жизни и смерти, а также вопрос «об окончательной судьбе мира и человека».

В это время появляется весьма незаурядный человек, верующий спиритуалист, гений. Этот сверхчеловек, как называли его многие, желал заменить Христа. Милош справедливо уделяет внимание сцене, когда он передает себя под опеку или под власть мощного духа, сцене, которая являет собой в точности обратное отражение крещения Христа в Иордане. Воодушевленный сверхчеловек пишет революционное по сути сочинение «Открытый путь к вселенскому миру и благоденствию», а затем, став императором Европейских Соединенных Штатов, в течение всего лишь двух лет устанавливает «вечный всеобщий мир» и «равенство всеобщей сытости». На третий год его правления прибыл к нему с Востока чародей и маг Аполлоний, который поклонился ему как истинному сыну Божию и заверил сверхчеловека в том, что ему предназначено быть «последним спасителем и судьей вселенной». И вот император решил заняться вопросом религии. Христиан в Европе осталось уже совсем немного, но их усердие и искренность стали иными. Прежние межрелигиозные распри утратили остроту. Окреп дух католиков, протестантов и православных, что проявилось в глубоком изучении Священного Писания и в богословских диспутах. Среди вопросов, которые обсуждались живее всего, оказалось пророчество о скором приходе антихриста.

На созванном императором (почувявшим опасность) вселенском соборе он пообещал верующим — взамен на одобрение и подчинение — то, что для них всего дороже: католикам — возвращение папства в столицу Петрову, протестантам — исследование Священного Писания «со всевозможных сторон и во всевозможных направлениях», православным — поощрение Священного Предания. Но меньшинство христиан потребовало «исповедать имя Христово». Тут сверхчеловек был разоблачен как антихрист.

Еще какое-то время продолжалось его правление, Аполлоний совершал «чудеса и диковины», но бунт евреев и движение организовавшихся в пустыне христиан, ведомых знаменами Божиими, спровоцировали императора на войну. В конце концов вмешательство сверхъестественных сил уничтожило и антихриста и сопровождавшего его Аполлония. Поглотила их самым буквальным об-

разом земля. Исполнилось предсказанное апостолом Иоанном Богословом.

Милош в соответствии с традицией указывает на два присущие культуре способа визуализации зла. С одной стороны, это зло явное, напоминающее о себе, распознаваемое по плодам своим. Основанное на принципе: зло может порождать только зло. Но с другой — зло может рядиться в одежды добра. Его орудием становятся ложь и маска. Соловьев вводит в культурное распознавание зла известную модификацию: зло, пришедшее в мир в образе антихриста, вершит добро, желает мира и счастья для человечества, «обольщая не только других, но и самое себя». У Достоевского все несколько иначе. Великий Инквизитор гарантирует человеку существование в достатке и покое в совершенном государстве князя тьмы, но в отличие от антихриста он презирает человека и остается врагом свободы. Как представляется, именно этот момент в наших рассуждениях ближе всего подводит к сути размышлений Милоша.

Перед лицом чистого зла

Милош признавал, что эссе о Соловьеве и его «Краткой повести об антихристе» не было бы написано, если бы не знакомство с Орвьето: в тамошнем соборе поэт увидел фрески XV века работы Луки Синьорелли, на которых художник представил рядом с изображением «Страшного суда» картину, названную «Проповедь антихриста». На картине итальянского художника поражает вид антихриста. Его лицо, вид, жест поразительно напоминают известное по иконографии изображение Христа. Антихрист Синьорелли указывает рукой на сердце, которое наполнено любовью к человеку. Единственное указание, помогающее зрителю правильно воспринять изображенное, это силуэт дьявола, который, прильнув к своему ученику, шепчет ему на ухо.

Такое представление антихриста, подчеркивает Милош, характерно для иконографии Средних веков, а также более позднего времени. Источник его — в народной традиции; для подобных изображений поэт нашел удачное название «апокалиптический фольклор». Трудно сказать, видел ли Соловьев во время своего путешествия по Италии фрески в Орвьето и они ли вдохновили его последнее произведение. Или же он просто стал выдающимся продолжателем распространенного в культуре представления. Антихрист, описанный философом, подчеркивает Милош, — это человек безупречный, этический, прекрасный. Более того, он верит, что его действиями руководит любовь к людям, и совершает поступки великие и добрые. Он

стремится к организации общества, основанного на принципах, записанных в Евангелии. Но самая главная черта сверхчеловека — неведение. Он не знает, что будет антихристом, по крайней мере до тех пор, пока его самовлюбленность не разбудит в его мыслях вражды к Христу. Сознание превосходства над Сыном Божиим, отрицание воскресения из мертвых и желание воплотить учение Иисуса в реальность превращают его в предсказанного в Откровении князя мира сего.

По мнению Милоша, философ, подобно тому, как это происходит в апокалиптическом фольклоре, считает причиной зла бунт ангелов. Необычайно красивые и умные ангелы избрали служение себе вместо служения Богу. Следовательно, пессимизм Соловьева основан на тезисе, что каждое его повторяет акт падшего ангела, ибо таков закон природы и так пробуждаются демоны зла. Зло у русского мыслителя коварно. Ибо разве недостаточно для человечества счастья, которое проявляется в покое и сытости? Вот аргумент Ивана Карамазова: что может быть важнее спокойного, праведного существования в достатке? Если в результате правления князя тьмы не «прольется слезинка ребенка», то по какому праву может быть свергнуто такое правление? Аргументы героя одновременно дают ключ к пониманию обоих произведений. Общим знаменателем обсуждаемых текстов становится способ существования зла в мире. У Достоевского и Соловьева зло надевает маску добра. А значит, опирается на обман. Можно себе представить результаты правления, в генезисе которого скрыта ложь. Несомненно, эффект такого правления был бы трагичен.

«Обман, — пишет Милош, — равняется требованию отдать Цезарю и все земное, и все Божие, то есть гражданин будет счастлив, но только ценой абсолютного послушания во всех своих мыслях и поступках» («Science fiction и пришестви антихриста»).

У Соловьева акт непослушания компрометирует и разоблачает идеального правителя. Бунт, с которым без труда справился Великий Инквизитор, приобретая форму религиозного возрождения, прибавляет забот антихристу, а в результате предопределяет конец его правления.

То, как русские мыслители описывают зло, имеет для Милоша еще и другое принципиальное значение, характеризуя мироощущение человека не только в конце XIX века. Великий Инквизитор и антихрист, предлагая установить правление духа небития на земле, прекрасно ориентировались в духовных возможностях человека. Знали его взгляды и слабости, понимали потребности, так что ис-

кушали его обнадеживающими перспективами. Для Милоша характерный пример составляет русская интеллигенция, которую, как он утверждает, портило «научное мировоззрение», разрушая изнутри ее духовное самосознание. Россия в XIX веке прошла ускоренное развитие, впитав за несколько десятилетий плоды западной мысли, созревавшие на протяжении трехсот лет. Этот факт, а также специфика русской религиозности, основанная на «сращивании Церкви с самодержавием», привели к анархистскому мятежу и атеизму образованной части общества. К революции, наконец. Именно в ней, по мнению поэта, воплотилось зло, описанное Достоевским и Соловьевым.

«Религиозная бесприютность», убедительно представленная у Достоевского, находит свое подтверждение и в рассказе Соловьева (в Предисловии к «Трем разговорам») о возникшей где-то в «восточных губерниях России» секте «дыромольев», последователи которой, крестьяне, проделывали в стенах своих изб дыру, чтобы затем творить перед ней молитву: «моя священная дыра». По мнению философа, то же самое представляет собой современная интеллигенция, апеллирующая ко всеобщей доброте, справедливости и братству, то есть к евангельским ценностям, и одновременно отвергающая метафизические основы. Это напоминает молитву, обращенную к дыре, то есть к пустоте. Милош в своих истолкованиях неоднократно ссылается на мнения Розанова, Шестова, Бердяева. Стоит привести мнение последнего:

«В основе вопроса Ивана Карамазова лежит какая-то ложная русская чувствительность и сентиментальность, ложное сострадание к человеку, доведенное до ненависти к Богу и божественному смыслу мировой жизни. Русские сплошь и рядом бывают нигилистами-бунтарями из ложного морализма.

Русский делает историю Богу из-за слезинки ребенка, возвращает билет, отрицает все ценности и святости, он не выносит страданий, не хочет жертв. Но он же ничего не сделает реально, чтобы слез было меньше, он увеличивает количество пролитых слез, он делает революцию, которая вся основана на неисчислимых слезах и страданиях» (Духи русской революции).

Поэт, утверждая, что в случае с русской интеллигенцией как в фокусе сконцентрировались опасности современного мира, описывает состояние человека на рубеже тысячелетий. Тенденции, отмеченные в обсуждаемых здесь произведениях, переродились в дилетантский гуманизм — явление весьма характерное и заметное в Западной Европе XX века. Важно отметить, что

имеются три версии гуманистического манифеста, под которым подписываются интеллигенты. Последняя, актуализированная вследствие изменений, произошедших в сфере технологий и глобализации, появилась в 2000 году, который можно назвать особым.

Стоит привести здесь один из важнейших постулатов, содержащихся в таком манифесте. Так, гуманисты, ссылаясь на возвышенные традиции Ренессанса, призывают отказаться от нигилистической философии гибели и отчаяния, то есть от апокалиптического сценария, содержащегося в евангельском учении. Лозунг, провозглашаемый ими, весьма знаменателен: нет спасения без человека. Углубленный анализ текста подтверждает вывод Милоша: сегодняшний мир ищет и стремится к этике в отрыве от метафизических источников. Размышляя над явлениями, наметившимися в XXI веке, можно смело утверждать, что вследствие проникновения в жизнь дилетантства, релятивизм несомненно приобретает все более широкое распространение. «Диктатура релятивизма», о которой все чаще дискутируют философы и особенно богословы, представляет собой опасность наивысшего порядка.

Поэтому нет ничего удивительного в том, о чем говорит Милош, наблюдая за состоянием духа человека на пороге третьего тысячелетия. По мнению поэта, самая неожиданная его черта — «добровольная слепота, отказ от исторического опыта, словно человек о своем бесовстве узнал слишком много и не смог этого вынести». Это означает потерю бдительности и принятие за добро того, что по сути отнюдь не добро. Перед лицом глобализации, релятивизма и потребительского образа мыслей — искушений и соблазнов современного мира — человек кажется слабым и уступчивым.

Тем более стоит вслед за Милошем повторить вопрос об исторической роли христианства на протяжении веков. По мнению поэта, христианство служило одной цели: напоминало о трагической предопределенности существования человека. Но религия выхолощенная, в которой отсутствует ее трагический аспект, способствует чрезмерно высокой оценке модели человека в сфере определенной культуры. Христос же, будучи Бого-человеком, бросал вызов природе, попирая смерть, и так его воспринимали на протяжении двух тысячелетий. Он был тем фундаментом, на котором основано бытие в его брэнном и трансцендентном измерении. Отказ от аксиологии, подкрепленной метафизическим контекстом, приведет — пророчесствует поэт — к воплощению провиденного Достоевским и тем более Соловьевым.

Если бы сегодня, — пишет Милош, — «появился сверхчеловек, обещающий покончить с отчуждением, обещающий любовь и добро, многие, равнодушные к правде и неправде», приняли бы его правление с благодарностью и признанием.

Притча

В «Необъятной земле» Милош приводит цитаты, сентенции, собственные переводы, имеющие важное значение стихи, отрывки прозы, а также фрагменты из писем. Слова, которые привлекли его внимание, оставили неизгладимый след и по-своему взволновали его. Эти «маленькие жемчужины», как их называет Блонский, выстраиваются соответственно замыслу поэта в яркую мозаику, которая отражает полноту мировоззрения Милоша. Коварный это способ автопредставления, вынуждающий читателя вести особого рода игру, требующий терпения и сосредоточенности при чтении. Среди литературных отрывков есть также фрагмент «Трех разговоров», озаглавленный «Притча Соловьева».

Как представляется, история, рассказанная философом, может иметь существенное значение при рассмотрении тех вопросов, которые затронуты в данном очерке. Для ясности следует напомнить, что в «Трех разговорах» среди собеседников есть представитель «толстовства». Против философии Толстого, в основе которой лежит непротивление злу насилием и нравственное самосовершенствование, направлена притча об антихристе и критика самого философа. Ее полемическое острие направлено против мнения о том, что человек сам по себе может стать лучше и прекратить войны, а также перестать совершать всяческие пагубные действия. Но здесь обнаруживается истинная проблема, касающаяся природы человека и сути зла. Для Милоша этот центральный вопрос сводится к тезису:

«Если человек не виновен, а был только растлен и «отчужден» обществом, то совершенствуя общество, можно будет восстановить его невиновность.

Если же «мир лежит во зле» и зло срослось с самим его человека, то в наших расчетах следует учесть это отсутствие невиновности, ибо в противном случае мы рискуем тем, что нам «отомстит» слишком идеально задуманное общественное устройство».

«Притча Соловьева», которую поэт поместил в томе «золотых мыслей», на фоне вышензложенного отступления, пусть будет главной ее мыслью. В ней рассказывается история двух отшельников, ведущих жизнь в нищете и праведности в Нитрийской пустыне. Целью их было достичь святости. И

вот дьявол стал искушать их. Оба они, не сговариваясь, ибо жили в отдельных пустынях, отправились в расположенную неподалеку Александрию. В прославленном городе они предавались разврату «три дня и три ночи». После чего вернулись в свои отшельнические скиты. Один из пустынников был в отчаянии и сожалел о грехах своих, понимая, что это конец его праведной жизни и что вина его перед Духом Святым столь велика, что перечеркивает все его прежние жертвы. Одним словом, его путь к спасению, как он считал, закончился. С такими мыслями отшельник оставил свою пустынь и пустился в путь по свету, вел жизнь разгульную, грабил и убивал. В конце концов, осужденный за совершенные преступления, он умер без покаяния.

Другой же отшельник все случившееся в Александрии благословил, переосмыслив суть и смысл содеянного. Он не предавался сомнениям или вообще не находил в своих поступках греховности. По-прежнему молился и постился. И в конце концов прославился тем, что совершил множество чудесных исцелений. Достаточно было одного его слова, чтобы бесплодные прежде женщины «рождали детей мужеского пола». А после смерти тело монаха «расцвело красотой и молодостью», что в православии означает святость. Имя его было вписано в святцы и прославляют его по сей день.

Вскрывает ли текст Соловьева источник отчаяния человека, причиной которого становится отсутствие надежды на преодоление греха и зла? Чем пользуется князь мира сего, подсаживая человеку: «сосредоточься на своей вине и уйди в себя»? Или же идея притчи заключается в том, чтобы показать иллюзорность любого выбора? Милош не комментирует намерений русского мыслителя. А поднимая проблему зла, не дает простых ответов — скорее отмечает самые болевые точки человеческой природы и природы мира.

Томас Венцлова

ПОЭТ ОБОИХ НАРОДОВ

После смерти Чеслава Милоша нашлись такие — немногочисленные, но заметные, — кто называл его поэтом недостаточно католическим и недостаточно польским. (Это, впрочем, были не первые нападки на Милоша: в 50-е гг. подобными выходками отличалась коммунистическая пропаганда.) Думаю, что поэт глядел на это с небес с усмешкой: он страшно любил провоцировать как тоталитаристов, так и националистов — и в конце концов всегда торжествовал над противниками. Он упокоился в краковском костеле «На Скалке», в национальном пантеоне. За несколько дней до похорон я был возле этого костела и видел жалкие горстки демонстрантов, размахивавших транспарантами, на которых были помещены вырванные из контекста цитаты из Милоша и самые разнообразные обвинения. Нарушить порядок во время погребального шествия они не осмелились.

Среди обвинений повторялось одно: Чеслав Милош вовсе не был поляком — он литвин (так в старину называли граждан Великого Княжества Литовского), то есть по определению не мог участвовать в создании польской культуры и, наоборот, ненавидел ее и вносил в нее враждебные ей элементы. Это утверждение повеселило бы поэта больше всего прочего, однако неожиданным для него не стало бы. Много лет назад он писал: «Среди поляков я не раз сталкивался с подозрительностью: якобы с моей польскостью не все в порядке. И должен признаться, что тень правоты в этом есть, хотя ребенком, еще в России, я декламировал: «Кто ты? Маленький поляк. Какой твой знак? Белый орел» [перевод хрестоматийного четверостишия — дословный]». Он был родом из мест, связанных с Польшей несколько сот лет, но к ней не принадлежащих. Из Литвы, удивительного государства, которое в Средние века было независимой полуязыческой, полуправославной империей, позднее разделило польские судьбы, а в XX веке вновь обрело независимость — одновременно с Польшей и так же, как Польша, дважды. Независимость XX века оказалась совсем другой, нежели древняя: она опиралась на этнографический критерий, а это означало, что вместо державы, достигавшей Смоленска и побережья Черного моря, появилась маленькая, хотя и амбициозная прибалтийская республика, похожая на Латвию, Эстонию, отчасти на Финляндию. Своей столицей она считала Вильнюс, прекрасный город, который был центром средневековой империи, но уже несколько веков говорил преимущественно по-польски и поэтому был присоединен к Польше. Результатом этого был длительный и острый конфликт, который многие годы выглядел таким же неразрешимым, как арабо-израильский конфликт из-за Иерусалима. Чеслав Милош был прежде всего поэтом Вильнюса, который он называл «безымянным городом», а вдобавок в споре о Вильнюсе он занимал особую позицию, и польские сверхпатриоты автоматически зачисляли его в подозрительные. Литовцам тоже было не слишком ясно, кто такой этот странный виленьский автор, потому что литовца ныне характеризует язык — трудный, для славянина совершенно непонятный, имеющий с польским ровно столько же общего, сколько гэльский с английским. Милош слышал этот язык в детстве, умел на нем читать, но никогда по-литовски не писал. Во всяком случае родился он в Литве и остался ей верен.

Для польского поэта это не было ничем исключительным, потому что литвином считал себя и Адам Мицкевич, занимающий в польской культуре XIX века место, близкое к тому, какое занял Милош в XX-м. У лучших польских писателей было принято вести свой род из Литвы, как у английских — из Ирландии; это сравнение уже попало в общие места. Любой поляк (и любой литовец!) знает, что прославленная поэма Мицкевича «Пан Тадеуш» начинается словами «Отчизна милая, Литва!». Но это начало вдвое парадоксально, потому что Литва «Пана Тадеуша» — это сегодняшняя Белоруссия.

Милош, в отличие от Мицкевича, родом из исконной Литвы. Читая в детстве «Пана Тадеуша», он удивлялся, что там говорится о буках и борзых, которых в родном краю ему видеть не доводилось. Однако он был писателем пограничья культур, как и Мицкевич — а также Целан, Йетс, Итало Свейво или

Кавафис. Пограничье — это почва, порождающая конфликты, даже войны, в том числе и мировые, но несомненно плодотворная для таланта.

Милош родился в Шетейнах (Шетейняе), которым посвятил стихотворение, прочитанное в день его похорон перед костелом «На Скалке» сначала по-польски, потом по-литовски, потом на нескольких других языках:

Низко за деревьями сторона Реки, за мной и строевыми сторона Леса, направо сторона Святого Брода, налево — Кузни и Парома.

Где бы я ни странствовал, по каким бы континентам, всегда лицом был повернут к Реке.

Чуя аромат и вкус разгрызенной бело-красной сочности аира.

Слыша старые языческие песни жнецов, возвращавшихся с поля, когда солнце погожих вечеров догасало за пригорками.

Река — это Неvej (по-польски — Невьяжа, по-литовски — Неvejис); Шетейняй расположен в самом центре нынешней Литвы, на границе двух ее частей — Жемайтии и Аукштайтии. Больше из них Аукштайтия, родовое гнездо древних литовских князей, откуда пошло начало государства. Жемайтия славится верностью древним обычаям и языку. Герб Аукштоты — литовская Погоня, всадник на коне, герб Жемайтии — Медведь; с жемайтским или литовским медведем Милош, кстати, любил себя сравнивать. Однажды я с ним разговоривал о прекрасной басне, которую написал во времена Мицкевича литовский поэт Симонас Станявичюс. В ней на берегу Неvejа встречаются медведь и конь: один скован цепью, второй стреножен. Речь идет, разумеется, о царской России, угнетавшей Жемайтию и Аукштайтию так же, как и Польшу, и рухнувшей, когда Милошу было шесть лет. Окрестности Шетейняи были издавна заселены патриотической шляхтой и знаменитыми своим упорством крестьянами — и те и другие приняли активное участие в восстании 1863 года.

«Я выросал из предрассудков глухой провинции», — не без самоиронии сказал поэт в одном из своих последних интервью. Предрассудки предрассудками, но известно, что Милош был как мало кто другой погружен в свое место и время. Он обладал очень литовскими чертами, рождающимися в простом мире сельских добродетелей и повседневных работ: упорством, дисциплинированностью, внутренней силой. Разумеется, это скорее типично для всякого общества на схожей степени развития, но в Литве это было усилено — так или иначе, романы и эссе Милоша велят этому верить. Он всегда считал, что из детства и молодости в Литве вынес основы своего мировоззрения: специфический антитоталитарный консерватизм, отвержение нигилизма и этического релятивизма, поиски неизменной шкалы ценностей и постоянной точки отсчета, веру в разум, но и своеобразный пантеизм, глубокую жажду отдаваться природе и ее ритмам, понимание природы как потерянного рая, который, однако, можно вновь завоевать. Думаю, что литовский опыт оставил след и на отношении Милоша к языку — как явлению насквозь поэтическому и в то же время обеспечивающему личное и национальное самосознание. Прибавлю черту характера, о которой говорится в «Долине Иссы», — «спокойствие и сдержанность в высказывании суждений о себе».

Как я уже упоминал, обретение Литвой и Польшей независимости породило антагонизм. Семья Милошей была вынуждена переселиться в Вильно, отделенное тогда от «Ковенской Литвы» (временным местопребыванием литовских властей был Каунас) чем-то вроде «железного занавеса» *avant la lettre*. Великолепная барочная столица бывлой литовской империи повлияла на развитие поэта, пожалуй, еще больше, чем родные сельские места. Она хранила память о богословских диспутах XVII века, о спорах романтизма и Просвещения. Хотя теперь она лежала на окраине польского государства и была довольно запущенной провинцией, здесь не было недостатка в необычайных людях, связанных главным образом с Виленским университетом, который некогда окончил Мицкевич. Здесь скрещивались языки, нравы, эры; кроме польской среды существовала литовская, белорусская, еврейская. От Вильна Милош, как он признавался в стихах, никогда не сумел отойти. «Это магический, магический город», — сказал он в последние недели жизни своему лечащему врачу.

Уже в гимназии он познал невероятную гетерогенность этого города. В одном из поздних эссе он вспоминал странные фамилии своих школьных товарищей: Альхимович, Блинструб, Бобкис, Больбот, Волейко, Дабкус, Мейер, Мейштович, Микутович, Мирза-Мурзич, Сволкень, Семашко, Чеби-Оглы. Это были, как правило, не польские фамилии — белорусские, литовские, довольно часто татарские, иногда немецкие или даже датские (еврейских не было, так как евреи обычно ходили в свои школы). Гимназия носила имя Сигизмунда Августа, короля польского и великого князя литовского XVI века, родом литовца, но языка своих предков уже не знавшего. Неподалеку находилась другая гимназия — имени Витовта Великого: этот старший родич Сигизмунда Августа в свою очередь символизировал литовский сепаратизм и любовь к родному языку, и школа готовила кадры для будущего литовского Вильнюса, остававшегося в сфере мечтаний. Власти делали все, что могли, чтобы связать город с Польшей, не останавливаясь перед репрессиями против литовцев и белорусов. Большинство польского населения разделяло национальную идеологию. «Мыслящие единицы были скорее немногочисленны — хотя весьма любопытны и ценны, энергичны», — писал Милош в 1978 году. Так называемые «краёвцы»: Людвик Абрамович, Михал Ремер и другие — еще до I Мировой войны мечтали о воскрешении былой Литвы, то есть балто-славянского Великого Княжества, вероятно, в федерации с Польшей, но сохраняющего свой национальный облик и своеобразный характер. Группа «краёвцев» во времена Милоша не лишена была влияния — в этом ее поддерживала местная традиция, согласно которой граждан Великого Княжества считали духовно богаче, чем жителей «Коронь» — Варшавы или Кракова. Не забудем, что из Великого Княжества были родом, то есть считали себя литвинами, Адам Мицкевич и воскресивший независимую Польшу Юзеф Пилсудский.

Провинциальный застой бывает чреват бунтом. Гимназистом, а потом студентом Чеслав Милош оказался в оппозиции к большинству. Бунт проявился в том, что он стал наследником идей «краёвцев». Любовь к Литве, как у Мицкевича и Пилсудского, не противоречила у него любви к Польше. Отсюда возникала мечта о новаторском решении виленского вопроса. В 22 года он опубликовал в журнале молодых литераторов «Жагары» эссе, где писал о своем городе с едкой иронией, но серьезно:

«Вильно, прекрасный и мрачный северный город. В окно видна мостовая в ухабах, лужи и кучи навоза. Дальше выщербленная стена и деревянные изгороди. В центре города собаки грызутся посреди улицы, и ни одна машина их не спугнет. Бедная столица! Не смешон ли спор из-за этих запутанных переулков еврейского гетто? Из-за развалин княжеского замка? Из-за нескольких нищих поветов, население которых растит лен на бесплодных песках и вместо махорки курит вишневые листья, а вместо спичек у них кресало?»

Милош предлагал — особенно ввиду угрозы со стороны гитлеровской Германии — компромисс, польско-литовское сближение, переход к такому положению, когда Польша перестала бы рассматривать Вильно как исключительно свое, а потерю города не считала бы неисцелимым ущербом. Это привело лишь к конфискации номера «Жагаров» и открытию следственного дела — правда, закрытого прокурором.

«Жагары», выходявшие в Вильне в 1931-1934 гг., название получили от местного литовского слова, означающего хворост или сухие ветви. Милош, имя которого навсегда осталось связано с этим журналом, печатал там, в частности, переводы из литовской литературы и эссе о ней. Ему помогал в этом Пранас Анцявичюс, он же Францишек Анцевич, молодой публицист, эмигрант из «Ковенской Литвы». Вся жизнь Милош считал его одним из своих учителей. Поэтом, которого переводил и высоко ценил Милош — а также и Анцевич, — был Казис Борута, анархистствующий литовский левак, позднее гулаговский ээк.

Нельзя пройти мимо еще одного имени: в то время на польского поэта повлиял дальний родственник Оскар Милош, которого литовцы называют Оскарас Милашюс. Это был человек совершенно иного рода, нежели Анцевич и Борута. Польский аристократ, родившийся в Белоруссии от матери-еврейки, как будто воплощал сложность тамошней истории и этнических отношений. Он выбрал Литву, стал дипломатом литовского государства и боролся за Вильнюс на международной арене, по каковой причине многие поляки считали его предателем; он так никогда и не выучил языка своей приемной родины, зато писал стихи по-французски, сначала декадентские (он дружил с Оскаром Уайльдом),

потом метафизические, совершенно оригинальные, недалекие от пророчествования. Жил он в Париже, где принимал молодого Чеслава в литовском посольстве. Этот искатель тайного смысла вещей и истории, космополит, которого литовцы считали и по-прежнему считают своим, был для своего родственника кем-то вроде духовного учителя. Оскар Милош стал героем одной из последних поэм Чеслава, озаглавленной «Подмастерье» (заглавие, разумеется, относится к младшему поэту). Он повлиял на все его творчество, вращающееся вокруг тем катастрофы, искупления и великого преображения.

В Каунасе, куда Милош ненадолго попал в начале II Мировой войны, он нашел еще одного литовского друга — Юозаса Келюотиса, редактора авангардного журнала «Науйои Ромува» [«Новая Ромува» — по названию легендарного главного языческого капища в Литве], который печатал переводы из Джойса и Кафки (и из Оскара Милоша) и прививал в Литве европейские, главным образом французские, философские течения. После войны Келюотис прошел сталинские лагеря, как и Борута, хотя они были людьми с совершенно разной политической ориентацией.

Все эти знакомства и влияния действовали в одном направлении: учили, что какой бы то ни было этноцентризм (будь то польский или литовский) недопустим, что всякую проблему, в том числе и проблему Вильны/Вильнюса, следует рассматривать с нескольких равноценных точек зрения. Размышления о судьбах Вильнюса привели Милоша спустя многие годы к сжатой формулировке: «Всякий желающий добра этому городу должен желать, чтобы он был столицей — что автоматически снимает любые польские притязания на «польское Вильно»». В эмиграции, а потом и в Польше он нашел людей, мыслящих подобно, прежде всего Ежи Гедройца. В конце концов они и нашли решение проблемы «литовского Иерусалима», ибо политики пошли по уже протоптанной ими тропе.

Милош был вынужден покинуть Вильнюс в 1940 г., когда туда въехали сталинские танки. Вернулся он через 52 года, о чем написал замечательный поэтический цикл, — когда Вильнюс снова впервые с XVIII века или даже со времен Средневековья стал столицей независимой страны. Тогда Милош уже был одним из самых знаменитых в мире поэтов, нобелевским лауреатом. Он принадлежал к тем, кого эмиграция не сломила: писал непрерывно, и чаще всего — на темы, связанные с Литвой и ее столицей. Стуженные, полные отступлений, визионерские стихи Милоша создали мифологизированный образ отчизны, который в сознании сегодняшнего читателя стоит рядом с образом Литвы у Мицкевича, хотя построен совершенно иначе, по принципу коллажа. В «Поработанном уме» Милош одним из немногих говорил о трагедии прибалтов. Стране детства и молодости он посвятил книги с красноречивыми заглавиями — «Родная Европа», «Начиная с моих улиц», «Поиски отчизны». Он говаривал, что пишет в пустоте, практически без читателей, и кладет рукописи в дупло (что в XIX веке считалось старолитовской традицией). Это было не совсем так. То, что он писал, вскоре начало проникать в Польшу и даже в оккупированную Советским Союзом Литву.

Тут я позволю себе личные воспоминания. Впервые я прочитал несколько стихотворений Милоша в довольно неудачных литовских переводах в уже упомянутом журнале «Науйои Ромува». Подшивки журнала лежали в спецхране, но у моего отца сохранился один из редких комплектов. Потом мне в руки попала «Родная Европа», присланная в Вильнюс невероятным способом: целую книгу пересылали в письмах по листику, страницу за страницей, — две страницы так и не дошли. Когда в период некоторой либерализации я получил разрешение ненадолго поехать в Польшу, я использовал это время — в домах Яна Блонского и Виктора Ворошильского — для лихорадочного чтения недозволенных текстов, прежде всего Милоша. Поэтому кое-что я о нем уже знал той весной, когда Иосиф Бродский был вынужден эмигрировать и я отправился в Петербург (тогда еще Ленинград) попрощаться с ним. На прощальном обеде, изобиловавшем выпивкой, Бродский спросил, кто, на мой взгляд, лучший польский поэт — Збигнев Херберт? Я ответил: конечно, но еще есть Милош. «А на кого этот Милош похож?» — «Ну прежде всего на себя самого, но чуточку, может, на Одена, чуточку на тебя, Иосиф». — «Если так, то, наверно, хороший поэт». Бродский уехал в США, зная о Милоше всего лишь столько, но вскоре встретился с ним и подружился, что принесло прекрасные плоды. Оба были влюблены в Литву, которая в каком-то смысле их связала.

Интерес Милоша к литовским делам имел для меня некоторые результаты. Кажется, в 1973 г. я получил из Варшавы письмо от Виктора Ворошильского, который сообщал, что прочитал мое стихотворение

«Зимний разговор» в переводе великого поэта. Я ответил, что, вероятно, знаю, кто переводчик, потому что великих поэтов у нас не так уж много, но хотел бы услышать, где перевод появился — не в некоем ли культурном городе (я имел в виду, разумеется, Париж и парижскую «Культуру»)? Ворошильский подтвердил мои предположения, а вскоре тайными путями добрался до меня этот номер «Культуры», так что я почувствовал себя посвященным в рыцари. Когда четыре года спустя я очутился в эмиграции, не кто иной как Чеслав Милош помог мне больше всех, и не только советами, но и самим фактом своего существования. Он был живым доказательством того, что эмиграция не обязательно означает проигрыш. У меня было впечатление, что он относился ко мне с симпатией, хотя и с несколько отцовской иронией. Мы всегда много говорили о Вильнюсе и нашей общей «альма матер». Я привез ему некоторые сведения о его давних литовских друзьях, потому что лично знал и Боруту, которого сталинские тюрьмы закалили, и Келлоотиса, которого они, к сожалению, сокрушили. (Анцевича я никогда не встречал, но его хорошо знал мой отец.) Так много лет спустя связались нити памяти, подтверждая правило о том, что в культуре, как и в природе, ничто не исчезает. Я знал также окрестности Шетейняй, хотя и не сам Шетейняй. Разговоры об этом нашли отголосок в поэме «Особая тетрадь: Звезда Полынь»:

Когда Томас привез известие, что дома, где я родился, нету,

Ни аллея, ни сбегавшего к берегу парка, ничего,

Мне приснился сон возврата. Счастливый. Яркий. И я летал.

Деревья были даже выше, чем в детстве, они выросли за то время, что уж не было их.

Он увидел Шетейняй отстроенным — теперь там Центр имени Чеслава Милоша. Стал доктором honoris causa Каунасского университета им. Витовта Великого, ректором которого когда-то был «краёвец» Михал Ремер, к которому Милош питал восхищение. В Вильнюсе он снова встретил Бродского, участвуя вместе с Виславой Шимборской и Гюнтером Грассом в открытии мемориальной доски русскому поэту, и при случае привел слова Иосифа: «Литовцы — это самая хорошая нация в империи» [по-русски в тексте]. Его издавали на бесчисленных языках, но литовские переводы интересовали его, быть может, больше всего: иногда они попадали в печать раньше, чем польские оригиналы. Он получил почетное гражданство Литвы, что только подтвердило его статус Поэта Обоих Народов — тот же статус, которым обладал Адам Мицкевич. Так дополнилась литовская глава великой жизни.

Год назад мы сидели с Шеймусом Хини в краковской квартире Милоша перед бюстом Эвридики — второй жены поэта, безвременно скончавшейся Кэрол. Милош сказал тогда — наполовину, пожалуй, в шутку, — что только литовец сумеет написать его полную биографию. Труд биографа мне не надлежит — вместо биографии Милоша я могу предложить лишь эту горстку воспоминаний. Но не исключаю, что это предсказание когда-нибудь сбудется.

ЧЕЛОВЕК С ГОР НА РАВНИНЕ

*Беседа с Михалом Ягелло,
директором польской Национальной библиотеки,
председателем Всепольского библиотечного совета*

— Окончив отделение польского языка и литературы краковского Ягеллонского университета, вы уехали в Татры, став альпинистом и спасателем Добровольной горноспасательной службы (ДГСС). Чему вас научили горы?

— Меня горы выбрали сами, когда мне было всего восемь лет. Во время школьной экскурсии в королевский замок «Пескова Скала», я внезапно увидел настоящие голые известняковые скалы. Это стало для меня таким потрясением, что я вернулся домой другим человеком и начал искать книги о горах. Потом, уже в средней школе в Прошовицах под Краковом, моим классным руководителем стал прекрасный знаток гор — Бескидских, Свентокшиских и Татр. Он устраивал походы и водил нас в них так умно, что это оказывался не просто туризм, а одновременно урок литературы и истории. Мы посещали усадьбу Генрика Сенкевича или пушу, описанную Стефаном Жеромским. А в Татры я попал в 17-летнем возрасте, со своим преподавателем польского языка и литературы, который дружил с Марией Каспрович, второй женой поэта Яна Каспровича. Благодаря нему и я подружился с пани Марусей и ее сестрой. Позднее, уже живя в Закопане, я бывал у них в доме. Я

говорю об этом, потому что уже с самого начала горы были для меня пространством свободы, культуры и моей личной, вполне светской метафизики, то есть экзистенциальным пространством, которое проникло в меня так глубоко, что, уже став студентом-филологом, я сразу же связался с альпинистами и спелеологами и начал довольно интенсивно подниматься в горы и спускаться в пещеры. В 1962 г. я стал сотрудничать с Добровольной горноспасательной службой (ДГСС). Там я выполнял самые различные функции — например, был представителем по связям с прессой, — но, что было самым главным, мог участвовать в спасательных мероприятиях и довольно быстро начал писать о горноспасателях — в профессиональном ежегоднике «Вершины» и в ежемесячном журнале «Альпинист». В то же время я непрерывно продолжал совершать восхождения. В 1967 г. на Кавказе мне пришлось пережить чрезвычайно драматические минуты. Я едва не остался навсегда на вертикальной стене Накра-тау, между Эльбрусом и Ушбой. И все равно это никак не уменьшило моего влечения к горам. В начале 70-х я стал руководителем ДГСС в Татрах. Впоследствии я переехал в Варшаву, но все равно остаюсь человеком, который не может прожить без гор.

— В своей книге «Призыв в горах» вы написали: «Человек, идущий в горы, начинает с ними игру». Вы все время вели эту игру?

— До сих пор в горах я чувствую себя дома больше, чем где бы то ни было, — и особенно свободным. Они заменяют мне религию. Однако с точки зрения человека верующего я неверующий.

— Но ведь это чистой воды пантеизм.

— Вне всякого сомнения. Я стараюсь жить так, чтобы без стыда смотреть людям в глаза. Я руководствуюсь тем, что когда-то называли системой героических светских моральных заповедей. Мои связи с институционализированной Церковью довольно запутаны, и именно отсюда появились горы, прежде всего — спасение людей в горах. Сам

альпинизм — это психофизиологический феномен, а спасение в горах — это своего рода священнодействие. Обряд на границе физики и метафизики.

— *Пригодился ли вам этот опыт в жизни на равнине?*

— Наверняка. Я в детстве и ранней молодости был таким впечатлительным существом, что какое-то одно не слишком доброжелательное слово меня глубоко ранило. Это было настолько сильно, что начало мешать мне нормально жить. А спортивный альпинизм и горноспасательная деятельность, имеющие много общего с мазохизмом и каторжным трудом, выработали во мне твердость, сопротивляемость жизненным невзгодам, одновременно взаимодействуя с той же впечатлительностью, которая никуда не девалась. В молодом возрасте, будучи начальником ДГСС, я отвечал за жизнь как попавших в беду, так и спасателей. Я был вынужден принимать драматические решения, например когда нужно прекратить поиски, потому что разыскиваемого спасти уже не удастся, а я могу потерять своих людей.

Что касается ситуаций более обыденных, то если бы не самодисциплина, выработанная в горах, я не был бы в состоянии в течение тех восьми лет, когда я был заместителем министра культуры, написать столько книг. А писал я их в министерской машине с шофером, вставая рано утром и направляясь куда-нибудь в командировку. Требуется определенного искусства и руководство Национальной библиотекой, где трудятся около тысячи человек, среди которых нередко встречаются сильные личности, специалисты высшей квалификации, скрытные, не любящие давать интервью и выступать по телевидению. И здесь мне на помощь приходит опыт, приобретенный в горах. Хотя бы для того, чтобы создавать условия для участия в совместной работе и для принятия на себя ответственности за нее, и в то же время знать, когда заканчивать бесплодные прения и принимать окончательное решение.

— *В 1966 г. вы вступили в ПОРП. Это произошло ровно через 10 лет после памятного «польского октября», когда столько членов партии выбросили свои партбилеты. В том же самом 1966 г. началось известное «дело Колаковского». Крупнейший философ и историк после своего выступления на юбилейном собрании на историческом факультете Варшавского университета, посвященном годовщине «польского октября», был исключен из партии. Группа выдающихся писателей в знак протеста*

покинула партийные ряды. Чем же вы лично руководствовались в своем решении о вступлении в партию?

— Я уже много раз «исповедался» на эту тему публично, без утайки. Это было сознательное решение, принятое мною после длительных споров с самим собой и разговоров с друзьями. Причиной стала ситуация, восходящая к 1963 г., когда, еще будучи студентом, я получил рекомендацию Союза польских студентов для поездки в Альпы. Для начинающего альпиниста открывался огромный мир. Я приехал с вещами на вокзал в Варшаве, где мне сообщили, что в выдаче заграничного паспорта мне отказано. На вопрос «почему?» я получил ответ: «По важным государственным соображениям». Когда передо мной открылась возможность работать в ДГСС, я оказался перед перспективой никогда не покинуть пределов Татр. Поэтому вполне цинично и оппортунистически, признаюсь в этом, я подал заявление в партию. И действительно, благодаря этому мне выдали заграничный паспорт, и я смог поехать в горы Шотландии, а затем — в Турцию. С этого момента и вплоть до военного положения мне никогда не отказывали в выезде за границу.

Человек — это животное, необычайно способное к самообману. Так и я под это решение подвел идеологическую базу. Я знал из родительского дома, что такое Польская рабочая партия, позднее получившая название Коммунистической партии Польши, я знал о Катыни, но в то же время я был воспитан на пограничье российской и австро-венгерской частей Польши, где приличествовало элементарное уважение к государственной власти. Даже мои родители (да и деды и бабки) — крестьянская католическая семья, не националистическая, а по сравнению с другими крестьянскими семьями довольно открытая, — относились к ПНР непросто. Несмотря на то что от земельной реформы они не получили ни одного квадратного метра земли, они считали ее своего рода торжеством исторической справедливости. С одной стороны, они поносили «безбожный» режим, а с другой — одобряли возможность продвижения по социальной лестнице многих представителей общественных низов.

В университете мы с приятелями вели бесконечные, как выразился поэт, «ночные беседы и жаркие споры». Я относился к ним с уважением, а они как раз тогда вступали в партию. На мои вопросы ответ был один: «Потому что этот строй нас всех переживет. Надо принимать его как историческую неизбежность, полной независимости мы все рав-

но не добьемся. А если так сложилось, то почему нами должны править идиоты? Подумай, если группа образованных молодых людей, не думающая исключительно о собственной выгоде, начнет что-то менять в партии изнутри...» Я принял их аргументацию и сам стал так думать. Мне казалось, что у меня настолько прочный моральный костяк, что меня-то не сломают. Я никогда не произнес: «Для партии я готов на все». В 1968 г., в момент вторжения в Чехословакию, я заявил на собрании, что это позор для социалистического движения! Уже после событий на Балтийском побережье 1970-го, выступая в Закопане, я публично сказал, что если когда-нибудь еще будут стрелять в людей, то я ни минуты в партии не останусь.

— *Как получилось, что вас назначили заместителем заведующего отделом культуры ЦК ПОРП?*

— После августовских забастовок 1980 г. и возникновения «Солидарности» я с самого начала был уверен, что все это не просто возня из-за поллитры и куска колбасы. Уже на второй день к забастовке присоединился и мой ближайший партнер по Кавказу Ежи Милевский, выдающийся физик. Ежи был со мной в постоянном контакте и рассказывал о харизматическом электрике по имени Лех Валенса. Благодаря этому я с самого начала осознавал, что все это очень серьезно — такое сочетание национально-освободительного восстания с социальным движением. «Мы за социализм, но против его извращений». Я был этим совершенно заворожен, но в то же время боялся: я знал из истории, что у каждой революционной ситуации есть своя внутренняя динамика. Я тогда работал на телевидении, и, к моему изумлению, мне предложили занять высокую должность в ЦК. После непродолжительного размышления я это предложение принял. Мое имя всплыло, по всей вероятности, потому, что первым секретарем ЦК был избран Станислав Каня, который искал возможности укомплектовать свою «команду». Из Мексики он вызвал Юзефа Клясу, бывшего первого секретаря партии в Кракове, с которым я тоже был связан, так как он много помогал Горноспасательной службе. Знал он и мои взгляды. Он был поставлен на ключевой пост заведующего отделом печати, радио и телевидения. А обо мне подумали, вероятно, потому, что был нужен человек партийный и в то же время пользующийся определенным авторитетом среди деятелей культуры. Я выпускал передачу «Студия фактов и сенсаций», и у меня были контакты со средним и молодым поколением режиссеров. Я решил, что раз уж на-

чалось что-то настоящее, то движение «Солидарность» становится необычайно важным и нужно делать все что угодно, чтобы его сохранить. А поскольку геополитическая ситуация не меняется, то единственным шансом остается укрепление немногочисленного, но существующего в ПОРП либерального течения. То есть пытаться объединить между собой умеренных деятелей с той и другой стороны. Так я тогда рассуждал.

— *В качестве члена ЦК вы в то время ездили в Москву. Как Кремль реагировал на то, что происходило в Польше?*

— В 1981 г. я был в Москве дважды. Первый раз — в момент быдгощского конфликта, второй — во время кинофестиваля, летом. Поскольку Каня не использовал против «Солидарности» вооруженную силу, его контакты с руководством в Москве все время ухудшались. В Москву отправилась делегация отдела культуры ЦК, что рассматривалось как определенный успех — вот, все-таки кто-то согласен нас принять. Это пребывание стало для меня потрясением. Во-первых, я осознал, насколько нас принимают всерьез. Нам показали зал, где около 60 человек изучали разные малотиражные публикации, издаваемые «Солидарностью». Я заглянул через плечо одного из читающих и увидел у него в руках листовку, изданную на Щецинской судовой всего тремя днями раньше. Переговоры у нас шли трудно. Самой важной персоной, до которой нам удалось добраться, был секретарь ЦК КПСС Зимянин, который рассердился, услышав, что мы осмеливаемся утверждать, что в Польше происходит просто попытка реформировать систему. «Это контрреволюция, — говорил он. — Но мы вас в беде не оставим». Один из представителей Кремля мимоходом сообщил, что если будет нужно, то они вывезут сюда мою жену и двух дочек. Меня как громом поразило. Во время последней беседы я осмелился утверждать, что никакая это не контрреволюция. Мы высоко ценим русскую культуру, наши работники культуры хотят смягчения цензуры, потому что это их очевидное желание. Он не выдержал, ударил кулаком по столу и крикнул: «Тут вам не Ваньки сидят, а представители великого народа!» Когда мы прощались, он попросил передать привет в первую очередь товарищу Ярузельскому... ну и товарищу Кане. Я уже не сомневался, что это должно было означать.

Но зато другой приезд был очень интересным. Хотя на нас старались повлиять все, от гостиничных дежурных по этажу до министра кинематографии, которые, как заклинание, повторяли: «Мы вас в беде не оставим», — но один из людей, за-

нимавших в ЦК КПСС примерно ту же должность, что и я, взял меня на прогулку по набережной и сказал: «Запомни, мы вам никогда не простим, мы, то есть русская интеллигенция, — он использовал именно это определение, — если вы, активисты ПОРП, утратите связь с творческими работниками, с польской интеллигенцией». — «Почему?» — воскликнул я. — «Как это почему? Между Западом и Россией лежит Польша. В Россию с Запада доходят все течения, но уже немножко полонизированные, профильтрованные, благодаря чему русским их легче принять». А ведь этот человек, говоря мне нечто подобное, многим рисковал. Именно поэтому, когда появился Горбачев, я не был удивлен, так как уже знал, что в России есть такие люди. Впрочем, мой собеседник, петербургский интеллигент, появился в окружении Горбачева.

— В день объявления военного положения вы вышли из здания ЦК — и из партии. Вам это все опостылело?

— Быть может, это прозвучит не очень красиво, но объявление военного положения помогло мне решить несколько стоящих передо мной дилемм. Уже после первого посещения Москвы я был уверен, что у нас ничего не выйдет, потому что если бы партия договорилась с «Солидарностью», то для Кремля это было бы слишком опасно. Однако я решил, что раз уж я нахожусь в этом здании, то буду создавать в области культуры как можно больше совершившихся фактов. Членом политбюро и секретарем ЦК был избран мой бывший шеф из краковского Союза польских студентов Хиероним Кубяк, который считал, что нужно пытаться идти до конца. Своей задачей мы считали убеждать творческих работников, чтобы они, независимо от того, что думают, не говорили этого вслух, ибо мы не можем дать русским никакого предлога для вмешательства. Люди взволнованно и серьезно смотрели фильм Анджея Вайды «Человек из железа» — и не было никаких скандалов, восклицаний, призывов, которых все боялись. Ежи Анджеевский согласился стать председателем жюри Всепольского кинофестиваля в Гдыне. Это означало, что художники, творческие работники не бойкотируют официальные мероприятия, что они тоже ведут определенную игру. Я принадлежал к кругу людей, которые пытались сделать что-то осмысленное: копия «Человека из железа» попала на Каннский фестиваль (где фильм получил главную премию — «Золотую ветвь»), шли съемки «Допроса» Рышарда Бугайского и «Озноба» Войцеха Марчевского. На экраны вышел фильм Яну-

ша Заорского «Мать Королей», на Берлинский фестиваль поехала «Горячка» Агнешки Холланд. В кинотеатрах на закрытых сеансах (в газетах сообщали, что сеанс предназначен для работников некоего предприятия, что уже было забавно) показывали документальный фильм Анджея Ходаковского и Анджея Зайончковского «Рабочие-1980», посвященный августовским забастовкам.

Ситуация была революционная, аппарат ЦК полностью разрегулировался. Благодаря этому я мог позволять себе делать то, что в обычное время было бы невозможно. В подобных мероприятиях я шел до конца, потому что знал, что все равно долго в ЦК не останусь. Если бы я не был психически подготовлен к уходу со всех своих постов и из самой партии, то по крайней мере о половине того, что мне удалось сделать, я даже подумать бы не осмелился.

Наконец пришел момент, когда я сказал сам себе: хватит. Я был убежден, что русские нападут на нас. Для этого им не надо было даже переходить границу: здесь на базах их было достаточно. 13 декабря 1981 г. я вышел из здания ЦК. Официально из партии меня выгнали через три месяца. Танки на улицах; неизвестно, сколько это все продлится. У меня дома начала собираться интеллигенция. Один из знакомых, ссылаясь на премьер-министра Мечислава Раковского, предупредил, что за мной следят и дело может кончиться арестом. Оказалось, что я был самым крупным по занимаемой должности сотрудником аппарата ЦК, который сделал то, что сделал я. К тому же наделали шуму и международные СМИ — радио «Свободная Европа», «Голос Америки», газета «Вашингтон пост». От друзей с Запада начали приходить телеграммы с поздравлениями. Хиерониму Кубяку удалось выхлопотать для меня специальное разрешение, благодаря которому я вместе с семьей смог уехать в Закопане.

— Вы впоследствии вспоминали, что страшно боялись, что прольется кровь, и что этого не произошло, потому что поляки слишком хорошо помнили ужасы Варшавского восстания. А на самом деле, быть может, мы были просто предтечами того процесса, который мы все время наблюдаем у наших соседей — процесса мирного решения проблем, начиная с разрушения Берлинской стены, «бархатной революции» в Чехословакии и, наконец, «оранжевой революции» на Украине?

— Но, с другой стороны, если бы не Варшавское восстание, не горький опыт Будапешта и Пражской Весны, может быть, история развивалась бы иначе?

Анджей Василевский, директор и главный редактор Госиздата (ПИВ), занимающий высокое положение активист ПОРП, издавал книги, которые «де-факто» подрывали реальный социализм. Он нашел для этого свой способ — публиковал соответствующее предисловие в качестве защитного «зонтика». И вот этот самый Анджей был так потрясен тем, что я делаю в ЦК, что после своего возвращения из Москвы провел со мной принципиальный разговор. «Что ты делаешь?! — кричал он. — Это кончится хуже, чем в Чехословакии, где профессора становились кочегарами в котельных!» Часть людей из ПОРП потому вела себя так пугливо, что у них были свои травмы и шрамы. Но вы правы, в принципе это был единый процесс. Я думаю, что «круглый стол» был огромным успехом поляков. За это стоило заплатить цену «моральной расплывчатости», отказа от проведения радикальной декоммунизации. В 1989-1997 гг. я был заместителем министра культуры; я провел сотни часов на ночных заседаниях правительства Тадеуша Мазовецкого. Заместителем премьер-министра и главой МВД (куда входила госбезопасность) оставался генерал Кишак, министром обороны — генерал Сивицкий, и если бы господин Мазовецкий говорил им время от времени «дойлой коммунык!», то что бы это изменило? Вели бы они себя так же спокойно? А эти два генерала были вполне лояльны по отношению к премьеру.

— *Во время военного положения вы стали секретарем редакции издания польских иезуитов «Пшегленд повшехний» и начали писать книгу, полный текст которой был опубликован только в 2001 году: «Попытка диалога. Заметки о гуманистическом католицизме и «Тыгоднике повшехном»: 1945-1953». Кто был вашим предполагаемым собеседником?*

— Я написал текст под названием «Попытка диалога», опубликованный в четырех частях в «Пшегленде повшехном». Это была статья, где цитировались тексты иезуитов, публиковавшиеся в период между двумя мировыми войнами, но также и тексты о польском социалистическом движении. И вот в какой-то момент я пришел к выводу, что это заглавие может стать названием целой книги. Дело в том, что меня интересует так называемое открытое католичество, то есть лишенное ксенофобии, верное католическому вероучению, но уважающее другие религии и вероисповедания, стремящееся сочетать веру с разумом, а религию как универсальную ценность — с ценностями, живущими в польском народе. Это была попытка най-

ти точку соприкосновения между этими противоположностями. Меня лично заинтриговал тот факт, что польские иезуиты сумели провести различие между польским вариантом социализма, связанным с борьбой за независимость, и другими видами социализма. Я полагаю, что существовала возможность сближения этого «открытого» течения в польском католичестве, которое я называю гуманистическим, с социализмом, так как его представляли приверженцы так называемого католического социального учения. А размышления христианских философов над отношениями «труд и капитал», «наемный работник и его начальник» действительно интересны. Правду говоря, даже Папа Иоанн Павел II питал иллюзии, что существует некий третий путь в экономической жизни. С возрастом он все острее критиковал западную цивилизацию, рыночную экономику, вступив тем самым на старую истоптанную дорожку Церкви, которая ведет свое начало от великой социальной энциклики Папы Льва XIII «*Reum novatum*» [«О новых вещах», 1891]. На самом же деле есть экономика либо рыночная, либо плановая, а третьего пути просто нет. Но зато хорошо, что существуют моральные раздумья и мысли по поводу рыночной экономики — они-то для меня и есть католическое социальное учение. Я сожалею, что в межвоенный период не возникло более или менее глубокого интеллектуального диалога между частью католиков и частью социалистов из Польской социалистической партии (ППС). У обеих сторон были свои обиды и травмы. Но если покопаться в лозунгах социализма, то мы найдем там призывы Иисуса из Нагорной проповеди — быть солидарными, делиться имуществом и т.п. Однако церковная иерархия относилась к социалистам с подозрением. Дело в том, что эта иерархия редко когда замечала различия между социализмом в духе независимости и социализмом, уже весьма близким к коммунизму. Она исходила из принципа, что в трудных ситуациях социалист всегда поддержит коммуниста и большевика. Что, разумеется, абсолютная неправда! Когда Польша и вся Европа нуждалась в серьезном интеллектуальном диалоге, в польской Церкви все явственнее выходило на первый план националистическое течение, характеризующееся маниакальной подозрительностью по отношению к каждому, кто хоть чуть-чуть левее центра. Случалось, что даже Союзу всепольской молодежи, который без зазрения совести злоупотреблял именем Божиим, епископы многое прощали. Прощали, потому что те были — свои. После войны, к сожалению, верх одержала коммуни-

стическая линия ППР, а не ППС. Идеи, характерные для социализма в духе независимости — а фактически для социал-демократии, — не исчезли безвозвратно. Я знаю это по себе. Будучи членом ПОРП, я носил в себе определенные идеи ППС, которые вычитал у Станислава Бжозовского, Эдварда Абрамовского, а потом — у моего друга Яна Стшелецкого.

— *В «Попытке диалога» вы пишете: «Благодаря этой книге я убедился, что я — персоналист». Но в каком качестве — как католик или как социалист?*

— Я по-прежнему связан с «Пшеглэндом повшехным» и являюсь членом программного совета этого ежемесячника. Я агностик, но во мне сидит «homo religiosus», тот самый «человек с гор» в непрестанных поисках светской литургии. Я думаю, что какой-то вид религиозности генетически вписан в вид Homo sapiens, и это оберегает меня от крайних форм атеизма. Я счастлив, что дружу с такими мудрыми людьми, как двое выдающихся иезуитов: с отцом Станиславом Опелей — философом, основателем теперешнего издания «Пшеглэнда повшехного» и отцом Вацлавом Ошайцей — прекрасным поэтом, его главным редактором. Несмотря на очевидные различия, есть множество вещей, которые нас объединяют.

— *В части, посвященной открытому католицизму 30-х годов прошлого века, вы пишете о борьбе интеграллистов с интегралстами по поводу участия Церкви в политической жизни.*

— Я начал заниматься этими вопросами из внутренней потребности, так как в морально-идейном смысле я тогда был, можно сказать, весь в синяках. После 15-летнего пребывания в рядах ПОРП я благодарил судьбу, что на моем жизненном пути появились иезуиты и предложили сотрудничать с ними. Я тогда зарабатывал на жизнь в качестве верхолаза, покрывая краской опоры линий высокого напряжения и выполняя другие работы «на высоте». Но, участвуя в редактировании «Пшеглэнда повшехного», я сознавал, что интеллектуально развиваюсь и, что было тоже важно, не вхожу в противоречие с самой собой, потому что у иезуитов никто лез мне в душу. Я встретил там прекрасных людей. А поскольку я уже много лет был знаком с Ежи Туровичем, Яцеком Возняковским, Станиславом Стоммой, то решил написать статью о «Тыгоднике повшехном». Я обнаружил, что в Польше почти нет литературы о гуманистическом католицизме в межвоенное двадцатилетие. А поскольку у меня уже была написа-

на книга «Постоянство и перемены. Заметки о «Пшеглэнде повшехном»: 1884-1918», то приятели уговорили меня расширить вступительную часть, которую я назвал «Родословная». И вот как раз там-то я и выгнул на свет Божий такие проблемы, как антисемитизм и национализм. Оказалось, что для многих людей эти тексты были открытием. Моя книга — это по сути дела антология или даже справочник, в котором можно найти сотни цитат из книг и газетных статей, которые уже совсем забылись на библиотечных полках и все о них забыли. Действительно, кто сегодня читает «Pro Christo»? А этот журнал знать необходимо, если ты хочешь понять, насколько были сильны националистические и антисемитские тенденции в определенных кругах польской Церкви. По чистой случайности я нашел свой метод — это эссеистика, чрезвычайно насыщенная цитатами, которые стали неопровержимыми аргументами. Никто не поверил бы моему изложению, а цитатам не поверить невозможно.

— *Встретились ли вы с подобными откликами, как Чеслав Милош, издавший антологию «Путешествие в межвоенное двадцатилетие»? Он тоже приводил цитаты, а услышал упреки в очернении польской истории и чуть ли не в кощунстве.*

— Милошу было труднее, потому что он, ни в чем не отступив от истины, все-таки подобрал цитаты под определенным углом зрения. Я же цитировал наряду с возмутительными текстами и такие, которые можно назвать благородными. Обращаясь к «Pro Christo», я в то же время обращался и к виленскому «Паксу», люблинскому «Возрождению» и «Verbum».

— *По вашему мнению, не играет ли сегодня «Тыгодник повшехный» не новую для себя роль одинокого островка? Когда-то это был островок независимости в море тоталитаризма, а сегодня — если не в море, то в реке католического фундаментализма.*

— Не стоит преувеличивать. Вспомните, что по-прежнему существуют журналы «Знак», «Вензь», «В дродзе» («В пути») и «Пшеглэнд повшехный». Правда, это публикации для узкого круга читателей, распространяющиеся в двух-трех тысячах экземпляров, но так уж с этим обстоит дело в демократических обществах. И всё же они обладают определенным влиянием, способствуют формированию общественного мнения. Верно также и то, что «Тыгодник повшехный» — это единственный католический еженедельник, совершенно лишенный догматического характера, и против не-

го выступают «Наш дзенник» и весьма влиятельное радио «Мария». Правда, если посмотреть на все это с другой стороны, то можно задаться вопросом: а как выглядит большинство польских католиков? Большинство исповедует протестантское католичество. Интеллектуальная аргументация доходит до них с большим трудом, если вообще доходит.

— *В 1989 г. вы в качестве замминистра культуры и искусства непосредственно участвовали в формировании политики государства по отношению к национальным меньшинствам. В своей очередной книге «Партнерство ради будущего. Заметки о восточной политике и национальных меньшинствах» вы приходите к выводу, что мы должны освободить наши бывшие «восточные территории» от груза «ментальности пограничья». Что такое «ментальность пограничья»?*

— Это очень рискованный тезис, и я до сих пор удивляюсь, что мне за него как следует не влетело. Опыт учит нас, что на территориях пограничья рождаются две категории людей. Во-первых, смелые, патриоты — но не «ура-патриоты», то есть это патриотизм с уважением к другому, иному человеку, живущему рядом со мной. Характерно, что сельское население, крестьяне характеризуются этой прекрасной чертой весьма мудро и деликатного отношения к «иному»: иду я в свой католический костел, а заодно зайду и в православную церковь. А вторая категория — это зачастую люди со шляхетской родословной, занимающие позицию, которую когда-то называли позицией «рыцаря пограничья»: они ощущают это пограничье как неустанную угрозу собственному национальному облику. Националисты вообще внутри себя так неуверенны в себе, что должны во весь голос кричать о своем национальном самосознании — во всеуслышание и «с заглавной буквы», как будто находятся в осажденной пограничной крепости с наглухо закрытыми воротами. Я против этого протестую, потому что считаю, что пограничье может быть школой терпимости, где приобретает умение давать другому и брать от него. Это территория, на которой никто не в состоянии обозначить границу с точностью до метра — границу этническую, этнографическую, языковую, культурную, ибо нередко они проходят внутри семей и даже, сколь бы это ни казалось удивительным, внутри отдельного человека.

В первом издании книги я написал по поводу Львова, что если мы, поляки, не сумеем убедить

украинцев, что кладбище «орлят» — это кладбище молодых людей, участвовавших в братоубийственной войне, то мы проиграем. Если наши мероприятия по реставрации и реконструкции этого кладбища будут хотя бы частично направлены на восстановление пантеона славы польского оружия и памятника польскому присутствию на этих землях, то у нас нет никаких шансов. Каждый из этих ребят имеет право на крест, но обязательно ли здесь же должен присутствовать лев?

— *Вы пишете о двух концепциях нации.*

— Первая, принадлежащая Александру Солженицыну, — это концепция нации как сообщества, обладающего собственным генезисом и предназначением в надисторической сфере. Это концепция романтическая.

Вторая, принадлежащая британскому антропологу Эрнесту Геллнеру, — рассматривает нацию как явление, созданное самим человеком, как плод его убеждений, лояльности и солидарности. Это концепция гуманистическая.

— *Какая из них больше соответствует идеалу современной Европы?*

— Нация — это сообщество определенной мифологии, идеологии и определенных культурных тропов (или, если угодно, метафор). Совершенно замечательно, если в каком-то государстве ценности, признаваемые таковыми большинством граждан, считаются самоочевидными. Но даже в таких государствах, как Польша, где подавляющее большинство жителей отождествляется с католичеством, лучше будет сказать, что Польская Речь Посполитая образца 2005 года — государство не одной нации, а многих народностей. Я боюсь термина «национальное государство». В государстве же многих народностей человек родом из национального меньшинства имеет больше шансов полностью чувствовать себя дома. Поэтому я считаю чрезвычайно важными чисто символические жесты. Например, в свое время премьер Влодзимеж Цимошевич по моей просьбе принял на себя почетное покровительство над Фестивалем цыганской культуры в Гожуве-Велькопольском. Он даже участвовал в праздничном концерте, провозгласив: «Вы у себя дома». Он же появился на Фестивале украинской культуры в Перемышле, организованном Польским союзом украинцев, вновь повторив на стадионе: «Вы у себя дома». Премьер Ханна Сухоцкая сказала то же самое, обращаясь к польским немцам. Каждый подобный жест — это сигнал для других, как они должны себя вести. И мне хотелось бы подчеркнуть, что в течение последних 15 лет в Польше сменяются пре-

еры, но политика по делам национальностей, сформированная всего несколькими людьми — Тадеушем Мазовецким, Яцеком Куроном, Изабеллой Цивинской, Кшиштофом Скубишевским — остается неизменной. И тот факт, что бюджет государства, через посредство министра культуры, позволяет издавать литовскую «Аушру», белорусские «Ниву» и «Часопис», украинское «Наше слово», «Еврейское слово», словацкий «Живот», цыганский «Пром до Дром», я считаю огромным достижением Третьей Речи Посполитой.

— *С 1997 г. вы директор Национальной библиотеки. Участвует ли библиотека в реализации восточной политики Польши?*

— Думаю, да. Разумеется, по-своему, но в рамках договоренностей с МИДом и министерством культуры. Цикл «Наши соседи, иной взгляд» — это своего рода внутренняя зарубежная деятельность, это восточная политика, потому что мы охватываем своими мероприятиями Литву и Белоруссию; юго-восточная политика, потому что у нас теперь проходит выставка «Польша—Чехия». В ноябре мы открываем выставку «Между чуждостью и близостью: поляки и немцы», а в будущем году покажем выставку «Польский взгляд на Эстонию и Латвию». Я уже знаю, что, по всей вероятности, мы устроим также выставку «Поляки и венгры» и «Польша—Австрия». Эти выставки стали почти самостоятельным культурно-политическим институтом. На них всегда в качестве почетных гостей бывают директор национальной библиотеки данного государства и его посол. В случае выставки «Польша—Россия» мы по просьбе российской стороны показали в Москве и Санкт-Петербурге сокращенную («экспортную») версию выставки «Между отторжением и восхищением. Польша—Россия: из истории культурных контактов». Есть надежда, что с подобным предложением обратится к нам и Германия. Эстонцы и латыши свои приглашения уже подтвердили. Мы постоянно стараемся отвечать на просьбы, поступающие к нам из библиотек наших восточных соседей, причем это далеко не всегда местные библиотеки польской диаспоры. Если только у нас есть дубликаты, если нам удастся получить какую-то финансовую помощь, мы немедленно реагируем и отправляем посылки. Но мы всегда это делаем исключительно по предложению или просьбе другой стороны. Я никогда не допустил бы ника-

ких действий или мероприятий, которые могли бы быть восприняты как самовольное поведение за границами Польши, особенно на землях, принадлежавших довоенной Польше. Я должен вести себя очень внимательно, чтобы никто не мог меня упрекнуть, будто я его колонизирую. Если у меня есть обращение от ректора университета или института, например украинского, поддержанное местными властями и получившее положительный отзыв нашего консула, то я по мере возможности действую. Недавно я получил письмо от директора Национальной библиотеки в Абакане, столице Хакассии, где проживает 140 народностей, что там требуются польские книги, потому что он решил открыть в своей библиотеке польский культурный центр. Что ж, мы можем этому только радоваться.

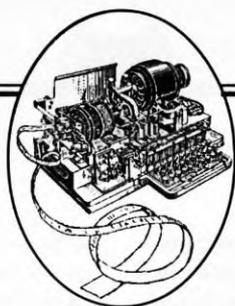
— *Пожалуйста, расскажите об издательской деятельности Национальной библиотеки.*

— Мы издаем специализированные монографии и библиографические книги. Печатаем труды, посвященные комплектованию собраний книг, — плод многолетнего труда специалистов Национальной библиотеки. Издаем мы и периодику — в частности, «Ежегодник Национальной библиотеки», ежеквартальный «Информационный бюллетень» и ежемесячный журнал «Коммюнике». Уже много лет мы в финансируем издание таких журналов, как «Новые книги», «Диалог», «Литература в мире», «Творчество», «Музыкальное движение» и «Новая Польша». С недавних пор мы стали участвовать в издании ежеквартального «Акцента» и ежемесячной «Одры».

— *Ваша библиотека играет также роль литературного салона.*

— Да. Я организовал нечто вроде салона писателей и издателей, причем не только польских. Недавно мы принимали у себя русских писателей и переводчиков, постоянно сотрудничающих с «Новой Польшей». Вскоре нашими гостями будут двое писателей из Литвы. Только что прошел «День чешского филолога». В мае мы собираемся представить львовское издательство «Каменяр». Ну и, как я уже говорил, масса выставок, даже музыкальные концерты. Библиотека — это живое место.

Беседу вела Сильвия Фролов

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «Президент Александр Квасневский и маршал Сейма Влодзимеж Цимошевич сообщили, что выборы в Сейм и Сенат пройдут 25 сентября, а первый тур президентских выборов — 9 октября». (*«Тыгодник повсехний»*, 29 мая)

• Из интервью с президентом Александром Квасневским: «После французского “нет” [в референдуме по европейской конституции] очевидным образом растет ответственность стран, у которых ратификация еще впереди, особенно Польши (...) Мы несем долю ответственности за судьбы Европы. Я считаю, что эта конституция выгодна Польше и полякам, так как она дает нам возможность пользоваться благами интеграции и помогает строить сильную Польшу в сильной Европе (...) Если бы кто-нибудь спросил у меня, кто обладает качествами, необходимыми президенту, и в высшей степени понимает европейскую идею, то я назвал бы два имени: Тадеуша Мазовецкого и Влодзимежа Цимошевича. Это люди, которые многое сделали для европейской идеи, которые преданы ей и у которых есть личная позиция, важная с точки зрения европейского партнерства, так что их голосом в Европе невозможно пренебречь». (*«Политика»*, 11 июня)

• Согласно опросу Лаборатории социальных исследований, на предстоящих президентских выборах за Леха Качиньского готовы проголосовать 26% поляков, за Збигнева Религу — 18, за Дональда Туска — 15, за Марека Боровского — 14, за Анджея Лепера — 10%. (*«Газета wyborcza»*, 11-12 июня)

• «Политиков легко убедить, что ничто так не повышает самооценку поляков, как унижение и дискриминация чужаков. Разных чужаков (...) О том, как используется потребность поляков в высокой самооценке, хорошо свидетельствуют предвыборные опросы. Бросающийся в глаза успех Леха Качиньского в майских опросах и падение популярности политиков, которые не потчевали избирателей антиросийскими и антизападными заявлениями, свидетельствуют об очень низком уровне коллективной самооценки поляков, которую политики все чаще будут стараться использовать». (*Михал Билевич, «Политика»*, 4 июня)

• Влодзимеж Цимошевич будет баллотироваться на президентских выборах. К этому его склонили «многочисленные голоса соотечественников» и последние опросы, в которых Цимошевич с 37-процентной поддержкой опережает прежнего лидера Леха Качиньского. (*«Газета wyborcza»*, 29 июня)

• Согласно усредненным результатам опросов, проведенных в июне ЦИОМом, ГФК «Полония», Лаборато-

рией социальных исследований, «Пентором» и ЦИМО, в преддверии парламентских выборов «Гражданскую платформу» поддерживают 22% поляков, «Право и справедливость» — 21, «Самооборону» — 13, «Лигу польских семей» — 12, «Союз демократических левых сил» (СДЛС) — 7, аграрную партию ПСЛ и «Польскую социал-демократию» — по 5, Демократическую партию и «Унию труда» — по 4, Всепольскую партию пенсионеров — 2%. Избирательный барьер составляет 5%. (*«Газета wyborcza»*, 16 июня)

• «“Окладники” — это депутаты маленьких фракций и независимые (...) Хотя они не принимают участия в дележе политической добычи, депутатские оклады для них — достаточный повод для того, чтобы эта каденция Сейма продолжалась (...) Во всех спорах они всегда стоят на стороне тех, кто гарантирует, что оклады (2381 злотый, свободный от налогообложения, плюс 10 тыс. на приемную) и зарплата (9526 злотых для профессиональных депутатов) будут и дальше поступать на счета (...) В общей сложности вне родных партий, от которых их избрали в Сейм, действуют уже более 70 депутатов. Это сила, которая может иметь решающее слово почти в каждом голосовании». (*Мартин Бояновский, «Политика»*, 21 мая)

• Депутат Сейма, заместитель председателя «Гражданской платформы» Зита Гилёвская вышла из партии. В начале появились сообщения о том, что сын Гилёвской Павел собирается баллотироваться в Сейм в родном Люблине, закрепив за собой первое место в списке «Платформы». Печать сообщила также, что в приемной Гилёвской работала ее невестка, а ее сын получал гонорары за экспертизы из средств, выделяемых Сеймом. В пятницу правление партии постановило передать дело в товарищеский суд. В субботу Гилёвская отказалась от членства в партии. «Сегодня в Польше можно чего-то достичь, только решительно повышая стандарты политической жизни», — прокомментировал это лидер «Гражданской платформы» Ян Рокита. (*«Жечпосполита»*, 23 мая)

• Маршал Сейма Влодзимеж Цимошевич: «Политика все более вырождается, изобилует патологиями (...) Сегодня половина общества поддерживает обыкновенных политических авантюристов: “Лигу польских семей”, “Самооборону” или “Право и справедливость”. “Гражданская платформа”, как мне кажется, — партия невероятно оппортунистическая и циничная. Честно говоря, сегодня я не вижу на

польской политической сцене ни одной партии, к которой я мог бы относиться с полным уважением». (*«Жечпосполита», 4-5 июня*)

• Казимеж Куц, режиссер: «Нынешние польские партии — это фирмы, а политики — их работники. Они собираются вместе и думают, что бы такое сделать, чтобы фирма развивалась и приносила прибыль. А все развивается особенно быстро, когда можно править государством». (*«Газета wyborcza», 17 мая*)

• «В великопольском городе Гостынь кареты производит уже третье поколение Анджеевских (...) В мастерской работают 26 человек (...) Больше всего карет экспортируется в Германию, Испанию, Португалию и Голландию. Самый популярный конный экипаж «Victoria» стоит не более 20 тыс. злотых». (*«Жечпосполита», 26-29 мая*)

• «В первом квартале объем польского экспорта увеличился на 23,5% и достиг уровня 16,3 млрд. евро. Импорт рос медленнее — его объем увеличился только на 14,8%. В результате торговый дефицит (составивший 1,5 млрд. евро) оказался на 800 млн. меньше, чем год назад. В первом квартале быстрее всего рос экспорт польских товаров в Норвегию — на 180%. Почти удвоился экспорт в Россию, чья доля в наших экспортных поставках увеличилась с 2,4 до 4%. На 30-40% увеличились также поставки в Чехию и Великобританию». (*«Жечпосполита», 13 мая*)

• В первом квартале ВВП «увеличился лишь на 2,1%, а валовой доход промышленности — менее чем на 1%. Статистика не отмечает также роста инвестиций». (*«Ньюсуик-Польша», 12 июня*)

• «Сельскохозяйственные дотации ЕС и спрос на польские сельхозпродукты повышают стоимость земли. Цены земельных участков растут с головокружительной быстротой (...) С января по апрель текущего года Агентство сельскохозяйственной недвижимости продало почти 40 тыс. гектаров земли. Это в два с лишним раза больше, чем за тот же период прошлого года (...) За последние несколько месяцев земля в Польше подорожала в среднем на 18, а в некоторых регионах — даже на несколько десятков процентов. В конце 2003 г. гектар земли можно было купить за 3,5 тыс. злотых; сегодня за него надо заплатить более 5,4 тысяч. К покупке земли крестьян склоняет рост окупаемости сельскохозяйственного производства — за последний год она увеличилась почти на 46% (...) Крупные фермеры скупают землю у мелких, создавая современные, высокопроизводительные производственные фирмы» (*«Ньюсуик-Польша», 5 июня*)

• «В Польше покупают все меньше мыла. Больше всего мыла поляки покупали в 1980 г. — 1,7 кг на человека (...) В 1994 г. на одного человека приходилось уже только 0,8 кг мыла, а в прошлом — 0,6 кг». (*«Политика», 4 июня*)

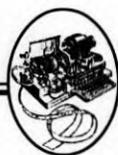
• Их последний продолжительный разговор состоялся в 1981 г. у примаса Юзефа Глемпа. Последнее рукопо-

жатие — в 1989 г. в Сейме. Вчера в студии вновь встретились два политика, которые в последние четверть века оказали самое сильное влияние на историю Польши. «Мы сражались друг с другом. Вы боролись за одно, а я — за нечто совершенно противоположное, — говорил Валенса. — Теперь Польша нуждается в мудром примирении». Немного позже Валенса спросил: «Господин генерал, как вы считаете, я — коммунистический агент?» — «Если бы вы действовали по указке властей, вы бы нас не свергли», — ответил Ярузельский. В свою очередь сам он вопрошал: «Как это возможно, что меня обвиняют в предательстве? Ярослав Качинский говорит, что я скорее русский, чем поляк. Я чистокровный поляк, сибирский ссыльный. Я весь фронт прошел, как же можно?» «Того, кто еще несколько лет назад сказал бы, что легендарный вождь «Солидарности» будет обращаться за подтверждением нравственности своего поведения к человеку, который ввел военное положение, и что Ярузельский будет искать понимания у Валенсы, все сочли бы чокнутым», — комментирует это событие Павел Вронский. (*«Газета wyborcza», 23 мая*)

• Президент Чехии Вацлав Клаус: «Я считаю, что это [награждение в Москве ген. Ярузельского] не только ваша проблема. В 1968 г., в бытность министром обороны, Ярузельский участвовал в оккупации Чехословакии. Затем он преследовал «Солидарность» — это тоже было не только польское дело. Военное положение было одним из самых мрачных моментов в моей жизни, сравнимых с ситуацией у меня на родине в 1968 году». (*«Впрост», 29 мая*)

• «Что останется в нас после 9 мая в Москве? Память о том, что путинская Россия не любит поляков? Воспоминания об эквилибристике президента Квасневского? Этого маловато для события, которое дословно и символически показывает всю разницу между Польшей и Россией. В инцидентах может затеряться истинное значение конфликта, обозначившегося между двумя странами в последние недели (...) Мы обречены на конфликт интересов с нынешней Россией, независимо от того, зайдет ли речь о будущем Белоруссии и Украины, энергетических отношениях на линии РФ—ЕС или исторической политике. Мы обречены на конфликт интересов с Россией, опасной из-за своего страха перед истинной демократией и не признающей небольшие государства полноправными партнерами по диалогу (...) Это великий вызов для Польши». (*Бартломея Сенкевич, «Жечпосполита», 16 мая*)

• «Польский экспорт в Россию растет в головокружительном темпе. Это выгодно не только польским, но и западным фирмам, для которых Польша — выдвинутый на восток плацдарм. В прошлом году мы экспортировали в Россию товаров на общую сумму 2,85 млрд. долларов. Это почти на 90% больше, чем годом раньше. В этом году объем экс-

порта увеличивается в 100-процентном темпе». (*«Газета выборча», 23 мая*)

• Российские контрабандисты, у которых польские пограничники отобрали въездные визы, устроили пикеты (...) «Начиная с января границу пересекло свыше 300 тыс. человек, а визы мы отобрали только у 314 россиян, которые проносили товар по зеленому коридору, предназначенному для лиц, свободных от досмотра. Те, кого уличили в контрабанде в других коридорах, были отправлены обратно в Россию. Российские власти давно знают наши процедуры», — говорит пресс-секретарь варминско-мазурской погранохраны майор Роман Кшеминский. (*«Газета выборча», 28-29 мая*)

• Министр иностранных дел Адам Даниэль Ротфельд: «Наша политическая стратегия отношений с Россией опирается на позитивную программу. Если есть проблемы или трудные вопросы, надо их решать. Польское общество доброжелательно относится к русскому народу, к русской культуре. Однако поляки боятся российской империи. Эти вещи нужно четко разделять (...) Надо быть доброжелательными и дружелюбными, когда дело касается людей и общества, но в то же время суверенными и принципиальными там, где затрагиваются государственные интересы (...) Для нормального разговора необходимо время и соответствующая атмосфера». (*«Газета выборча», 11-12 июня*)

• Адам Д. Ротфельд: «Я говорю то, что думаю. Таков мой принцип. Тот, кто считает, что дипломат может и даже должен лгать, глубоко ошибается. Многие дипломаты полагают также, что, занимаясь политикой, можно говорить только то, что в данный момент политкорректно. Я считаю, что это ошибочный подход, ибо политика имеет смысл только тогда, когда партнер знает, что думает другая сторона. Надо выражать это ясно, не обижаться, но и не избегать трудных споров. Надо говорить правду». (*«Жечпосполита», 24 мая*)

• Виктор Ерофеев: «Польша производит впечатление кошки, которая схватила кусок мяса, утащила его из-под носа российской кошки и убежала. Прошло несколько месяцев, и вот Путин произносит речь по случаю годовщины окончания войны. Он знает слова Бжезинского о том, что без Украины Россия не будет сверхдержавой. То, что украинцы считают своим великим достижением, успешным бунтом против коррумпированного, частично криминального режима, с перспективы Москвы воспринимается как потеря. А кто это сделал? Поляки. Поэтому не удивляйтесь, что Путин ни единым словом не обмолвился о Польше. Для него она как раз такая кошка, которая только что украла у него кусок мяса. Вместо того чтобы обижаться, вы должны радоваться своей победе — не той, которая была несколько десятилетий назад, а той, благодаря которой Украина встала на путь демократии, и дай ей Бог удачи...» (*«Жечпосполита», 21-22 мая*)

• «В пятницу в Луцке на Западной Украине было принято решение о создании украинско-польско-литовской Парламентской ассамблеи. Ее главной задачей станет помощь Украине во вступлении в ЕС и НАТО. Заявления о создании ассамблеи подписали председатели польского, литовского и украинского парламентов Влодзимеж Цимошевич, Артурас Паулаускас и Владимир Литвин». (*«Жечпосполита», 14-15 мая*)

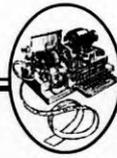
• Премьер-министр Юлия Тимошенко: «Мы всегда были очень благодарны Польше за защиту демократии на Украине и за то, что она прокладывает нам путь в Евросоюз. Мы просим вас и дальше это делать. Это очень важно (...) Я верю, что польский народ и польские лидеры всей душой и всем сердцем с нашим народом. Лучшим доказательством тому стал конкурс Евровидения, когда телезрители из Польши единственные во всей Европе массово голосовали за то, чтобы победила наша, украинская, «оранжевая» песня. Это люди голосовали, народ. А когда в Европе социологи спрашивают, должна ли Украина вступить в ЕС, чаще всего говорят «да» именно поляки. Наши страны, наши народы необыкновенно близки друг другу». (*«Газета выборча», 10 июня*)

• «Гостем встречи глав правительств Вышеградской группы стала премьер-министр Украины Юлия Тимошенко. Премьер-министры Польши, Чехии, Словакии и Венгрии заверили ее в поддержке «европейских чаяний» Украины, а также высказались за продолжение процесса ратификации европейской конституции». (*«Тыждник повсехный», 19 июня*)

• «Праздник Европы. Тысячи варшавян приняли участие в большом празднестве на улицах столицы. На этот раз вместе с поляками шли украинцы, немцы и белорусы (...) Участники шествия несли над головами 300-метровую оранжевую «ленту единства» (...) идею которой выражали надписи на транспарантах: «Украину — в ЕС»». (*«Жечпосполита», 16 мая*)

• «Сегодня и завтра перед памятником Мицкевичу по соседству с [местом] проведения варшавского саммита Совета Европы [буддийский монах Дзюнсей Терасава] будет молиться о мире и прекращении геноцида в Чечне (...) [Терасава] был первым буддийским монахом, которому разрешили молиться на Красной площади (...) Кроме того, во время первой чеченской войны он организовал и возглавил большой марш солдатских и чеченских матерей из Москвы в Грозный. «На глазах всего мира совершается геноцид чеченского народа, а мир молчит. Все мы несем ответственность за то, что происходит. И за мир», — говорит Дзюнсей Терасава». (*«Газета выборча», 16 мая*)

• «Президенты, премьер-министры и министры иностранных дел 46 стран принимают участие в начавшемся сегодня в Варшаве саммите Совета Европы. (...) «Великим отсутствующим» оказался рос-

сийский президент Владимир Путин (...) Кремль решил понизить ранг российской делегации — ее возглавляет министр иностранных дел Сергей Лавров. Это результат критики несоблюдения прав человека в России Советом Европы». (*«Жечпосполита»*, 16 мая)

• «Белоруссия — единственная европейская страна, не вступившая в Совет Европы, и в то же время последняя на нашем континенте диктатура (...) Говоря словами польского министра Адама Даниэля Ротфельда, сегодня Белоруссия — это “заповедник всего, чего Европа не приемлет” (...) Хорошо, что на этот раз, на варшавском саммите Совета Европы, о Белоруссии не забыли — в частности, благодаря инициативе Польши». (*Славмир Поповский, «Жечпосполита»*, 17 мая)

• На саммите Совета Европы «была принята варшавская декларация, а также план действий и три конвенции: о борьбе с терроризмом, отмыванием грязных денег и торговлей людьми (...) Только в воскресенье российская делегация согласилась включить в варшавскую декларацию ссылку на историю — в т.ч. на “Солидарность” и падение Берлинской стены». (*«Жечпосполита»*, 18 мая)

• 488 голосами «за» при 20 «против» Европейский парламент одобрил ежегодный доклад о положении в России. Евродепутаты призвали к «солидарности между старыми и новыми членами ЕС, если Россия вознамерится дифференцировать свой подход к ним». В докладе говорится также о «жертвах, которые понесли некоторые страны и народы в результате оккупации и дальнейшей аннексии Советским Союзом». Европарламент выразил надежду на то, что «Россия полностью признает эти факты». Кроме того, депутаты призвали Москву рассекретить архивные документы периода II Мировой войны, в число которых входят и документы, касающиеся катынского преступления. В отчете подробно говорится также о необходимости обеспечить свободное судоходство в Пилавском проливе — единственном выходе из эльблонгского порта в Балтийское море. (*«Жечпосполита»* и *«Газета wyborча»*, 27 мая)

• «Польские журналисты задержаны в Ингушетии. Съёмочную группу Польского телевидения допрашивали 14 часов. Российские спецслужбы конфисковали у телевизионщиков кассеты с видеозаписями и посоветовали им убраться домой. Репортеры государственного телевидения на протяжении двух месяцев собирали материалы для фильма, завершающего цикл о Чечне». (*«Жечпосполита»*, 2 июня)

• «Власти Кубы не пустили на остров польских евродепутатов Богуслава Соника и Яцека Протасевича, а группу журналистов после кратковременного пребывания арестовали и выслали из страны. Политики и представители СМИ собирались принять участие в съезде кубинской оппозиции». (*«Тыгодник повсехний»*, 29 мая)

• «Власти Белоруссии выслали из страны первого секретаря посольства Польши Марека Буцько, отвечавшего за польско-белорусское сотрудничество и контакты с белорусской оппозицией. В ответ на это Варшава объявила персоной нон грата первого секретаря посольства Белоруссии и составила список белорусов, которым запрещен въезд в Польшу. В этом списке есть, в частности, несколько членов правительства». (*«Тыгодник повсехний»*, 29 мая)

• «Белорусское министерство юстиции признало недействительным мартовский съезд Союза поляков Белоруссии, на котором было избрано новое правление». (*«Жечпосполита»*, 17 мая)

• «Белорусские КГБ и милиция угрозами и шантажом пытаются склонить к сотрудничеству активистов Союза поляков Белоруссии». (*«Газета wyborча»*, 31 мая)

• «Гроза в Белоруссии грянет, но еще не скоро. К такому выводу пришли участники организованной Центром международных отношений варшавской конференции “Перед грозой. Политические перспективы Белоруссии в 2005-2006 гг.”». (*«Жечпосполита»*, 31 мая)

• Евродепутаты из Польши и Литвы, парламентарии из Латвии и с Украины, а также представители белорусской оппозиции встретились в Беловеже и подписали совместное заявление, в котором они обещают белорусскому обществу помощь: стипендии, поддержку неправительственных организаций и создание радиостанций в пограничных с Белоруссией районах Польши, Литвы и Украины. Кроме того депутаты, подписавшие беловежскую декларацию, требуют международной изоляции лиц, преследующих белорусскую демократию. (*«Жечпосполита»*, 30 мая)

• Спустя 60 лет после окончания войны ветераны польской Армии Крайовой и литовской «Местной сборной» генерала Плехавичюса, сражавшейся на стороне немцев, впервые вместе почтили память убитых обеими сторонами гражданских лиц. 20 июня 1944 г. литовцы убили 39 жителей польской деревни Глинцишки, а 23 июня поляки в акте возмездия убили 27 жителей литовского городка Дубинки. Среди жертв обоих преступлений были женщины и дети. Бывшие бойцы двух враждующих армий подписали декларацию примирения в сентябре 2004 года. (*«Газета wyborча»* и *«Жечпосполита»*, 13 июня)

• Общество ветеранов и семей с «кресов» организовало конференцию «Геноцид и депортация польского населения на восточных окраинах Польской Республики в 1939-1947 годах». На конференцию, прошедшую в Католическом доме Перемышля, прибыли несколько десятков человек. Ранее ей отказали в предоставлении помещения гарнизонный клуб и Национальный музей. С резкими протестами против конференции выступили украинское посольство, Польский союз украинцев и глава

польской греко-католической Церкви архиепископ Ян Мартыняк, которые сочли ее попыткой разжечь антиукраинские настроения. (*«Жечпосполита», 6 июня*)

• После долгих лет споров и нелегких переговоров с украинцами состоялось торжественное открытие кладбища Львовских Орлят. 66 лет назад, в последний мирный день перед II Мировой войной, на кладбище покоились останки 2859 человек, погибших в боях с украинцами в 1918-1919 гг. и во время польско-большевистской войны 1920 года. Многим из них было меньше 18 лет. Это их назвали Орлятами. На кладбище похоронены также трое американских военных летчиков и один из шестнадцати погибших за Польшу французских пехотинцев. В конце 60-х гг. советское начальство устроило на кладбище Орлят свалку. 34 года назад туда въехали танки и бульдозеры, которые сравняли могилы с землей и присыпали обломками. (См. отрывки из речей, произнесенных во время торжественного открытия восстановленного кладбища президентами Александром Квасневским и Виктором Ющенко, на стр.52-53). (*«Газета wyborча» и «Жечпосполита», 24 и 25-26 июня*)

• В Варшаве открыт памятник генералу де Голлю — авторская копия монумента, воздвигнутого в 2000 г. на Елисейских полях в Париже. В церемонии открытия участвовали министры иностранных дел Франции и Польши Мишель Барнье и Адам Ротфельд, а также президент (мэр) Варшавы Лех Качинский. (*«Газета wyborча», 16 мая*)

• Александр Халль: «Еще полтора десятка лет тому назад поляки хранили память о визите генерала в 1967 году. В мрачную коммунистическую эпоху этот визит стал великим событием. Де Голль даже призвал Владислава Гомулку к большей независимости от СССР. Поляки ценят и тот факт, что французский генерал с оружием в руках сражался за Польшу. В 1920 г. де Голль занимался обучением польских офицеров в Рембертуве, а когда началась польско-большевистская война, отправился вместе с ними на фронт (...) За участие в боях он был награжден орденом «Virtuti militari»». (*«Политика», 21 мая*)

• «По просьбе Польши вопросом майской годовщины 1945 года занялась Генеральная Ассамблея ООН, на которой выступил польский министр иностранных дел. Адам Д. Ротфельд напомнил, что II Мировая война началась со сговора Гитлера со Сталиным, и призвал Россию признать пакт Риббентропа—Молотова противоречащим [международному] праву. В свою очередь Европейский парламент принял резолюцию в ознаменование окончания войны, в которой говорится о «новой тирании, навязанной сталинским Советским Союзом»». (*«Тыгодник повшехний», 21 мая*)

• Проф. Войцех Рошковский из Польской Академии наук: «17 сентября 1939 года на рассвете советская ар-

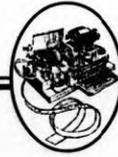
мия без объявления войны перешла границу Второй Речи Посполитой (...) Агрессия была напрямую связана с подписанным 23 августа 1939 г. дополнительным секретным протоколом к пакту Риббентропа—Молотова (...) Однако правительство Российской Федерации отказалось признать это агрессией (...) Поэтому следовало бы выяснить, что собственно произошло 17 сентября 1939 года». (*«Жечпосполита», 17 мая*)

• По словам прокурора Люциана Новаковского из Главной комиссии по расследованию преступлений против польского народа, Институт национальной памяти (ИМП) будет устанавливать т.н. юридический факт советского нападения на Польшу 17 сентября 1939 г., а также его последствия. «Немцы за нападение на Польшу 1 сентября 1939 года были осуждены в Нюрнберге, а русские — никогда», — говорит прокурор Гжегож Малисевич из жешувского отдела ИМП. (*«Жечпосполита», 17 мая*)

• Адам Михник о польском издании книги Гавриила Попова «Война и правда. Цена победы»: «Сегодня на фоне поразительных проявлений великорусского или скорее великосоветского шовинизма голос Гавриила Попова звучит как свидетельство честности и отваги «другой России» — России, уважающей свободу, достоинство и правду. Полякам этот голос особенно важен. Это доказательство того, что у польской демократии в России есть друзья». (*«Газета wyborча», 17 мая*)

• «Бойцам Армии Крайовой невозможно внушить, что их освободили. Если им временно улыбнулось счастье и они избежали тюрьмы, лагеря или расстрела войсками НКВД, то у них не могло быть никакой уверенности в том, что ждет их в будущем (...) Какой поляк сыграл самую значительную роль во II Мировой войне? Подскажу: он был советским, а не польским маршалом (...) Константин Рокоссовский был потомком старой великопольской шляхты. В XVII веке представители этого рода занимали в Речи Посполитой высокие должности. Обеднев, они по примеру других отправились пытаться счастья на восточные окраины [Польши]». (*Бронислав Лазовский, «Пшегленд», 15 мая*)

• Адам Михник во время дискуссии «Россия и ее западные соседи» в 16-ю годовщину со дня основания «Газеты wyborчей»: «В 1976 г. мне довелось беседовать в Париже с русским писателем Виктором Некрасовым (...) который с первых же слов заверил меня: «Адам, я так симпатизирую Польше. В 1944 году я освобождал вас, был ранен». Это говорил Некрасов, человек необычайного мужества, благородства и честности. Разумеется, я сказал ему: «Я бы попросил тебя, Виктор, чтобы вы уже больше нас не освобождали и не на такое долгое время». Однако я считаю, что нам необходимо понять: так думают самые честные русские. Когда мой покойный друг Булат Окуджава хотел кого-нибудь положительно охарактеризовать, то говорил: «Он был фронтовиком» (...) Поэтому если мы в Польше не захо-

тим понять этих эмоций и будем ставить моральный и исторический знак равенства между теми солдатами Красной Армии, которые гибли на польской земле, и нацистами, то мы сами себе навредим. Не только в польско-российских, но и в польско-польских отношениях, так как мы не будем понимать чего-то важного». (*«Газета выборча», 12 мая*)

• «Пытаясь заново осмыслить свое отношение ко [II Мировой] войне, мы должны помнить — даже если эта память будет сидеть в нас занозой, — что главной силой, которая войну выиграла, был Советский Союз. По сравнению с его вкладом не только наши достижения, но и успехи западных союзников были гораздо менее существенны. В одиночку мы не освободили бы даже Польшу — число красноармейцев было в несколько раз больше, чем сражавшихся бок о бок с ними солдат с орлами на фуражках». (*«Газета выборча», 13 мая*)

• «22 мая с.г. в Рембертуве прошел день памяти в 60-летие создания лагеря НКВД №10. После Божественной литургии (...) участники мемориальной церемонии прошли к памятнику Жертвам лагеря НКВД на ул. Марса, где состоялась “перекличка погибших”, а также возложение цветов и венков». (*«Мешканец», 2 июня*)

• Профессор Люблинского католического университета Стефан Свежавский: «Роль ангела, т.е. того, кто послан Богом, может исполнять любое творение Божие. Для нас такими “ангелами”, ниспосланными Богом, оказались... пьяные советские солдаты, которых мы взяли к себе в телегу, убегая с маленькими детьми из Львова, где нам грозила высылка далеко на восток. Благодаря тому, что они уселись возле нас, мы спокойно миновали два военных патруля, бдительно охранявших дорогу. Исчезли они так же внезапно, как появились, а мы перешли “зеленую границу”». (*«Газета выборча», 21-22 мая*)

• «На протяжении 13 лет — до 1988 года — [доминиканец] Конрад Хеймо, римский опекун польских паломников, встречался с сотрудниками и агентами секретных спецслужб ПНР. В награду он получил различные подарки, паспорт и 20 тыс. немецких марок. Однако, как утверждает Институт национальной памяти, он не доносил на Иоанна Павла II. ИИП опубликовал изложение 700 страниц документов госбезопасности на тему о. Хеймо, где историки пишут, что доминиканец был для МВД одним из самых ценных источников информации о ситуации в Ватикане и в польской Церкви». (*«Газета выборча», 2 июня*)

• «Центр им. Шимона Визенталя, бесплатный телефон которого действует в Варшаве уже почти два года, изучает заявления граждан Польши, касающиеся 20 человек, подозреваемых в участии в погромах или в выдаче евреев во время II Мировой войны (...) За сведения, благодаря ко-

торым подозреваемым удастся вынести приговор, Центр намерен платить 10 тыс. евро». (*«Политика», 21 мая*)

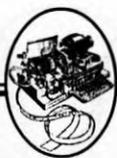
• «На лотках перед варшавской церковью св. ап. Иакова рядом лежат книги Иоанна Павла II и многочисленные публикации о “жидомасонском” заговоре в Польше. “Это хула на Бога”, — считает профессор-библеист о. Михал Чайковский (...) Настоятель прихода св. ап. Иакова не имеет ничего против торговли перед церковью. Его не возмущает сочетание милосердия Иоанна Павла II с антисемитскими лозунгами (...) Антисемитскими книгами торгуют не только на площади Нарutowича. Их можно купить (...) перед Варшавским университетом, перед церковью св. Станислава Костки в Жолибоже, в книжном магазине “Антик” при церкви на Гжибовской площади. Яцек Пурский из антирасистского общества “Никогда больше” утверждает, что это нарушение статей 256 и 257 польского УК(...) Однако, по словам Халины Бортоновской из Хельсинского фонда и общества “Открытая Речь Посполитая”, суды прекращают подобные дела, объясняя это ничтожным вредом, наносимым обществу». (*«Газета выборча», 2 июня*)

• Согласно последнему докладу Совета Европы, в Польшу евреи и их достояние часто становятся жертвами актов физической агрессии и вандализма. Печатается множество книг и периодических изданий антисемитского толка. Кроме того, существуют СМИ, распространяющие антисемитские взгляды, например радио «Мария». Антисемитские утверждения появляются даже в проповедях некоторых священников. Беспокорство вызывают также выступления политиков, особенно из «Лиги польских семей» и «Национального возрождения Польши». Дискриминация цыган названа в докладе одной из причин их трудного положения. Доклад подготовила Европейская комиссия против расизма и нетерпимости (ECRI). (*«Жечпосполита», 15 июня*)

• «После серии скандалов и попыток втянуть [артистов московского] Большого театра в политическую авантюру труппа покинула Польшу. Россияне должны были дать почти 20 представлений. Из них состоялись только пять. Артистам не заплатили за выступления. В прокуратуре лежит иск против организатора гастролей, Подляского концертного агентства». (*«Жечпосполита», 20 мая*)

• «Журналу “Пшеглэнд православный” исполнилось 20 лет. Первый номер журнала вышел в свет 21 апреля 1985 года». (*«Пшеглэнд православный», июнь*)

• «Министерство финансов сообщило, что в этом году польские налогоплательщики передали в пользу общественно-полезных организаций свыше 100 млн. злотых. Это в 10 раз больше, чем год назад». (*«Тыгодник повшехный», 21 мая*)

• «Кристина Щепаняк с [варшавского] Центрального вокзала, которой неизвестный благотворитель подбросил 41 тыс. злотых, не хочет брать эти деньги (...) Она отнесла их в полицейский участок. Экспертиза показала, что деньги настоящие (...) Бездомная женщина отвергла все предложения постоянного места жительства. Уже 16 лет она ночует на вокзале». (*«Жечпосполита»*, 28-29 мая)

• «На скамье подсудимых — генерал Антоний Ковальчик, бывший главный комиссар полиции, обвиняемый в даче ложных показаний. Теперь в следственном изоляторе оказался еще один генерал полиции (...) несколько лет назад претендовавший на должность главного комиссара. Прокуратура обвиняет Мечислава Клюка в коррупции: генерал взял несколько сот тысяч злотых за предоставление [секретных] сведений топливной мафии, обворовывающей бюджет (т.е. нас) на сотни миллионов злотых. Кроме того он продал информацию о своих товарищах-полицейских, отобранных для борьбы с топливной мафией». (*«Жечпосполита»*, 16 мая)

• «В Лодзи и Познани распущены управления Центрального следственного бюро (ЦСБ). Проверка кадров ЦСБ охватит всю страну (...) Полицейские из лодзинского ЦСБ, возможно, продали на черном рынке 120 кг. героина и кокаина, ранее конфискованного у бандитов». (*«Газета wyborча»*, 21-22 мая)

• Тадеуш Мазовецкий о местном самоуправлении в Польше: «Без местной демократии нет вообще никакой демократии (...) Мы быстро провели реформу органов местного самоуправления (...) хотя впоследствии, при правительствах Ханны Сухоцкой и Ежи Бузeka, она была дополнена новыми законами. Однако эти изменения не нарушили основного принципа: вводя местное самоуправление на уровне повята и воеводства, никто не отбирал полномочий у гмины (...) Достижения органов местного самоуправления в повышении уровня цивилизации в деревнях и маленьких городках несомненны, особенно если речь идет о дорогах, водопроводе и канализации. Люди научились быть хозяевами на своей земле. Во многих местах (...) возникли группы людей, заинтересованных деятельностью на благо своих "малых родин". Однако в других местах местные власти обюрократились, стали слишком зависеть от политических партий или проявили склонность к другим извращениям. Они бывают подвержены и коррупции (...) Я выступал за реформу органов местного самоуправления, ибо считал, что она станет важным элементом восстановления демократического общества». (*«Жечпосполита»*, 27 мая)

• «Узнав, как Польша тратит деньги, выделенные Европейским инвестиционным банком, экологи подняли тревогу: вместо того чтобы предназначить

250 млн. евро на восстановление разрушений, вызванных наводнениями, и создать систему раннего предупреждения, мы, вопреки экологии и европейским стандартам, бетонировали русла рек (...) Результат контроля шокирует. Регуляция осуществлялась незаконно (...) Загублена природа (...) Работы велись в полном несоответствии духу Рамочной водной директивы ЕС, согласно которой первоочередной целью должно быть поддержание в хорошем состоянии экосистемы». (*Адам Вайрак, «Газета wyborча»*, 24 мая)

• «Мертвые птенцы, отрезанные головки, оторванные лапки. Кто-то разорил гнезда в период гнездования. Так выглядит птичий заповедник в окрестностях водохранилища Езёрско. "Это была бойня. Убито по меньшей мере 600 птенцов большого баклана. Им было около трех недель", — говорит ветеринар Кшиштоф Качмарек из Общества натуралистов Лодзинской земли». (*«Жечпосполита»*, 6 июня)

• «Люди, едущие через Мазуры, становятся невольными свидетелями трагедии: вдоль шоссе лежат сотни стволов прекрасных деревьев (...) Толстые стволы, как правило здоровые и массивные, вывозятся на удивление быстро (...) Аллеи, этот символ и восхитительное украшение мазурского пейзажа, вырубаются во все нарастающем темпе». (*Рената Мари-Потоцкая, «Политика»*, 7 мая)

• Из письма в редакцию Ярослава Гамдзыка: «Глубоко потрясает вид пустых, лишенных деревьев мазурских дорог (...) Почему (...) управления гмин, поватов или воеводских дорог начали вырубать придорожные деревья? (...) В настоящее время рыночная стоимость одного столетнего лиственного дерева — по меньшей мере несколько сот злотых (...) Эти деревья пережили одну или даже две мировые войны и все годы ПНР». (*«Политика»*, 4 июня)

• Из некролога: «Умер Юрек Шиповский, порядочный, чуткий человек. Он любил деревья...» (*«Газета wyborча»*, 17 мая)

• Станислав Тым: «Я согласен с Марекком Эдельманом, что человек — особенно неудачная комбинация генов. В этой комбинации преобладают агрессия и злоба (...) Величайший позор вида под названием "человек" — это бескорыстная жестокость. Иногда трудно избавиться от впечатления, что человек находит свое призвание, причиняя страдания другим. Поэтому для меня важно сочувствие другим. Я стараюсь, насколько это возможно, с уважением относиться к судьбе каждого создания, независимо от того, кто оно — дерево в сувальском лесу или президент Боливии». (*«Жечпосполита»*, 30 мая)

ПРИМИРЕНИЕ НАД МОГИЛАМИ

*Из речи президента Польши Александра Квасневского
на открытии кладбища Львовских Орлят*

Поляки и украинцы, мы подаем друг другу руки поверх истории, поверх могил, и я уверен, что в будущее мы идем вместе. Здесь покоятся останки участников польско-украинских боев, в большинстве своем молодежи, отдавшей жизнь за то, чтобы Львов принадлежал создававшейся тогда независимой Польше. В ту пору в битве столкнулись два чаяния, два патриотизма, две национальных гордости. Мы, сегодняшние поляки, низко склоняем голову перед самопожертвованием Львовских Орлят. Мы воздаем им почести, взволнованные их героизмом и пылкой преданностью национальному делу.

Одновременно мы с почтением думаем об украинских жертвах боев, тоже отдавших жизнь в стремлении к независимости, к созданию украинского суверенного государства.

Место, в котором мы находимся, приобретает новую символику. Когда-то оно было свидетельством споров. Сегодня — становится символом польско-украинского примирения, начавшегося вместе с крушением тоталитарной системы. Восстановление кладбища Орлят стало возможным только благодаря тому, что возникла свободная и демократическая Украина.

С огромной ответственностью и взаимным милосердием мы принимаем наследие великого Папы Иоанна Павла II, который так сильно переменял облик этой земли и переменял так много человеческих сердец. Здесь, в этом месте, ровно четыре года назад, он призывал: «Да прольется прощение — данное и полученное — словно благотворный бальзам в каждое сердце. Да будут все готовы благодаря очищению исторической памяти ставить выше то, что единит, нежели то, что разделяет, чтобы вместе строить будущее, основанное на взаимном уважении, братском сотрудничестве и подлинной солидарности».

Сегодня мы стоим свидетелями нового исторического шага. То, что президент Польши и президент Украины находятся вместе на этом кладбище; то, что наши народы способны говорить друг с другом со взаимным уважением и восприимчивостью — даже на самые горестные темы прошлого, — свидетельствует о том, с какой волей и непреклонной убежденностью мы идем по пути примирения и взаимопонимания.

На Украине требование свободы народа и достоинства людей, справедливости и демократии со всей силой прозвучало из ваших сердец на площади Независимости в ноябре-декабре прошлого года.

Польша услышала призыв Украины. Мы радуемся и гордимся вашим успехом. Мы верим, что наступит время, когда мы сможем приветствовать вас в семье стран-членов Европейского союза.

Народы, чтобы жить, должны помнить. Мы поляки и украинцы, благодаря горькому историческому опыту знаем, что такое сохранять память. Однако нам нельзя всего лишь предаваться воспоминаниям о прошлом. Этого недостаточно. Это ограничивает.

ОЧИСТИМ ПАМЯТЬ ОТ ФАЛЬШИ

*Из речи президента Украины Виктора Ющенко
на открытии кладбища Львовских Орлят*

Здесь, на львовском кладбище, погребены люди, которые любили свою родину и исполнили свой долг перед ней. Никакие наши слова ничего уже не отнимут и не прибавят к тому, что они совершили. Воины погибли в бою, а их могилы сделали это место священным для поляков.

Останки погибших стали частью львовской земли, и только здесь польский народ может воздать почести их памяти. Дать потомкам такую возможность — справедливо. Они имеют на это право, а на нас, в чем я глубоко убежден, лежит христианский долг помочь им. Для нас, украинцев, почетно воздавать почести всем, кто страдал и погибал в братоубийственной трагедии, некогда разыгравшейся на нашей земле. Этого требует наша честь. Не боимся взглянуть в глаза прошлому. Этого требует наша ответственность за будущее.

Долго и с большими трудностями украинцы и поляки шли к великой истине. Повторим ее вновь: без свободной Украины не будет свободной Польши, и без свободной Польши не будет свободной Украины. Теперь мы уже poznali истину и можем не бояться призраков прошлого. В свое время франко-германское примирение открыло путь к объединению европейских народов. С этого началась новая история единства нашего континента, которая возрастает на взаимопонимании и прощении. Свои страницы в нее вписали многие народы Европы. Пришла и наша очередь.

Тем, кто лежит в этих могилах, мы вместе говорим: мы помним урок истории. Свободная Польша — друг и стратегический партнер свободной Украины. Украинские и польские воины сегодня плечом к плечу защищают мир и безопасность в разных частях и уголках мира. Варшава последовательно работает над тем, чтобы открыть Киеву европейскую дверь. В объединенной Европе наши народы видят себя вместе.

Будем вместе очищать историческую память от фальши, которая, уверен, уменьшает нашу свободу. Я верю, что уже в недалеком будущем мы сможем на польской земле достойно почтить память украинских героев, погибших за украинское государство. Польская сторона уже выразила такую готовность.

Сегодняшнее событие собралось здесь, многих друзей украинско-польского взаимопонимания. Очень жаль, что нет уже среди нас Паши Понора Павла — великого поляка с украинскими корнями. Как и много других, он помогал украинскому народу и делал это вместе с нашими народами и очень много сделал, чтобы вернуть украинцам свободу. Нам осталось его наставление: «Единство и согласие! Вот тайна мира и единства истинного коиндального прогресса». Я молю Бога дать нашим народам силу для воплощения этой великой заповеди.

ЗАРАБОТАТЬ И ВЕРНУТЬСЯ

Великобритания - одна из немногочисленных стран ЕС, которые не ввели ограничений на трудоустройство поляков и других новых членов Евросоюза. С момента расширения ЕС в Великобритании легально устроились на работу около 98 тыс. поляков. Помимо поляков, больше всего было литовцев (24,5 тыс.) и словаков (17,6 тыс.), меньше всего — словенцев (210 человек). Чаще всего поляки выбрали работу в администрации и бизнесе — в качестве портье, ассистентов, административных работников или бухгалтеров (25 тыс.), в гастрономии и туристической отрасли (24 тыс.), в сельском хозяйстве (10 тыс.), в промышленности (7 тыс.), в пищевой промышленности (4,9 тыс.), в здравоохранении (4,7 тыс.), а также в транспортной и строительной отраслях. Кем они работают? Главным образом рабочими на заводах, упаковщиками, кухарками, официантами и домработницами. Больше всего поляков работает в Лондоне (21%) и в остальной Англии (17%). Меньше всего — в Северной Ирландии (3%) и Уэльсе (2%).

Английские СМИ в отчаянии: армия польских работников снискала себе в Англии репутацию людей, достойных доверия и работающих за скромные деньги — и вот, когда англичане по уши в них влюбились, они хотят возвращаться домой.

До сих пор толпы эмигрантов, ступавших на британскую землю, мечтали остаться на ней навсегда. Все, кроме поляков, которые хотят поработать в Англии несколько лет и вернуться с заработками в Польшу. Для пакистанцев или индусов Великобритания — рай, и они даже не думают о возвращении на родину. Поляки — другие. Для многих Англия — это удобный случай заработать деньги, на которые можно будет безбедно жить в Польше. Они соглашаются вкалывать, жить в коммунах, потому что у них есть цель — вернуться в Польшу. Английские газеты посвятили много места «проблеме» польских работников.

Как правило, поляки, приехавшие в Англию после 1 мая 2004 г., планируют через несколько лет вернуться домой. И хотя не все британцы довольны новой дешевой рабочей силой, большинство считает поляков даром небес. Даже английские профсоюзы признают, что граждане Польши залатали множество дыр на британском рынке труда.

Работая там, где не хотят работать англичане, поляки восполнили нехватку кадров во многих отраслях — от транспортной фирмы «Аррива Норт-Ист» до гипермаркетов «Теско». При этом зарабатывают они в десять раз больше, чем у себя на родине.

Подавляющему большинству (82%) поляков, работающих в Великобритании, от 18 до 34 лет. Как правило, именно они думают о быстром возвращении. У «Би-Би-Си ньюс мэгэзин» есть на этот счет своя теория: «В Польше даже женатые люди жили вместе с родителями — всё из-за нехватки денег. Многие из них хотят предназначить заработанные в Англии сокровища на покупку собственной квартиры. Поэтому поляки готовы выполнять в Англии работу, которая значительно ниже уровня их квалификации». В качестве примера журнал приводит 27-летнего Гжегожа Стачека из Кракова, который в Польше работает юристом, а в Англии — рабочим на стройке. «Но здесь я зарабатываю больше», — признаётся он журналисту.

Есть и еще одна причина дискуссии о планируемом возвращении поляков. Английские СМИ с издевкой подчеркивают, что многие французские партии представляли польского работника и «банды иностранцев» в виде главной угрозы стабильности Франции (отсюда французское «нет» евроконституции). «Мы в Соединенном Королевстве смотрим на это по-другому, — пишет фельетонист «Дейли телеграф». — Без польского водопроводчика и его румяной сестры, польской домработницы, наши батареи утонули бы в тоннах пыли, а обрывки туалетной бумаги летали бы, как водоросли, по нашим прихожим». И, как признаётся тот же фельетонист: «Какая это будет трагедия, если все эти нежеланные водопроводчики справедливо почувствуют себя обиженными и вернуться в Польшу, чтобы снова работать юристами».

По материалам «Газеты Выборчей»

Магдалена Гроховская

ИНТЕЛЛИГЕНТ ОКОПАЛСЯ

Определения

Интеллигенция — слой образованных людей; в обществе выполняет научные, культурные, идеологические, организационные и другие функции (Популярная энциклопедия 90-х годов).

«...интеллигент — это тот, кто не поглощен целиком и полностью своим собственным благополучием, а хотя бы в равной степени печется о процветании всего общества...» (Ричард Пайпс «Россия при старом режиме»).

Лешек Клос: — Сталин истребил нашу интеллигенцию, и осталось барахло.

Поздним вечером Лукаш Ксёнжек, владелец рекламной фирмы в г. Илжа, продолжает работать над проектом оформления детской поликлиники. Ему 32 года; учебу в вузе по специальности «информатика» он не закончил. Во время последних выборов в органы местного самоуправления был кандидатом в депутаты, но проиграл. Развалившись у компьютера, он неохотно цедит слова, не отрывая взгляда от экрана:

— Интеллигент — это человек просвещенный, открытый к миру. Можно иметь деньги и власть и быть при этом лишь снобом, а не интеллигентом.

Наконец он отрывает взгляд от стеклянной поверхности экрана.

— Молодых тут пытаются подставить с самого начала, — неожиданно произносит он. — Если у тебя нет родственных связей с представителями власти, то и шансов нет никаких.

Оказавшиеся не у дел

Неуместно звучат эти вопросы в Илже, будь то в кабинетах или барах, в парадных или выходящих во двор комнатах. Какую роль играет сегодня интеллигент в этом городе? Чем он живет? Что читает? Чем предлагает руководствоваться юношеству, какими образцами, и является ли сам он образцом? Привержен ли идее служения обществу, гуманистическим идеалам? Готов ли защищать идеи добра и благородства? Полный разлад.

Под ироничным взглядом девушки, которая из-за стойки бара прислушивается к нашему разговору (она зарабатывает 400 злотых в месяц), вопросы звучат претенциозно.

Лешек Клос, окончив Радомский политехнический институт по специальности художественное воспитание, в течение двух последних лет подал 60 заявлений на работу в Илже и ее окрестностях — ответа так и не получил. В рамках временной занятости продавал билеты на смотровую площадку на башне замка. Живописью временно не занимается: краски есть, но нет денег на холст. Самостоятельно ищет клиентов, желающих купить его картины, чаще всего удается вернуть лишь стоимость затраченного материала.

— Я хотел бы честно зарабатывать искусством, — говорит он. — У меня жена и ребенок.

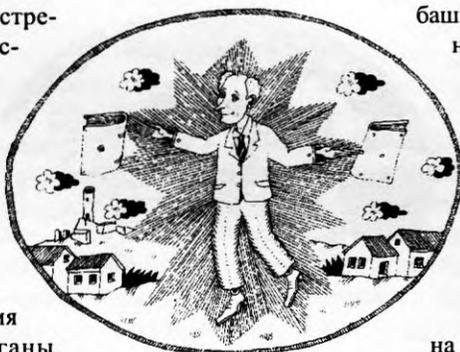
Ученик III класса лицея Михал Степень, который под вечер просматривает музыкальные журналы в публичной библиотеке, считает: автобус до Радомы — 5 злотых, билет в кино — 10 злотых, обратный билет... Последний раз он был в кино год назад на кинофильме «Властелин колец».

У директора гимназии Януша Цепелевского (он окончил географический факультет в Кельце) шестеро детей.

— Вместо того чтобы всей семьей идти в кино и платить деньги за восемь билетов, — объясняет он, — я беру напрокат кассету...

Он возделывает небольшой фруктовый сад и разводит птицу; несколько раз в году он готовит окорока для своей семьи. Его дед до войны владел в Илже колбасной.

— У меня такое ощущение, будто я оказался не у дел, — говорит заместитель директора гимназии Януш Шмит, историк, сорока с небольшим лет. — Интеллигенция сейчас в погоне за деньгами, чтобы обеспечить будущее своим детям. От прежних интеллектуальных амбиций не осталось и следа. Я, например, все каникулы провожу на сборе смородины.

ны, чтобы подработать. Чувствую себя как египетский феллах. А наши дети напоминают Золушек, в Илже только финансовая элита в состоянии посылать детей в хорошие школы. Более бедные вынуждены довольствоваться школами в Островце, Радоме, Кельце и Белостоке, где легче устроиться.

Больше супа по понедельникам

Илжа расположена в центре треугольника, образуемого городами Радом, Липско и Стараховице; за счет существовавшего там промышленного производства жители Илжи выжили во времена существования ПНР: из каждого илжинского дома кто-нибудь ездил на работу в эти города.

— Люди образованные обеспечивали развитие нашего города, — рассказывает Велслав Зволинский, по специальности стоматолог; по окончании учебы во Вроцлаве он как демобилизованный офицер и член партии приехал в Илжу в 1952 году. — Мы тогда выделялись среди всех, наши умственные горизонты были значительно шире, чем у здешних жителей. Будучи директором Центра здравоохранения я строил в Илже больницу, поликлиники. У меня было такое ощущение, что человек, кроме того, чтобы зарабатывать на жизнь, обязан еще давать что-то окружающим. Мы привлекали на свою сторону тех, от кого зависели решения, чтобы тут заработала промышленность.

В Зембце под Илжей был создан горно-металлургический комбинат, на котором работало две тысячи человек. Сегодня предприятие производит отопительные котлы — на нем работают 700 человек.

Бургомистр Януш Жоньца на рубеже 70-80-х был техническим директором здешнего предприятия, производившего запчасти для автомобилей. На этом филиале Стараховицкого завода грузовых автомобилей работало в то время 1,4 тысячи человек. После банкротства завода в Стараховицах филиал в Илже был продан. Теперь там работает около ста человек.

Илжа насчитывает 5 тысяч жителей, безработица в городе достигает 27%. Бургомистр говорит, что эту проблему можно было бы решить, создав 300 новых рабочих мест.

По понедельникам в школе на Вуйтовской улице поварахи готовят супа на треть больше, чем обычно: они знают, что многие дети в выходные не смогли пообедать. Из почти 300 порций выдаваемых обедов более половины финансируется органами социального обеспечения.

Тенденции

По ночам Лешек Клос слышит рев автомобильных моторов; гонки по трассе, ведущей на Стараховице или пируэты на площади 11 ноября — это развлекаются богатые юнцы. Откуда у них автомашины? Клос пожимает плечами:

— От родителей получили.

Януш Шмит однажды в своем классе задал вопрос:

— Вы побывали в Кракове, кто из вас посетил Вавель?

Поднялось несколько рук.

— А кто был в аквапарке? Лес рук.

Трое гимназистов в конце учебного года получили выговор за то, что разместили в интернете тексты с ненормативной лексикой. Когда они вышли на середину спортивного зала, молодежь приветствовала их аплодисментами.

— Значит, это герои? — задается вопросом Кшиштоф Козера, директор Дома культуры. — Пройдохи завоевывают признание у молодых людей, а вот хорошо себя вести — это стыдно.

Говорит психолог Людмила Марошинская (по роду своей профессии она имеет дело со всеми возрастными группами жителей Илжи):

— У детей нет примеров. Они творят, что хотят, и не считаются с нормами. Я наблюдаю у них погоню не за знаниями и получением образования, а за легкими деньгами. Родители или заработались, или сидят без работы, потеряв вкус к жизни, и свое разочарование переносят на детей. Мы организуем групповые встречи, но это экстренные меры. Моя роль заключается в том, чтобы поставить диагноз и определить, где выход, а не воспитывать. А дети с точки зрения воспитания оказываются в вакууме, ибо эту функцию теперь не выполняют ни родители, ни школа, ни Церковь.

Интеллигент не исчез

Чем была учеба на географическом факультете в Люблине для парня из села Баршево под Белостоком в первой половине 80-х? Цезарий Зем-

бицкий, ныне директор общеобразовательного лицея в Илже, говорит, что благодаря учебе в вузе у него открылись глаза. Подпольная литература, забастовки, песня «Автобиография», идею которой — призыв не изменять себе и искать смысл жизни — он воспринимал серьезно.

Его дедушка был еврей, бабушка — православная. В деревне жили пять православных семей. Спустя много лет он понял, что в его жизни не менее важным, чем Люблин, был опыт, полученный им в той белорусско-литовско-польской культурной среде, в которой он рос. Там он научился понимать, что никому ничего навязывать не следует.

Недавно его лицей получил грамоту «Газеты выборчей» на звание «Классная школа». Зембицкий работает также консультантом в Центре повышения квалификации учителей в Радоме. Он рассказывает:

— В конце 90-х в школах внедрялось понятие качества, взятое из сферы промышленности и перенесенное на сферу образования. Качество — это то, что удовлетворяет клиента. На курсах подготовки используется термин «клиент» по отношению к ученику: ребенок — клиент школы, а образование — обычная услуга... Работа в школе должна быть измеряема. Воспитательная миссия школы остается лишь на бумаге. Мы стали следовать плохим образцам. Я за то, чтобы моя работа была измерена, но ведь атмосферу в школе никак не измеришь!

Он считает, что человека можно воспитать главным образом благодаря личному примеру.

— Надо последовательно отстаивать позиции честности, и они будут встречаться все чаще, я в это верю! — говорит он убежденно. — Таким же образом я понимаю миссию интеллигента: быть порядочным, служить добрым примером и выходить за рамки своей узкой профессиональной сферы. Интеллигент не исчез, но, вытесненный со своих прежних позиций, окопался, — считает Зембицкий. — Ему по-прежнему есть до всего дело... Можно мало зарабатывать и при этом быть человеком честным и счастливым, жить интересной жизнью, иметь независи-

мые убеждения. Нищетой нельзя оправдывать собственную пассивность в области образования, культуры, чтения! Иногда я беседую с учениками о том, что в жизни важно. Когда я говорю им: «Важно то, что ты смог от себя передать другому человеку», обычно наступает тишина... Я ощущаю, насколько их поколение другое. Они жи-

вут с большей скоростью и гораздо поверхностней, чем мы в нашей молодости. В их хип-хопе нет той глубины, которую мы находили в «Автобиографии». Обычно они развлекаются в «Тропикане» — бутылка пива и девчонка в охапке... Я туда не хожу. Если б я туда пошел, мне пришлось бы продемонстрировать свой протест против нынешнего стиля, пе-

ред которым пасуют даже некоторые из учителей и нувориши-родители. Но я не нахожу в себе такой смелости... Они — как инертная масса, которую формируют реклама, рынок, тенденции. Но если они увидели в чем-то смысл и это совпало с их интересами, тогда они способны на бескорыстный труд. У нас в школе работает группа волонтеров. Недавно они организовали елку для детей-инвалидов... Жаль только, что мы их готовим на экспорт — лучшие из них сюда не вернутся.

Я бы совсем опустился

В баре «Кебаб» на садовых стульчиках сидят за кружкой пива приятели: Р., профессиональный пожарный, и Гойко, строительный рабочий без образования. Обоим за тридцать.

Гойко олицетворяет собой осуществленную мечту об успехе. На улице стоит его «Ауди-100» с правым рулем, вот

уже три года он работает в Лондоне. Был рабочим на стройке, теперь у него самого фирма. Одет довольно скромно, особого значения одежды он не придает. У него есть желание — посмотреть мир.

— Если бы я здесь остался, то опустился бы окончательно, — признается Гойко. — До отъезда я полгода обращался за работой к каждому предпринимателю. Работы не было, ведь я не знакомый знакомого... Мы с приятелем собирали пустые бутылки, чтобы купить одно пиво на двоих.

Этот опыт был нужен, он научил меня с уважением относиться к деньгам. Я приезжаю сюда и наблюдаю погоню за «бабками». Нувориши еще недавно хвастались своими автомашинами, но теперь, как я заметил, это уже плохой тон. Теперь они говорят: «Лечу в Тунис»... Они элита города.

К нему подходят знакомые, спрашивают:

— Ну, и как там? Чего ты достиг?

Некоторые просят найти для них работу в Англии.

Никто тебе не диктует, какие стихи читать

— Пилсудский для меня — пример, он жил и трудился на благо отчизны, — говорит историк Януш Шмит. — На уроках я стараюсь рассказывать о тех людях, которые служат символом рыцарства: о Стефане Гроте-Ровецком и других командирах Армии Крайовой, а еще о современных спортсменах. Моего прадеда после восстания 1863 г. сослали в Сибирь; оба моих деда в 1920 году сражались вместе с Пилсудским; мои родные участвовали в операциях АК. Я представляю собой тип романтика-повстанца. Я говорю, обращаясь к ученикам: «Наконец-то никто тебе не диктует, какие стихи читать... Все дело в том, чтобы не стыдятся смотреть на себя в зеркало».

И еще я считаю, что своей порядочностью человек служит Польше. Не знаю, доходит до них это или нет.

Ежегодно Шмит организует для школьников экскурсию к тем местам на территории гмины, которые имеют важное значение в истории региона. Ракослав — здесь Пулавский легион одержал победу в битве с немцами в мае 1915 года. Едзянка — здесь поставлен памятник Сенеку, который распространял подпольную прессу во время последней войны; немцы держали его в камере в здании жандармерии в Илже, он написал кровью на стене: «Лучше смерть, чем позорный провал», — и повесился на рубашке. Посещают ученики и памятники, посвященные восстанию 1863 года.

Лешек Клос писал свою магистерскую работу о Юзефе Чапском, художнике и писателе, заключенном лагеря в Старобельске, одном из редакторов «Культуры» Гедройца.

— Такой человек для меня в какой-то мере святой, — признается он. — Стремясь к истине, он прошел всю жизнь, не изменяя своим идеалам, оставаясь верным себе и своему искусству. Если нет чувства прекрасного, если не признаешь мо-

ральных принципов, тогда что? Тогда конец. Я занимаюсь искусством и поэтому считаю себя интеллигентом, хотя бываю жесток, не признавая мышления схемами. Иногда, продавая свои картины, я сталкиваюсь с нуворишами, которые начинают копаться в моих полотнах, словно носки выбирают. Это меня просто убивает.

За диваном (чтобы маленькая дочка не попортила) стоят плотно прижатые друг к другу полотна с морскими пейзажами в интенсивно-голубом цвете. Восемь его картин выставлены на коллективной выставке в музее города Радома.

— Мы, молодежь, хотим создавать альтернативную культуру, но чувствуем, что нас вытесняют консерваторы, — говорит Клос. — В Доме культуры царит консерватизм и по форме, и по содержанию, например, применяется цензура в отношении тяжелого рока.

В течение трех лет Клос организует мероприятие «Рок в замке». Его безработный приятель пишет тексты песен.

— По каждому вопросу мне приходится преодолевать сопротивление чиновников, там какая-то инструкция, тут параграф, я уже устал, — рассказывает он. —

Не знаю, возьмусь ли в этом году за организацию этого мероприятия. Может быть, теперь семьей займусь.

И что ты с этого имеешь?

Директор Дома культуры Кшиштоф Козера объясняет, что работа его учреждения должна быть адресована всем возрастным группам, в том числе и сельским жителям Илжинского района.

Козера научился находить деньги из неправительственных источников на осуществление всевозможных проектов. Один из таких проектов — клуб для детей и юношества «Волонтеры».

— Мы создали здесь школьникам такие условия, чтобы они могли готовиться к урокам. Привлекли на помощь 30 учителей, которые в рамках повышения квалификации пожелали сотрудничать с учреждениями самоуправления. Я выдавал им справки о том, что они с нами сотрудничали, окружной отдел образования эти справки принимал. Но, получив повышение, после каникул они уже ко мне не приходили. Значит, получается, что они работали не столько ради этой молодежи, сколько ради получения нужной справки...

Малгожата Косель, молодая сотрудница публичной библиотеки, заметила, что учителя очень мало читают. Вот что она рассказала:

— Они берут книги по психологии и педагогике, когда надо повышать квалификацию. Когда их повысят по службе, они исчезают, хотя мы следим за новинками и сразу стараемся их приобрести. Люди с высшим образованием теперь уже не считаются элитой — к элите причисляют сами себя те, у кого есть деньги. Этика интеллигента-общественника больше не существует. Если кто-нибудь делает что-то бескорыстно, тут же возникает вопрос: «И что ты с этого имеешь?». Меня спрашивали, что я имею за то, что прихожу в детский сад, чтобы вслух почитать детям книги, за то, что организую марафоны по чтению. Я отвечаю, что получаю удовольствие. Хотя я не считаю, что на мне лежат какие-то особые обязанности перед местной общественностью. Просто я делаю то, что мне нравится.

— Тем, кто занимает активную позицию, навешивают ярлыки, — считает Кшиштоф Карпинский, химик, окончивший Вроцлавский политехнический. — Есть, скажем, одно направление, это официальное, и есть другое — это люди вроде Лешека Клоса, которые идут против течения, потому что им хочется, например, организовать какой-то другой ансамбль. Вокруг них возникают завихрения, они, как бы это сказать, вроде прыща на интересном месте, поэтому и относятся к ним как к смутьянам.

Превратить Илжу в маленький Динан

В 1991 г. в Илжу вернулся Томаш Зволинский. Он родился в 1950 г., выпускник Краковской горно-металлургической академии. Какое-то время он жил в Варшаве, работал в мастерской, занимавшейся литьем бижутерии.

В Илже он открыл литейную мастерскую, изготавливал украшения, позолоченные столы под старину, разные безделушки. У него работали 14 человек. Хотел открыть класс для специалистов по

обработке металлов. Мечтал превратить Илжу в маленький Динан, чтобы она тоже прославилась — как город в Бельгии — своими прекрасными изделиями из металла. Но продвинуть свои изделия на западный рынок он не смог. Заказов поступало все меньше. В результате мастерская перешла на производство крупных элементов, теперь у него занято всего три человека. Его мастерская принимала участие в создании нескольких памятников в Варшаве.

— Несмотря на свое поражение, я считаю, что в Илже все налаживается, — говорит он. — Я вижу все больше красивых домов, люди ухаживают за своими садиками... Люди из «низов» подтянулись — и в интеллектуальном смысле тоже. Сегодня слой интеллигенции в Польше это очень узкая

группа тех, кто занимается творчеством: поэты, литераторы, художники — высшая интеллектуальная элита страны. Они по-прежнему служат нам маяками. Далее идет уже более широкая средняя прослойка. По мере удовлетворения материальных потребностей и у этой группы повысятся духовные запросы.

Хочу вернуться

Две дочери бургомистра окончили учебу в вузах Варшавы и остались в столице.

Сын Кшиштофа Козеры изучает медицину в Варшаве. Хочет работать на селе.

Дочь Людмилы Марошинской учится на юридическом в Люблине. Скорее всего, она не вернется в Илжу.

— Я бы не хотела, чтобы она возвращалась, пусть бежит отсюда, — говорит психолог.

Анна, дочь Кшиштофа Карпинского, завершает учебу во Вроцлавском политехническом по специальности «охрана окружающей среды».

— Сначала я планировала остаться в большом городе. А теперь вот хочу вернуться сюда и заняться охраной местных лесных массивов и озера, — говорит она. — Работы здесь хватит. Во Вроцлаве я знаю четырех человек из Илжи, которые собираются, окончив учебу, осесть здесь. Может быть, так возникает тенденция?

Ян Станиславский

МОИ РУССКИЕ или Два метафизических вопроса

Меня зовут Ян Тадеуш Станиславский. У меня два метафизических вопроса. Первый: почему великий реформатор русского и мирового театра Константин Сергеевич Алексеев взял себе псевдонимом мою фамилию?.. У него на выбор были тысячи, мог назвать себя Пушкиным, Мицкевичем — а он никак, Станиславский и Станиславский...

Второй вопрос задам позже, а о первом что ни думай, фактом остается, что впервые в Москве (1975 год) я оказался «по театральному делу»! Директор варшавского «Театра повзехного» [всеобщего] Зигмунт Хюбнер решил в рамках декады советской культуры сыграть вечер поэзии Евгения Евтушенко и поручил мне найти автора в Москве и договориться «о принципах».

Три дня ходил я на Котельническую набережную, звонил, пока наконец мы не встретились в гостинице «Россия». Быстро хлебнули шампанского на брудершафт и перешли к репертуару, т.е. к тем самым «принципам», ибо не все, что шло в Москве, могло пойти в Варшаве. Однажды я в этом уже убедился в Ленинграде, где нас, делегацию польских актеров, милейшая Цецилия Семеновна Андреева послала на сказку «Садко» в Ленинградский театр кукол. Мы были почти возмущены, но она смеялась: «Идите, идите, вам наверняка понравится!» Понравилось — это мало сказать. И дело было не в том, что у кукол все двигалось: глаза, рот, уши, — а в том, что такой ядовитой политической сатиры мы в Польше видом не видали! В антракте мы помчались к директорше с поздравлениями, а она говорит, что через месяц они должны быть в Варшаве! И мы с энтузиазмом говорим, что нагоним ей в зал самую лучшую публику, а директорша улыбнулась и говорит: «Но сказу «Садко» мы играть не будем?» — «Почему?» — А она еще шире улыбается: «Потому что был польский консул и сказал, что в Польше этого... не поймут».

У палки, разумеется, было два конца. Вот приезжает Женя в Варшаву. Мы играли в первой части его стихи по-польски, слегка отрежиссированные, а во второй части он сам выступал. Принимали его очень хорошо, можно сказать восторженно, но... последние ряды в зрительном зале были пустые! Он этого понять не мог. У себя он был приучен к прямо-таки поэтическим митингам на стадионах — а здесь... Получилось же так, потому что цензура, боясь каких-нибудь демонстраций, велела развешивать плакаты на окраинах. «Я этого не понимаю, не понимаю...»* — драматически говорил Женька в буфете, тем более что Хюбнер принес следующую «сенсацию»: на спектакль не разрешено писать рецензий!.. Наконец, когда Женя воскликнул еще несколько раз, что ничего не понимает, Хюбнер двинул плечом (что означало у него сильное волнение) и сказал: «Женька, я тебе все объясню... Знаешь, почему ты не можешь понять?.. Дело в том, что вы, русские, никогда не поймете, потому что у вас, русских, нет такого большого друга, как... Советский Союз...»

А Женька слушал его, слушал, очень внимательно, потом глаза у него стали расширяться, да и рот... и вдруг он расхохотался, крича сквозь смех: «Понял! Я уже все понял!!!»

А ведь еще в Москве, сразу после встречи, после установления «принципов», он сам мне объяснял: «Ян, тут никто не знает, что такое демократия. Тут никогда демократии не было! На тысячу лет истории России только восемь месяцев не было цензуры!!! Керенский отменил, Ленин дал Горькому деньги на газету «Новая жизнь». Горький написал, что Ленин — троглодит, потому что ставит эксперименты на нарде, и Ленин газету закрыл — слава Богу, Горького не посадил — и ввел цензуру!»

Несколько ночей Женька ночевал у меня. То есть больше говорил, чем ночевал. Моя мама готовила ему супчики (он их обожал!), он эти супчики ел и говорил, говорил, говорил... О русской богеме до революции, во время революции и после... Замечательно рассказывал!

* Курсивом здесь и далее — по-русски в тексте. — Пер.

Перед самым отъездом забежал ко мне: секретарь посольства устраивает прием в его честь, он может привести кого хочет, берет только меня. По дороге, в такси, Женя говорит: «Знаешь что, возьми лучше этого Солженицына по-русски к себе в сумку». — «Хорошо, — отвечаю, — а ты лучше не говори, что я выступаю в кабаре «Под Эгидой»».

Приезжаем, секретарь словоохотливо нас приветствует и прямо в самом начале говорит: «Здравствуйте, пан Станиславский! А мы вчера были в кабаре «Под Эгидой» — замечательная программа! Только зачем Пшоняк выступает в советской папаше?!» На этом-то приеме Женя решил пригласить меня в Россию. На полотняной салфетке, к великому наслаждению секретаря, написал приглашение. И через полгода на салфеточное приглашение секретарь дал мне визу на весь СССР. «Даю тебе, — сказал он, — даже на «закрытые» города, но, честно говоря, лучше тебе туда не ездить».

Сначала мы поехали к дяде Леньке в Иркутск. В прихожей стоял телетайп (Леня — корреспондент «Известий»), выхожу на балкон и... чуть не умираю от разрыва сердца. Потому что открыл двери — и полетел в пропасть!!! Пропасть глубиной... двадцать сантиметров, но откуда мне было знать, что в Иркутске балконы строят ниже уровня пола, чтобы тающий снег не натекал в квартиру?!

Плывем по Байкалу в заповедник, где рыщет медведь. С нами плывет Эрик, в прошлом охотник, ныне начальник охраны медведей по всем Саянам. Прежде чем доплываем — новое сообщение: медведей — четыре! Медведи полюбили сгущенку. Случается, геолог спит, а тут мишка вытаскивает его с матрасом под стенку палатки, ищет молочка. Рассказывают и разное другое. Однажды баба что-то готовила, слышит за спиной: муж вошел, дверь не запер. «Запри, сквозняк!» — заорала баба. Муж не послушался, она в ярости обернулась, а это медведь, стоит в открытой двери и кивает головой. Баба отчаянно замахала руками и жалобно закричала: «Уйди, уйди!» И медведь повернулся кругом и вышел, да только дверь за собой не запер. Хам!

Такие-то истории о медведях рассказывал мне Эрик, тощенький, худенький. Подплываем к берегу — четыре медведя превращаются в одного маленького мишку, который рыщет в поисках сгущенки. Эрик пускается в погоню. «Без оружия?» — тревожится Женя. Эрик объясняет: «Он маленький, меня ему хватит, а вы останетесь...»

Говорят, что если хорошо наточенный карандаш вбить в Байкал на глобусе, то с другой стороны он выйдет в Африке из озера Танганьика! Я еще не пробовал...

*

Позвонил Виктор Ворошильский, что приезжает Булат Окуджава и чтобы я принес свою гитару. Мою гитару... Треснутую дешевку за 500 злотых?.. Не бывать такому. Попросил у Славы Пшибыльской — она, разумеется, не отказала, и я принес еще и ее гитару, испанское чудо за двадцать тысяч! Булат взял ее в руки как реликвию, начал перестраивать на русский лад... И вдруг отложил: «Слишком для меня элегантная». И играл на моей!... А когда кончил, написал на гитаре: «Яну, с благодарностью, Булат».

От Ворошильских мы пошли в клуб... потом еще куда-то. Утром приземлились в молочном баре на Новом Свете, визави ЦК партии. Слегка позавтракали и спокойненько поехали на Польское радио, где ждала Агнешка Осецкая. Она закрыла Булата с гитарой и микрофоном в студии и велела играть и петь всё. Так возникла едва ли не первая в мире пластинка Булата Окуджавы. А моя гитарка рассохлась, разлетелась, оставалась только дощечка с автографом, да и та куда-то запропастилась.

...В конце — второй метафизический вопрос. Если вам кто-то станет говорить, что поляки не любят русских, сделайте так: поглядите в потолок, поглядите на стенку, поглядите в пол... И внезапно спросите:

— Ну ладно, только почему поляк, как нахлещется, поет «Очи черные», «Две гитары за стеной», «Волга, Волга, мать родная» и все такое прочее?

Спокойной ночи, а то перед сном уже не увидимся!

Ян Тадеуш Станиславский, родился в 1936 г. на Волыни. Актер, сатирик. Известен по радио- и телепередачам. Выступал в лучших политических кабаре, таких, как «Стодола», СТС (Студенческий театр сатириков), «Под Эгидой». Автор многих сатирических текстов, а также популярных песен, вошедших в репертуар Ежи Ломоцкого, Халины Куницкой, Ирены Сантор и других.

Ярослав Ивашкевич

Перевод Натальи Горбаневской

ПАМЯТИ ЭРЕНБУРГА

*И только ты, большое дерево,
Осталось на своем посту —
Солдат, которому доверили
Прикрыть собою высоту.*

Это строфа из прекрасного стихотворения Ильи Эренбурга «Дерево» из сборника под тем же названием. Эренбург — что некоторым может показаться странным — считал себя прежде всего поэтом, и узнал я его впервые как поэта. Первые мои воспоминания об Эренбурге связаны как раз с его сборниками стихотворений и его стихами, которые мне в молодости очень нравились. Первая книга Эренбурга, которая попала мне в руки — и сохранилась в моей библиотеке по сей день, — маленький сборник стихов «Опустошающая любовь»*.

Сейчас я не могу припомнить, откуда взялась у меня эта книжка. Я не знал тогда Эренбурга — да и на первой странице виднеется надпись автора: «Дорогому Роговскому», после чего приведен фрагмент одного из содержащихся в сборнике стихотворений:

*Ты стой и мерь, глухие смеси
Учи неистовству, пока
Не обозначит равновесья
Твоя державная рука.*

И.Э.
1922

Все это сплошная загадка. Какой это Роговский? Поэт Стась Роговский, погибший в Освенциме, в 1922 г. был еще ребенком — другого Роговского в варшавских литературных кругах я не знал. Само издательство «Огоньки» находилось не знаю где. Характерно, что сборник отпечатан по старой орфографии с ятями и твердыми знаками, но цитата в автографе приведена уже по новой орфографии, без этих двух чудных

* Это заглавие, как и следующие далее цитаты из стихов, а также надпись на книге приведены в тексте воспоминаний по-русски. — Пер.

трудностей русской орфографии, которые стоили столько труда и слез учащимся детям.

Хватит, пожалуй, приведенной строфы, чтобы определить, каковы были все стихи в этом сборнике. Сама лексика, стихосложение, чарующая красота метафор — все это связывает их с эпохой Блока и акмеистов и даже с несколько более ранним временем, временем Бальмонта и Брюсова. От всех этих поэтов его, может быть, несколько отличал тон сдерживаемой истерики, определенный «надрыв», который свидетельствует о том, как тяжело переживал Эренбург эти пореволюционные годы.

Однако я нашел в этом сборнике невероятно характерную строфу, которую, пожалуй, можно считать жизненной программой Эренбурга, исполнившейся в его долгой и полной кропотливого труда жизни.

*Запомни только — сын Давидов —
Филистимлян я не прощу,
Скорей свои цимбалы выдам,
Но не разящую пращу.*

Здесь похоже, заключена тайна, а может, и трагедия Эренбурга. Ибо, считая себя поэтом, он променял — видя в этом свой гражданский долг — свои золотистые «цимбалы» на пращу, которой разил филистимлян: как врагов своей родины, так и внутренних, — что шло у него с немалым трудом и огромным самоотречением.

Может быть, именно этим преклонением перед чистой поэзией можно объяснить удивительное и трогательное отношение Эренбурга к такому поэту *par excellence*, каким был Юлиан Тувим.

Мои воспоминания об Эренбурге довольно существенным образом связаны с воспоминаниями о Тувиме. Прежде всего Тувим представил меня Эренбургу. Это произошло на фоне цветочных лотков, расставленных вблизи церкви св. Марии-Магдалины в Париже. Мы шли ранним утром — наверное, в какое-нибудь кафе, а может, в редакцию «Нувель литерер», — начинался прекрасный июньский день. Вдруг Тувим сказал мне: «Гляди, вот идет Илья Эрен-

бург». Нас подводят наши воспоминания: до сих пор я вижу Эренбурга перед церковью Мадлен — он приближается к нам, а на голове у него модная тогда шляпа-канотье, введенная Морисом Шевалье. Однажды я сказал это Эренбургу, а он ответил, что у него никогда в жизни не было такой шляпы!

Во всяком случае мы познакомились тогда. Это был 1925 год. Два года спустя Эренбург был в Варшаве. Воспоминания об этом мы печатали здесь, на страницах «Твурчости». С того времени у меня осталась изданная по-польски книга «Шесть повестей о легких смертях» с надписью: «Поэту Ярославу Ивашкевичу — Илья Эренбург, 11/12 1927».

Варшава той эпохи совершенно по-другому выглядит в воспоминаниях Эренбурга, нежели я ее тогда видел. Факт этот, впрочем, легко объяснить. На то время приходится и глубокая дружба, возникшая между Эренбургом и Тувимом. Думаю, что возникновению этой дружбы содействовал восторг, с каким относился Эренбург к поэзии нашего поэта, а также необычайная индивидуальность Тувима, способная каждого очаровать. Однако это была эпоха, когда Тувим слишком часто прятал свою «пращу» в ножны, а свои золотые цимбалы ставил не только на службу чистой поэзии, но и на службу «Qui Pro Quo». Тогда он, наверно, благодарил Господа Бога за то, что Он дал ему много денег! Кроме того через год после майского переворота [1926] его связывали с пилсудчиками очень хорошие отношения — и не думаю, чтобы филеры в самом деле так сильно докучали на улицах как Тувиму, так и его другу.

О том, что эта дружба играла в жизни Эренбурга весьма значительную роль, свидетельствует следующий факт. Среди многих моих встреч с Эренбургом на разных конгрессах мира и «круглых столах» была одна такая встреча в Хельсинки, где мы встретились на довольно официальном приеме в польском посольстве в этом городе. Это было через несколько лет после смерти Тувима. Сидя за столом в довольно большой компании, мы начали говорить о покойном поэте. Эренбург не мог совладать со своим волнением и по мере того, как говорил о Тувиме — поэте и человеке, волновался все больше, и наконец слезы покатались у него по щекам.

Меня лично с Эренбургом не связывала близкая дружба. Но мы так часто встречались начиная с Вроцлавского конгресса деятелей культуры в защиту мира в 1948 г., что, конечно, как будто привыкли друг к другу и время от времени садились побол-

тать. Получал я и книги от него. Например, на экземпляре «Оттепели» в моей библиотеке есть авторская надпись с датой «Стокгольм, 1954». Мне не приходится уверять, какое впечатление произвела на меня эта книга. Я читал ее в самолете между Стокгольмом и Варшавой. Это чувство *per si tuove* можно сравнить лишь с тем впечатлением, какое произвел на меня год спустя рассказ Марии Домбrowsкой «В деревне свадьба». Мои стокгольмские разговоры с Эренбургом тоже носили знаменательный характер (помню, он пригласил меня выпить кофе).

Он читал также мой «Конгресс во Флоренции» (по-немецки) и первым сравнил этот рассказ с «Вешними водами» Тургенева. В моем рассказе, несомненно, много общего с этой прекрасной новеллой. Я сразу согласился с ним, приведя выражение *toutes proportions gardées*, которое использовал французский критик Эдмон Жалу, тоже говоря о моих новеллах и сравнивая их с Тургеневым.

Я никогда не был у Эренбурга в его московской квартире, так что не видел его замечательного собрания изобразительного искусства. Зато недавно провел очаровательный вечер у него на даче, куда надо было ехать далеко и долго, за Ново-Иерусалимский монастырь. Мы вышли с Эренбургом в его садик, где несмотря на февраль, московский февраль, уже начинали цвести подснежники. Эренбург был особенным любителем подснежников и анемонов, разнообразные сорта которых привозил с разных концов мира. Любимым его занятием было копаться в садике, который, говорят, цвет круглый год. Когда он побывал у меня в Стависко, то сразу сказал: «Все хорошо, но слишком мало цветов». Действительно в Стависко теперь цветов почти нет.

Мой ужин на даче у Эренбурга был очаровательным. Простую и вкусную еду подавали две его сестры, высокие, седые старые девы, совершенно из эпохи 1900 года. Эренбург, столько лет живший во Франции, предпочитал все французское. Он всегда курил сигареты «Голуаз», присылаемые ему друзьями. Очень любил он и французские вина. Угощал меня какой-то знаменитой бутылкой, и, когда предложил мне второй бокал, я сказал: «О, пожалуйста, это бордо замечательно». А это было бургундское! Мое примитивное незнание сортов вина подействовало на Эренбурга гнетуще. Думаю, он потерял всякое уважение к моей культуре.

Но мои разговоры с Эренбургом не всегда носили случайный или компанейский характер.

Помню, когда-то в Варшаве проходил один из «круглых столов», посвященных защите мира. Эренбург показался мне усталым и скучающим. Я предложил ему поехать со мной на всю вторую половину летнего дня ко мне, в Стависко. Он охотно согласился и при этом случае повторил то, что когда-то сказал мне в Берлине во время такого же скучного собрания: «Это наши хождения по мукам». Я успел уведомить только двух коллег, и мы все вместе поехали в Стависко. Эренбург уже обедал, но я ничего не ел, поэтому мы сели за большой стол столовой, и Эренбург начал свой большой монолог. Эренбург вообще не был собеседником — он был монологистом.

На этот раз монолог продолжался три часа без перерыва. Он рассказывал всё: свое возвращение из Парижа в Москву, единственный свой телефонный разговор со Сталиным (лично Сталина он никогда не встречал), весь ужас трудной эпохи, которую ему пришлось пережить, обо всем, что было страхом и унижением. Я более или менее записал содержание этого монолога, но что это значит! О, если б у меня под столом был магнитофон! Он говорил о деле Маяковского, об Ахматовой, о Марине Цветаевой и деталях ее самоубийства, о Мейерхольде и Мандельштаме. Любопытен был его несколько иронический тон в отношении к Пастернаку — Эренбург скорее рассказывал о нем анекдотические истории, в которых нет недостатка на тему этого удивительного человека.

Все это произвело на всех нас троих огромное впечатление. Дело было 6 июля 1959 года. На следующий день я позвонил двум моим друзьям. Оба по горячим следам записали рассказ Эренбурга, когда-нибудь мы его наверняка прочтем.

Другой раз Эренбург вместе с женой приехал к нам — ко мне и моей жене — на ужин. Был темный вечер поздней осени, их «европейский» самолет опоздал, и им надо было ждать полета в Москву до следующего утра. Они просидели целый вечер у нас. Тогда я познакомился с Любовью Эренбург (это было еще до того, как я побывал у них на даче). Она оказалась необычайно милым и культурным человеком. Она всегда как бы отодвигалась в тень своего великого мужа. Только теперь, в этом интимном разговоре вчетвером, оказалось, что оба они киевляне, и мы обнаружили множество общих знакомых времён нашей молодости.

В Киеве моим товарищем по гимназии был сын киевского раввина доктора Гуревича. С ним (его звали Гриша, и он был пианистом) и его братом, по-

этом Володей, у меня были очень хорошие отношения. Я провел у Гуревичей вечер (там собралось много народу) того дня, когда был вынесен оправдательный приговор по делу Бейлиса, обвиненного в ритуальном убийстве. В этом доме это был великий праздник. Когда я рассказал про это, Люба сказала: «А раввин Гуревич нас венчал!»

Вся деятельность Эренбурга была связана с Москвой (и Парижем), и он никогда не говорил о своих украинских истоках. Только тогда пришли те воспоминания, которые так трудно отыскать в литературной деятельности Эренбурга.

Но теперь я без удивления прочитал слова Микола Бажана в «Литературной газете», который, считая Эренбурга прежде всего поэтом, пишет:

«Разумеется, его вдохновляли великие произведения французской культуры, но в ритмах его поэзии и прозы трудно не уловить капризные линии украинской песни, слышанной еще в детстве, печально-хитрых интонаций Шолом-Алейхема и патетических взлетов Мицкевича» [цитата приводится в обороте перевода с польского].

Действительно, способность Эренбурга впитывать культуры была огромной. А сила убеждения его — очень большой. Он знал, какова задача писателя в наше время. Поэтому на всех международных встречах всегда с наибольшим любопытством ждали его выступлений, его инициатив в комиссиях, силы его формулировок. Один только раз в жизни я провел несколько ночных часов с ним и Изабеллой Блюм, составляя какую-то очень важную резолюцию, — и тогда понял необыкновенную точность и вместе с тем осторожность его мышления.

Поэтому он обладал большим авторитетом. Как прекрасно умел он обращаться к людям, как умел находить аргументы, как остроумно парировал удары. В защиту человечности. И, может, тогда не жалел, что утратил свои золотые цимбалы, и с удовольствием наблюдал удары своих пращей. Сказал же он в одном стихотворении:

А небо черно.

*И если себя пережить не дано,
То ты на минуту чужие пути,
Как эта ракета, собой освети!*

Это воистину был человек, который освещал путь другим.

«Twórczość», 1967, nr.11

Владислав
Броневский

Перевод
Андрея Базилевского

ЗНАЮ, ПУШКИН СТРАДАЛ ОТ ЦАРЯ

Знаю, Пушкин страдал от царя.
Да что там. Знаю давно:
Слова его, как алмазы, горят
каждым каратом. Но

всё-таки он в тех антишамбрах *
съёживался чуть-чуть,
когда вокруг сшивалась шантра
-па. Кто? Не в этом суть.

Обнявшись, будь я на сто лет моложе,
я бы плакал с ним от тоски.
Факт: я хандрю и мучаюсь тоже —
от Вислы и до Оки.

Поляк и русский, мы оба люди,
но одного не осилю:
это было и это будет —
«Клеветникам России».

* От фр. antichambre — прихожая.

Ольга Токарчук

Перевод
Марины Курганской

ЧЕ ГЕВАРА

Тогда мы жили в нескончаемых потемках. Разве так бывает? Дневной свет едва забрезжит, и вот его уже нет, да и был он какой-то шершавый, как домотканое белье, как накрахмаленная простыня в общежитской постели, как свитер, что я вязала всю осень из синтетической ковровой пряжи. Солнце — огромная, тусклая лампочка в 60 ватт. Выйдешь из универа, а уже темно, и с каждой минутой все темнее. Тусклый свет пустых витрин желтыми пятнами лежит на мокрых тротуарах перед магазинами. Полумрак в трамваях, полумрак за задернутыми шторами в окнах квартир на улице Новотко. Начало декабря. Варшава.

Я все время мерзла. На остановках мечтала о пуховике, но он был из другой жизни. Из сфер, недоступных воображению, — из космоса, из-за границы. В университетской столовке, которую окрестили «Таракан», я брала полпорции овощей и блинчик. Потом не могла прийти в себя от передания. Может, кутнуть и купить пончик? Вот буду работать, мечтала я, стану взрослой самостоятельной женщиной и куплю себе целый поднос пончиков — на Мархлевского, там они самые вкусные. А потом съем их, все до единого, — спокойно и методично, начиная с верхнего.

На очередном общем собрании в актовом зале было решено выдать пропуска тем, кто участвует в благотворительной работе, поэтому у меня появилась возможность выходить на улицу — привилегия по сравнению с другими бастующими. Гордо собрав свои вещи со стола — мы спали на столах, — я шла вниз, дежурный проверял, есть ли моя фамилия в списке, и открывал ключом дверь. Я останавливалась на морозном воздухе, среди внезапно наступившей тишины, в неверном свете, оберегающем тайны факультетского парка. Исчезал галдеж, монотонный стук пинг-понговых шариков по пластиковой поверхности столов, глухое брнчание гитар откуда-то из-за стены. Исчезал сухой комок пыльного воздуха, который у всех у нас стоял в горле. Я вдыхала мороз. Мои подопечные были моим спасением; они давали свободу. Издалека, с Праги, посылали мне отпущение грехов, и оно как благая весть летело

над городом через Вислу и опускалось на Ставках*, прямо у меня над головой. Отблеск Духа Святого. Я чувствовала свою избранность.

Мне нужно было на остановку 111-го автобуса, но уже у памятника я коченела от мороза, зато потом, в автобусе, устраивалась как дома — ставила ноги на перекладину под сиденьем, подтыкала полы пальто так, чтобы нигде не оставалось ни шелки, поднимала воротник и в тепле собственного дыхания, со всеми удобствами, летела через город, словно зрачок, чистая темная зеница.

Красные буквы транспарантов оповещали о забастовке в университете, как только автобус, миновав Театральную площадь, выезжал на Краковское Предместье. Транспаранты были протянуты через все здание философского факультета, висели на университетских воротах. Оживление, возбуждение, странная эйфория, темные фигуры сбившихся в кучки людей, лотки с самиздатом и у входа на философский неизменные два студента с коробкой, куда прохожие бросали сигареты — редко целую пачку, чаще по несколько штук. Мы там, на Ставках, от этого воодушевления, шума, света и тепла были отрезаны. Безвылазно сидели, гнили в своем мрачном здании. Наша забастовка существовала на отшибе. Не помогал и Боб Марли, которого крутили без остановки, на манер революционной шарманки или молитвенной мельницы. А история вершилась здесь, на Краковском Предместье.

Из окон автобуса я наблюдала за дневной суетой на улице Новый Свет: у каждого отыщется какое-нибудь дело, найдется что посмотреть, — стадный инстинкт в переломные моменты истории обостряется. Я выходила на Новом Свете или ехала дальше, на Саскую Кемпу, через темную равнодушную Вислу. Там город затихал, снег скрипел решительнее, как в деревне. Улица принимала тебя в объятия, словно заботливая нянька.

*Ставки — улица в Варшаве, где расположен факультет психологии Варшавского университета. Большая часть факультетов находится на улице Краковское Предместье. — *Здесь и далее прим. переводчика.*

За мною числилось трое взрослых людей. Наш шеф, М., величал их «клиентами». Я тоже говорила «клиенты». Назвать их «пациентами» было бы предательством, это означало бы, что мы находимся по другую сторону, там, где конформизм и лицемерие, — что мы заодно с системой. М. именовал их также «сумасшедшими» и «психами» — по-простецки, по-свойски, мне так нравилось больше всего, эти слова как бы возвращали нас к самым корням, к домотканому суровому полотну, простому черному хлебу; не было в них ни обмана, ни пустого умничанья, всяких там «маниакально-депрессивных психозов», «параноидальных шизофрений» или «borderline»**. Простым словам можно было доверять. Да, люди сходят с ума; так было, есть и будет, говорил М. Почему? Для этого вам читают лекции — там объяснят, виноваты ли гены, воспитание, тонкие механизмы обмена веществ, ферменты, бесы или порча. Люди сходят с ума, это данность. Так было и будет. Всегда существовали нормальные и ненормальные, а между ними — мы, терпеливые помощники.

М. руководил нами из своей квартиры на третьем этаже дома на улице Тамка, но мне редко доводилось его видеть. Я общалась в основном со старшими коллегами, которые должны были опекать нас, молодых волонтеров. Отношения строились по иерархическому принципу, потому что мы были сетевой организацией. Ежедневно после обеда мы разбегались по городу, как члены тайного ордена, как эзотерическая «скорая помощь», как коммивояжеры психического здоровья. Иногда, почувствовав, что теряю голову, я пыталась представить себе, как бы поступил М. на моем месте. Большой, бородатый, в неизменной фланелевой ковбойке, он всегда на своем посту, у подоконника, откуда ему виден весь город. Мысль о нем меня успокаивала. Исходящий от М. посыл был ясен, хотя никогда не произносился вслух, даже когда

мы выпивали у М. дома после собрания: людям приходится страдать, так уж устроен мир. Но иногда страдания бессмысленны, люди становятся жертвами, хотя никто от них этого не требует и никто этого не понимает. Наша задача — просто быть с ними. Мы верим, что это им помогает. Почему — мы не знаем.

У меня было две точки: Саская Кемпа — несколько обсаженных деревьями улиц — и Новый Свет, на пересечении с Иерусалимскими аллеями***, в кафе «Любительское». Здесь, в этой забегаловке, где всегда висел сигаретный дым и зимой было темно даже днем (хотя зимние дни коротки — мелькнут, и нет их), я ждала Че Гевару, куря и попивая чай за столиком в углу. Обычно я садилась у окна, отсюда был виден кусочек улицы и часть магазина «Одежда», в котором всегда было шаром покати. Женщины в бесформенных клетчатых пальто и с авоськами в руках ждали, когда выбросят товар. Мой клиент входил, громко топая, стреляя глазами, в полной

театральной готовности, весь обвешанный котелками и перепоясанный ремнями, как пулеметными лентами, в длинной, до пят, шинели и в каске, под которую он поддевал теплую шерстяную шапку. «Хайль Гитлер!» — кричал он с порога. Или: «Мир, труд, май!» — или еще что-нибудь столь же нелепое, а присутствующие не спеша поворачивали к нему голову и улыбались, не то с издевкой, не то снисходительно, более-менее по-доброму. Иногда кто-нибудь отвечал: «Привет, Че Гевара!» — и в зале опять становилось шумно.

Взяв курс на меня, он по пути еще приставал к двоим-троим посетителям, декламировал им какой-то стишок, потом балагурил с официанткой, пока та наливала ему чай — жидкий, без лимона, зато сладкий, как сироп.

— Ждет меня, — провозглашал он во всеулышание, тыча в меня пальцем.

** Пограничное состояние (англ.).

*** Один из центральных проспектов Варшавы.

Когда он наконец усаживался и снимал каску, обнажая седую, стриженную ежиком голову, у меня мелькала мысль, что вот он и оказался в гардеробе своего театра. Сошел со сцены, выключил свет и вздохнул с облегчением.

— Холодно, — спокойно произносил Че Гевара, грея руки о стакан с чаем.

Он улыбался. Его гладкое, бледное детское лицо никогда не искажалось гримасой.

— Ну как дела? — говорила я, а он отвечал «хорошо» или «плохо», но эти слова вряд ли имели смысл — что значит хорошо-плохо? В его жизни все оценки гуляли сами по себе, по своим собственным дорожкам. Так же бессмысленно было бы уговаривать его принимать лекарства, потому что он не хотел этого делать.

— Я перестаю быть собой, когда глотаю таблетки, — заявлял он.

М. говорил, что безумие — это своеобразная форма приспособления к окружающей действительности. В нем нет ничего плохого. Главное — не допускать бессмысленных страданий, добавлял он свою любимую присказку, а мы потом ломали голову, бывают ли страдания не бессмысленными. Лишь бы не дать страху скрутить человека — это тоже было его излюбленное словечко: скрутить.

Моей задачей было своевременно отвезти Че Гевару в больницу — в тот момент, когда страдание внезапно покидало свой мирный затон и становилось совершенно невыносимым, опасным для жизни. Когда окружающий мир, внезапно ощерясь, превращался в чудовище, показывал свою подлинную сущность — изначальную враждебность людям. Необходимо было запереть квартиру (ключи оставить у себя), потом навещать Че Гевару в больнице, а когда он выйдет оттуда, вмонтировать его обратно в обычную жизнь. Самой же снова занять свое место в зрительном зале и вместе с другими наблюдать, как он пристаёт к людям на улице, как, завидев его наряд, целые семьи и одинокие немолодые дамы в шляпках и нитяных перчатках застывают в изумлении, а командированные провинциалы убегают, отмахиваясь портфелем. Бывало, уже попрощавшись, я еще какое-то время шла за ним следом, когда он шагал по улице Новый Свет и по Рутковского с привязанными к поясу котелками, а их звяканье испугивало сбитых с толку голубей. Некоторые прохожие совали ему мелочь, приняв за нищего. Он брал, по-

хоже, не смущаясь. Однажды я видела, как он увязал за демонстрацией. Паясничал. Печатал шаг. Кричал: «Hände hoch!» или «Гестапо!», вторя пластинке, которая постоянно крутилась у него в голове. Его память остановилась на сорок пятом годе. Че Гевара игнорировал настоящее и, возможно, поэтому мог чувствовать себя в безопасности: он безнадежно устарел. И все равно я за него боялась. Революции не любят клоунов, сами-то они всегда смертельно серьезны.

— Можно пойти в клуб, — предлагала я, имея в виду бывшую прачечную, приспособленную для нужд культуры, куда мы с нашими подопечными приходили выпить чаю, сыграть в шашки или в пинг-понг.

— Мне там не нравится.

— Почему?

— Они там меня психом считают.

— Ты все делаешь для того, чтобы тебя считали психом.

— Я знаю.

— Вырядился партизаном, выкрикиваешь черт-те что на улице, пристаешь к людям, говоришь глупости...

— Да, я знаю.

— Так объясни мне, зачем. Зачем ты это делаешь?

— Не знаю. Может быть, я и есть псих.

— Может быть.

Вечером бастующие студенты осаждали оба телефона, к ним выстраивалась огромная очередь. Мама, как автомат, повторяла одно и то же: «Возвращайся домой. Садись на поезд и возвращайся домой». Отец вырывал у нее трубку и говорил: «Привези мне какие-нибудь материалы». Я залезала в спальный мешок и читала, лежа на столе у батареи. Рядом со мной, на соседнем столе, поселилась парочка со старшего курса, но я не решалась с ними заговорить. Они были заняты только собой.

Бесконечные собрания в актовом зале, голосования за всё новые списки требований, председатель забастовочного комитета, постукивающий деревянными сабо по бетонному полу, сохранившемуся с тех времен, когда в здании психфака помещалось гестапо. В этой обстановке меня охватывал, усиливаясь с каждой минутой, революционный энтузиазм. Сладостное ощущение, что ты только винтик огромного механизма, песчинка,

маленький фрактал****, снежинка, которая осознаёт себя частицей метели. Какое это облегчение — раствориться в общественном бытии, не принадлежать себе, выплеснуться за свои границы, хоть ненадолго. Мы собирались около набитых окурками пепельниц в коридоре, ведущем в актёрский зал. Кружки курильщиков пульсировали, их состав менялся, каждую минуту кто-то приходил и уходил. Потом на меня внезапно накатывала усталость, и потребность побыть одной становилась настолько нестерпимой, что я закрывалась в туалете на третьем этаже и сидела там, уставившись на ключья облезающей масляной краски. Когда кто-нибудь начинал тереть ручку двери, а потом занимал соседнюю кабинку, я замирала, затаив дыхание. После, пристыженная, возвращалась на свой стол и в который раз принималась за чтение книги «Игра в классики», теперь с другой точки зрения, используя иной ключ. Меня взволновало открытие, что можно читать вразнобой, отдельные эпизоды — наверное, так происходит и в жизни — события мелькают перед глазами и складываются в случайные узоры. Я шла вниз, вставала в очередь к телефону, но тут же уходила и направлялась в буфет, оттуда опять в очередь, и всё снова — по той же схеме. На стол, в туалет, в актёрский зал, к телефону, на стол, в буфет... Постепенно мне стало казаться, что другие тоже так делают, экспериментируют с порядком и хаосом, и отсюда это беспокойное движение внутри здания, люди, собирающиеся группами на улицах, трепещущие на ветру флаги, воткнутые везде, где можно, и эта внезапно наступающая непроглядная тьма в середине дня.

Город за окном темнел, стекленел. Отсюда, со стола, застеленного спальным мешком, из-за батареи, казалось, что в городе совсем не осталось нормальных человеческих мест, словно новые

**** Фрактал — структура, внутренне подобная сама себе в любом масштабе, повторение большого в малом, целого во фрагменте и фрагмента в целом.

времена содрали мягкую обивку с окружающего мира, обнажив его бугристый, уродливый остов. Подопытные обезьянки... им предложили на выбор два манекена «матерей»: один мягкий и приятный на ощупь, но не дающий молока, другой — проволочный, холодный, зато с неограниченным количеством молока в искусственных сосках. И маленькие обезьянки выбирали упоительную мягкость голодной смерти. Прижимались слабенькими тельцами к искусственному меху. Перед сном я молилась за всех живых существ, на которых ставят эксперименты. В том числе за людей.

Тогда я нуждалась в мягкости. Руки непроизвольно тянулись к плюшевым шторам где-нибудь в кинотеатре или ресторане, тосковали по недоступной шенили и бархату, поглаживали вельветовые брюки, пока те совсем не вытерлись, тербили застиранный шелковый платок. Я жаждала нежности влажного весеннего воздуха, ласкового солнца, песка, мягкости аромата настоящего кофе, душистого мыла. От лежания на столе у меня боле-

ли все кости, а от колючего ворота свитера на шею появилась красная полоса.

Под моей опекой находился еще Юрек. Мы были ровесниками; жил он с отцом и матерью в забитой безделушками квартире на улице Шасеров. Юрек постоянно убегал из дома, ездил зайцем в поездах, пересаживаясь с одного на другой, — скромный, спокойный, неизменно приветливый. Он умел устраиваться: в дороге его всегда угощали то бутербродом, то яблоком, то леденцом. Юрек знал, как произвести хорошее впечатление. Исчезал он на долгие месяцы. Появлялся усталый и грязный. Мать в бешенстве отвозила его в больницу, но Юрека быстро отпускали. Почтальон приносил ему пенсию, и он снова отправлялся колесить по железным дорогам. Опьяненный путешествиями, гонкой вперед, в неизвестность, не давал о себе знать, пока спустя какое-то время милиция или машина «скорой помощи» не привозила его откуда-нибудь из Элка или Сува-

лок. Мы пробовали укоренить его, как куст, пытались удержать. Я ходила с ним в клуб, где посетители до отупения играли в карты и лото, разгадывали кроссворды. Мы преподносили ему на блюде всевозможные увлечения — коллекционирование марок и минералов, авиамоделирование, разведение рыбок. Юрек лишь улыбался и возвращался к теме поездов. Предлагал мне прогуляться с ним на вокзал — мост, дальше по Иерусалимским аллеям. Так мы бродили вместе по перронам, наблюдая, как на электронных табло сменяются станции назначения. Он вставал прямо у красной полосы, чтобы лучше рассмотреть прибывающий состав. Считал вагоны. Он всегда знал, что вот в этом поезде есть один спальный вагон, а в другом — только плацкартные.

— О, «Варс»*****, — произносил он благоговейно.

— Нельзя шататься по всей Польше, — внушала я ему, словно он был ребенком, а я — какой-то абстрактной всеобщей матерью.

— Я знаю, — отвечал он по-взрослому.

— Это опасно, так нельзя жить. Все равно каждый раз заканчивается больницей.

— А нельзя так устроить, чтобы я стал железнодорожником?

— Можно, но тогда нужно поступить в училище.

— А без училища нельзя? — спрашивал Юрек разочарованно.

Меня он называл «королевой Польши».

Несколько лет спустя он зашел к моим родителям. Наверное, запомнил название городка, где я родилась, из наших разговоров. Приехал рано утром, прилично одетый, вежливый. Сказал, что мой знакомый. Мама пригласила его позавтракать, они сидели втроем, беседовали. Почувствовав себя в безопасности, Юрек принялся живописать им мир рельсовых путей, локомотивов, вокзалов и железнодорожников, вселенную постоянного движения, вечной спешки, пересадок, облаков шипящего пара, гудков и перекличек, скрежета стрелок, монотонного грохота, толчеи, напряжения толп, устремляющихся через стеклянные нефы к амвону перронов, к алтарям билетных касс, где священнодействуют начальники станций, совершая свой обряд, а проводники в

мундирах подходят к причастию. Святость конечных станций, мистика пунктов назначения, спасение в дороге, в дороге, в дороге.

— Да возрадуется ваша дочь, королева Польши, царица психологии, лесная нимфа, пусть ей улыбнется счастье в жизни и после жизни — кто жилец, кто не жилец, кому начало, кому конец.

Над городком светило майское солнце, в кухонное окно заглядывали ветки лиственницы. сосед подметал тротуар перед домом. У мамы кусок застрял в горле. У отца в зубах замерла сигарета.

Среди участников забастовки был Кирилл. Станный парень, высокий, с прыщавым лицом, местами покрытым щетиной. В университет его приняли в порядке исключения — благодаря выдающимся способностям, хотя он страдал аутизмом. Идет, бывало, угрюмый, по коридору, а встречные внезапно умолкают в замешательстве, смущенные своей болтовней, переводят взгляд на покрытые масляной краской стены, бросаются тушить сигарету или читать объявления. Во время бурных собраний в актовом зале он обычно стоял в углу, уставившись в пол, в какую-то точку в нескольких метрах от кончиков своих ботинок. Мы невольно пытались проследить за его взглядом, ища на полу какой-нибудь зацепки, бумажки, монетки, но он смотрел в никуда. Ему покровительствовала Б., которую студенты просто обожали. Она неустанно напоминала нам о необходимости быть терпимыми, о том, что каждый из нас неповторим, что мы будем лечить своих пациентов, не запирая в больницы, что мы изменим мир, что все люди равны и достойны любви, что само понятие психического заболевания порождено репрессивной системой. Если Кирилл брал слово, то говорил складно и логично, хотя и медленно, — мы слушали его с напряжением, ожидая какого-нибудь заскока, отметины, клейма. После его выступления еще какие-то мгновения держалась тишина. Нам нужно было время, чтобы очнуться. Постепенно привычный гомон возвращался к своему начальному уровню.

Казалось, все шло без перемен. Казалось, так могло продолжаться бесконечно — жизнь в аварийном режиме; кто знает, вдруг забастовка — это нормальное положение вещей, естественное и наиболее созвучное природе человека, в отличие от застывшего, затхлого порядка. Но где-то там, под спудом всем становилось невмоготу.

***** Разговорная форма названия предприятия по обслуживанию спальных вагонов и вагонов-ресторанов. Здесь — спальные вагоны.

Однажды вечером Кирилл взбесился; со страшным, нечеловеческим воем он бежал по коридору, отталкиваясь от стен. Его дикий рев во внезапно наступившей тишине в стенах бывшего гестапо, на плохо освещенных лестничных площадках, звучал зловеще, бесцеремонно заставляя нас пробудиться от сна голосований, оторваться от списков требований, от идеи непрерывной забастовки. В страхе мы прилипли к стенам.

За Кириллом бежала Б., пытаясь его успокоить, прижать к себе, обнять. Он вырывался. «Кирилл, Кирилл», — повторяла она монотонно, словно желая его усыпить. Наконец он позволил себя остановить, а Б. и еще несколько человек с отделения клинической психологии отвели его в какую-то аудиторию. Преподаватель по гуманитарной психологии велел нам всем разойтись. Мы пытались раствориться в длинных коридорах, в аудиториях, но и туда доносился этот ужасный рев. Я слышала глухие удары, это Кирилл бился головой о стену.

В конце концов вызвали «скорую». Немного погодя мы увидели, как выводят Кирилла в смиренной рубашке.

Кто угодно сойдет с ума, сидя тут взаперти, — переговаривались мы между собой, — в этих душных прокуренных коридорах, где хоть топор вешай, а изо всех окон видны только серые кубики многоэтажек, торчащие между голыми деревьями, да земля в бело-коричневых пятнах, как зимний армейский камуфляж. Скорее бы все это кончилось. Разойдемся по домам.

До пани Анны мне было ближе всего — Новый Свет, первая арка за кондитерской Бликле, большой двор между домами, образующими не совсем правильный квадрат. Песочница, две лавочки, бетонные ограждения помоек, несколько кленов, кусты с белыми шариками ягод. Квартира пани Анны была на пятом этаже, высоко, поэтому она так неохотно ее покидала. Коридорчик, комната и кухня. Балкон выходил на Новый Свет. Пани Анна смотрела на улицу сквозь тюль — и, наверное, видела ее, всю разрисованную геометрическими узорами, нерезко, как сквозь туман. Два раза в неделю она спускалась вниз, делала какие-то жалкие покупки в пустых продуктовых магазинах, а потом шла в «Любительское» выпить рюмочку коньяка (от кофе она давно уже отказалась). Там мы с ней иногда назначали встречу. Случалось, что какое-то время мы сидели за столиком

вместе с Че Геварой, но ей это не нравилось. Пани Анна смотрела на его выходки и кривлянье неодобрительно.

— Возьмите себя в руки! — шикала она на него, поднося рюмку ко рту. Только когда Че Гевара уходил, позванивая котелками и гильзами от патронов, нанизанными на веревки, она произносила:

— Все хуже и хуже. Пью теплое молоко, кладу к ногам грелку — без толку. Не сплю целую ночь, редко когда задремлю на четверть часа, но это какое-то мучительное, тягучее, бессмысленное забытие. Ах, дитя мое, что делать, что делать? — вопрошала она драматически и сжимала мне руку худыми пальцами.

— Может, вы мало бываете на свежем воздухе? — наивно спрашивала я; это была наша давнишняя игра.

— Ах нет, дитя мое, я проветриваю каждый вечер не менее получаса, — отвечала она.

— Может, вы слишком плотно едите на ночь? — делала я вторую попытку.

— Нет-нет, дорогая, позже пяти я не ем.

— Можно попросить выписать вам таблетки, — раскрывала я наконец карты.

Тогда она откидывалась на стуле и на мгновение замирала в позе оскорбленного достоинства.

— Я этого никогда не позволю, никогда, — выдыхала она в конце концов. — Это чревато катастрофой, не знаю, какой, но точно чем-то ужасным.

— Пойдемте пройдемся, пани Анна.

Это все, что я могла ей предложить.

Мы шли по улицам Фоксаль и Коперника, а потом возвращались по Свентокшиской обратно на Новый Свет. Или в другую сторону, к реке; за рекой открывались манящие просторы, которые, наверное, влекли нас обеих, хотя мы никогда об этом не говорили. Углубиться в прибрежные заросли, идти вдоль реки, подчиняясь направлению ее извечного движения, покинуть город, забрести далеко в скованные морозом поля, шагать по проселочным дорогам, пересекая обозначенные ивами межи. Может, дойти до моря, а может, наоборот — двинуться на юг, через горы, на большую равнину. Сбросить сначала шапки, потом варежки и в конце концов оставить на краю виноградника зимние пальто. Все глубже погружаться в удлиняющийся день, чтобы тело омывал свет.

Она всегда дрожала, независимо от погоды. Закусив губу, внимательно рассматривала каж-

дый метр тротуара, поручни, ступеньки, мыском ошупывала бордюрный камень. Иногда, заметив какую-нибудь дыру, изъяз, пятно ржавчины, она бросала мне заговорщический, скорбный взгляд. Так мы шли вдвоем, тепло закутанные.

Она приказывала мне смотреть внимательнее. Я смотрела и видела город — неизменно серый, всех оттенков серого, неприятный на ощупь, холодный, шершавый, треснувший пополам, с раной реки посередине. Редкие автобусы беззвучно катили по мостам и сразу возвращались обратно. Люди раздваивались, отражаясь в огромных потемневших стеклах витрин. У всех изо рта вырывался белый пар, словно душа, нерешительно покидающая тело. Однажды она спросила меня, где я живу, и, узнав, что на Заменгофа, от ужаса прикрыла ладонью рот.

— Разве можно строить дома на кладбище? Они должны были отгородить руины гетто от остальной страны и сделать там настоящее кладбище, музей. Впрочем, так надо было поступить с целым городом. Кто мешал заново построить Варшаву где-нибудь около Ченстоховы, поближе к Деве Марии, или над Наревом, там так красиво. Уезжай оттуда, дитя мое.

Я много раз обещала, что так и сделаю, и провозжала пани Анну домой, в ее высокую и узкую, как скворечник, квартирку. Стряхивала ей снег с пальто, заваривала чай «Мадрас» в белом фарфоровом чайнике и ставила вариться картошку. Она меня теребила:

— Говори со мной, спрашивай, отвечай, я хочу устать и уснуть, я наверняка усну, когда ты уйдешь.

Ну я и несла, что приходило в голову. Рассказывала ей о забастовке, о переменах, которые должны наступить, о разных людях, но, вообще говоря, это был странный монолог. Мир за окном квартиры пани Анны казался нереальным, тревожил отсутствием жизни. Там, внизу, ничего не менялось: лозунгов с такой высоты было не разобрать, шум лобной манифестации терялся в лабиринте дворов и расходился эхом в виде одной стертой фразы, утратившей уже всякий смысл. Город состоял из крыш, антенн и труб — он был построен для птиц и облаков, для вечно хмурого неба, для темноты. Не для людей.

— Видишь, дитя мое, это уже конец. Видишь, как там, на горизонте, все расплывается, видишь?

— Это всегда в такую погоду, — успокаивала я ее.

Наверное, мы тогда против воли были втянуты в какую-то космическую войну. Может, это пла-

неты делили сферы влияния? Да, наверняка что-то такое было. Люди охотились друг на друга, стреляли с близкого расстояния — в Папу римского, в Рейгана, в Леннона. Казалось, все вот-вот превратится во что-то другое, совершенно пока неизвестное. Действительность постоянно меняла очертания. То ли видимость, то ли реальность маячила на пороге, застряв в дверях. Колыхалось на солнечном ветру марево миража.

— Мир — это мой сон, — говорила пани Анна, бережно ополаскивая в раковине чашки, из которых мы пили чай, и старательно вытирая ложечки кухонным полотенцем. — Он мне снится, хотя у меня проблемы со сном. Ты не можешь мне помочь, — продолжала она. — Никто не может. Ты просто приходишь сюда, и мы разговариваем. Мир гибнет, это уже конец.

Я ей не верила, но спускать ее с небес на землю мне уже не хотелось. Почему все должны стоять на земле, говорила я себе. Нет ничего плохого в том, что человек думает, будто от него зависит существование мира, будто он несет его на своих плечах, как атлант. Будто он его спасает, умирает за него. В известном смысле в этом есть доля правды. В известном смысле в этом великая правда.

Онтология пани Анны была такова: она думала, что ее сон спасет мир. Когда она спит, мир — уже подпорченный, износившийся, истрепанный — восстанавливается. Заснув, она все спасает от гибели. Никто об этом, конечно, не догадывается, ведь мысли окружающих, к сожалению, такие плоские («как лист бумаги», по ее выражению), и только она, я и ее врач знают правду. Даже дочь пани Анны — хорошо знакомое всем лицо с экрана телевизора — ни о чем не подозревала. Она лишь отвозила мать в больницу, когда подавленное настроение и бессонница переходили у той в затяжную депрессию.

— Почему именно вы? — спросила я пани Анну во время нашей первой встречи. Она тогда заставила меня разрезать разгаданные кроссворды на квадратики, из которых складывала гигантские мозаики. И лишь выдержав паузу, таинственно подняла палец и жестом Иоанна Крестителя указала на небо.

Но как же ей спасти мир, если не получается заснуть? Она показывала мне глазами на толкающихся в очередях людей, на транспаранты на корпусах университета — все это происходит потому, что она, пани Анна Топель, учительница

польского языка на пенсии, всю жизнь прожившая на улице Новый Свет, страдает бессонницей.

Мы пили плохой чай «Мадрас» из красивых позолоченных чашек, и она говорила, что мир нуждается примерно в восьми часах ее сна. Это не так уж много. Но, продолжала пани Анна, ей удается забыться беспокойным сном всего на час-два, да и то лишь под утро. И сквозь дремоту она слышит, как трещит основание мира. Правда, врач прописал ей таблетки для улучшения сна и настроения, но она не может их принимать. Нельзя манипулировать объективными законами бытия при помощи примитивной фармакологии. Трудно было с ней не согласиться. Я

раздала карты для виста — самой нудной карточной игры в мире. Делать ей примочки из скуки, лить на нее струйками спокойствие, низать слова, никогда не доходя до сути, нагнетать тишину, разводить чай водой, как гомеопатические капли, мурлыкать под нос колыбельную. В этом заключались мои чары.

Однажды я увидела, как она заснула в кресле, свесив голову набок. У нее было спокойное, прекрасное лицо. Я невольно подошла к окну, чтобы самой во всем удостовериться. Из-за низких, несущихся по небу осенних туч выглянуло солнце и растеклось по крышам домов.

Я приехала к нему на трамвае в субботу после обеда, только узнать, все ли в порядке. Забастовка перешла в бессрочную, на завтра в университете был назначен грандиозный митинг, а сегодня вечером — еще какое-то собрание.

Че Гевара долго не хотел мне открывать. Я слышала его дыхание из-за двери, оклеенной газетами, шелест ресниц за дверным глазком.

— Пароль? — спросил он.

Я произнесла первое пришедшее на ум слово, сейчас уже не помню, какое: небо, лист, котенок, — и тогда, после секундной заминки, замок щелкнул, и дверь открылась.

Выглядел он плохо. Без своих дурацких атрибутов, этих гранат на поясе, каски и армейских знаков различия, в одном синтетическом спортивном костюме серого цвета, он казался голым. Его была дрожь; маленький старичок-заморыш — теперь он был весь как на ладони. Никакой не ребенок, не заигравшийся подросток — худенький, рано постаревший человек, не знавший ни детства, ни зрелости. Из младенца он сразу превратился в старика. Теперь ему приходилось наверстывать упущенное. Шаркая шлепанцами, которые были ему велики, он повел меня вглубь своей заваленной газетами однокомнатной квартирки. Ок-

на были занавешены старыми полотенцами. На карнизы под потолком тоже были накинуты полотенца. Он стучал зубами — то ли от страха, то ли от холода. Из рта у нас выходил пар, как рисуют в комиксах.

Че Гевара сказал, что за ним следят с самого утра. Сначала с улицы, а теперь залезли на дерево и в бинокли и подзорные трубы смотрят прямо в окна. Поэтому он их завесил. У меня чуть не сорвалось: кто,

кто за тобой следит, кто посягает на твою жизнь, бедный псих, — но я сдержалась. Прикусила язык. Любые разговоры на эту тему лишь помогли бы ему укрепиться в своих безумных фантазиях; каждое слово, каждая попытка описать преследователей прибавляла бы им достоверности. Поэтому я промолчала; принялась готовить суп-пюре из пакетика. Он смотрел с надеждой, ожидая от меня что-нибудь услышать, его трясло все сильнее. Я включила обогреватель.

— В больницу поедешь? — спросила я его, когда мы пили горячий суп из кружек.

Он ответил, что уже поздно.

— Я позвоню в «скорую», — сказала я.

Он подскочил к двери и загородил ее спиной.

— Ни за что. Отсюда нельзя выходить. Ты попала в окружение. Сейчас они начнут ломиться в дверь.

Я неуверенно шагнула к нему, чувствуя, что без драки мне не выйти. Он меня не выпустит.

Че Гевара словно читал мои мысли. Схватил меня за руку, стиснул ее. У нас обоих побелели пальцы. Во внезапном остром приступе паники я поняла, что не знаю, как поступить, что придется выпутываться самой и что для этого обезумевшего от ужаса мужчины я должна стать воплощением спокойствия и уверенности. Усмирить его дрожь, заманить в сети его страх, успокоить. Я положила Че Геваре руку на спину, укутала его в одеяло. Обняла. И почувствовала, что мой испуг улетучивается, как дым. Вот я превращаюсь в широкую плоскую равнину, незыблемую часть пейзажа. Все в порядке; я пообещала ему, что не уйду, пока он сам того не захочет. Я вспомнила о пани Анне: что она не спит и что спасти мир может только сон — ее сон и наш сон. Только тогда мы придем в себя, наш сон залатает все дыры, через которые наружу пробивается сплошное зло, сплошная чернота.

— Спать, Че Гевара, спать, — повторяла я.

Я монотонно перечисляла предметы, которые погружаются в сон, словно читала литанию: засыпают остановки и дорожные знаки, уличные фонари и ступеньки у входа в магазин, автомобили и трубы на крышах, деревья, бордюры тротуаров, велосипеды, перила моста, трамвайные пути и урны, фантики и окурки, использованные автобусные билеты и пустые бутылки от пива. И все улицы в районе Саской Кемпы — Французская, Защитников, Храбрых, Афинская и Саская, — и улицы в других районах, наконец, сами районы и города. Катовице и Гданьск. Валбжих и Люблин. Белосток и Мронгово. Сон стелется низко над землей, как гром, как черный теплый дым. Заволакивает всю страну странным дурманом. Везде люди подносят руки к лицу и трут сонные глаза. На дороге под Калишем автомобили тормозят на обочинах, а водители укладываются спать в кювет, прямо в снег. Поезда останавливаются и дремлют среди полей, корабли на рейде размеренно покачиваются, портовая сирена зовет ко сну. Засыпают верфи, и замирают ночные конвейеры на фабриках. Зевает диктор телевидения и вскоре ложится спать на глазах изумленных зрителей, у которых тоже слипаются глаза.

Я обнимала его так, как обнимают детей, и не было в этом ничего непристойного, ничего против правил, потому что мы оба были одинаково

малы и незначительны. В этой крохотной, замусоренной квартирке с собственным электрическим солнцем мы поднимались над большим морозным городом, как мыльный пузырь — отдельная вселенная с хрупкими прозрачными стенами. Мы медленно вращались вокруг невидимой оси. Я почувствовала, как тело Че Гевары обмякает и становится тяжелым, словно созревший плод, готовый упасть на землю, чтобы впредь черпать из нее добрую силу, которая уже не даст сдуть его, как обертку от конфеты. Мне казалось, что между нами с торжественным скрежетом открылись шлюзы — большие речные ворота — и что, качиваясь, мы нажали кнопку, запустили мощный механизм, который уже не остановить: наши реки, его и моя, сливались в одну, встречались, соединяя и смешивая свои воды, и на какое-то мгновение мне показалось, что так и должно быть, что я заберу его страх и растворю его в себе, как льдинку в теплой воде, что по сути, если бы все это можно было взвесить и подсчитать, если бы можно было измерить уровень его страха и моего спокойствия, я взяла бы верх: я шире его, и меня больше. Моя река теплее, она нагуляла тело на равнинах, нагрелась на солнце. Он — всего лишь маленький ручеек, ледяной и беспокойный. Стоило мне так подумать, как я испугалась, потому что начала терять свои границы. Маленький ручеек разливался и бурлил, с силой врывается в реку, взрывая дно. Он нес с собой ил, становился мутным, атаковал с нарастающей яростью. Но все это свершалось подспудно, внешне никак не проявляясь. Че Гевара закрыл глаза и вздохнул. Мне казалось, что он сейчас заснет. Но там, внутри, начиналась борьба, происходили стычки, совершалось насилие, осуществлялось вторжение. Там этот невинный старичок шел напролом, вынуждая меня подстраиваться под панический ритм его дыхания. Изнутри шли, расплываясь, как круги по воде, волны паники. Мелкие осколки льда превращались в дрожь, которая постепенно охватывала все мое тело. Я еще пыталась убежать от чего-то страшного, оскаленного, безобразного, но уже знала, что убежать невозможно. Потому что это было конечное состояние, основное состояние человека. Все остальное — лишь видимость. И внезапно я осознала, что он, Че Гевара, прав, — почему же мне это раньше не пришло в голову? — за нами следят с деревьев, для нас готовят самые страшные камеры пыток, о нас знают всё. Какие-то размытые фи-

гуры, темные силуэты, сотканые из тени, но соединенные скользкими пуповинами с черным нутром земли. Вот именно, почему бы им не сидеть на деревьях, если прекрасно известно, что они способны на все? Почему бы им не следить за нами в бинокль с тополей под окном? Как это могло показаться мне абсурдным? Десятки мужчин, крадущихся по темным переулкам в темных плащах; спрятанные во дворах милицейские воронки; тихий треск радиостанций, приборы ночного видения со стебельками оптических датчиков, наведенных на каждое окно. В их тайных логовах целые тонны аппаратуры, какая нам и не снилась. Они держат руку на пульсе каждого из нас. Они манипулируют историей, дергают за веревочки, разжижают нам мозги, вынуждая видеть только то, что им угодно, и мы это видим. Подсовывают нам готовые мысли, и мы их озвучиваем. Печатают лживые газеты, в которых подают мир таким, какой их устраивает. Заставляют верить в то, чего нет в природе, и отрицать очевидное. И мы всё это делаем. Они косят под наших друзей, и я даже — да, да! — не до конца уверена, что мое отражение в зеркале — это действительно я.

Я вскочила поправить полотенца на окнах, на всякий случай завернула газовый кран. Подошла на цыпочках к двери — проверить, закрыты ли все замки. Он следил за мной пронизательным взглядом.

— Поняла? Поняла? Я же говорил! Говорил, — бормотал он.

Мы до утра просидели на разостланных на полу газетах, прижавшись друг к другу. В моем мозгу всю ночь расцветали странные мысли, похожие на те тусклые белые цветы, которые вырастают на оконных стеклах в морозную ночь. Я их стирала, а они снова росли, хотя с каждым часом все неувереннее. Может, их растворял приближающийся рассвет. В конце концов я, должно быть,

уснула, потому что меня разбудил голос и бульканье воды в чайнике.

Стоя у плиты, Че Гевара прилаживал к поясу пустую картонную кобуру. Полотенца уже были сняты, в окно лился зимний металлический свет.

— Уже всё, — сказал он. — Они ушли. Но вернуться.

Я чувствовала себя одурманенной, будто выкурила целую пачку сигарет, будто только что очнулась после обморока. С недоверием оглядывала квартиру. Подозрительно всматривалась в го-

лые кроны деревьев. Читала заголовки разбросанных всюду газет. У меня был приступ страха, я пережила психотический эпизод, думала я. Че Гевара меня заразил, я позволила себя инфицировать, он меня загипнотизировал, я поддавалась внушению.

— Че, мы едем в больницу. Я пошла звонить.

Он без возражений принял собираться. На улице мои мысли стали постепенно приходить в порядок, отряхиваться, словно мокрые собаки. Подтягиваться, сбегаться на общий сбор. Занимать свои места,

строиться в шеренги. Рассчитываться по порядку номеров. На улицах пусто, но ведь сегодня воскресенье. Сегодня митинг. Номер «скорой». Пани Анна — позвонить ей и спросить: может, хоть она этой ночью хорошо спала.

Я вошла в телефонную будку и несколько раз набрала номер, но аппарат, наверное, был сломан. Ни одного трамвая. Я шла пешком на другой берег, пока не увидела с моста, как по Иерусалимским аллеям с грохотом движется колонна БТРов.*****

***** Действие рассказа — что уже, может быть, неясно сегодняшнему читателю — заканчивается утром воскресенья 13 декабря, в первый день военного положения (телефоны были отключены ночью).

Ольга Токарчук

Перевод
Ирины Адельгейм

ПЕРСОНАЖ

В монографии о его творчестве, которую он начал читать за утренним кофе, обнаружилась неточность. Дело в том, что роман «Открытые глаза вещей» вышел в 82-м году, а не в 84-м. По какой-то причине исследовательница не упомянула первое, западное издание. Исправив карандашом ошибку, он закурил первую сигарету. Теперь ему осталось только четыре — приходилось себя ограничивать. Врач заявил, что в его возрасте следует вообще бросить курить. Однако он знал, что без курева не будет и писать. Между затяжкой табачным дымом и работой существовала прямая зависимость. Дым, наполняя легкие, каким-то образом тревожил память: наверно, у дыма и памяти одна и та же природа — летучие полоски, неожиданно скручивающиеся в кольца, завитушки, полупрозрачные наслоения, которые на мгновение застывают в притворной конструкции и бесповоротно исчезают. Чуть сосредоточившись, можно было каким-то непонятным чудом обратить эту эфемерность в слова и предложения.

Он перелистнул несколько страниц, и в глаза вдруг бросились слова: «Герой этого поразительного рассказа, alter ego автора, носит его имя и даже проживает по тому же адресу — Варшава, близ Иерусалимских аллей». Затянувшись, он несколько раз перечитал фразу. Вспомнил то время, двадцать лет назад, когда писал «Открытые глаза вещей». Страшная пора, безнадежная. Казалось, что это уже конец света, а на самом деле все закончилось хорошо. Но что это значит — хорошо, плохо, — подумал он и бросил жадный взгляд на оставшиеся до конца дня четыре сигареты. Работалось тогда хорошо. Смутное отчаяние, ощущение, что жизнь идет как попало, абсурдно, придавали перу размах, пестовали слова, словно заботливая мать, вскармливая целые абзацы, раскрывая тайну сказочных, нереалистических связей, как на блюдечке подсовывая готовые образы. Сегодня все сделалось каким-то бумажным, хотя на вид вроде прочно, а попробуй описать — придется продирааться через напластования мусора, истлевшие клочья событий, крупницы мгновений. Нормальная жизнь оказалась неинтересной, заполненной мелкими проблемами, незначительными де-

талями, что песком сыпались из утренних газет и тут же покрывались пылью.

Самборский встал, поглядел на сигареты и решил пройтись. Он набросил только пиджак — погода была отличная. Обычным своим маршрутом, через проходные дворы и подворотни выбрался на центральную улицу, свернул на площадь с костелом и сразу оказался в своем любимом кафе. По дороге с ним раскланялись несколько человек, в том числе молодые люди с рюкзаками. Увидев писателя, они остановились и продолжали стоять, когда он с улыбкой поздоровался в ответ, проходя дальше. Такие встречи были одновременно приятны и неприятны. Они напоминали Самборскому, что он навсегда остается собой и ничего другого из него уже не получится, тогда как перед некоторыми, вроде этих ребят с рюкзаками, еще целое море возможностей, целая пачка ролей на выбор, гигантская корзина «киндер-сюрпризов» — они еще могут стать кем только захотят. А он — нет. Он уже определен. Самборскому даже подумалось «кончен», и от этого слова повеяло чем-то неприятным. Холодным затхлым воздухом, будто из погребка. Порой ему казалось, что на лбу у него привинчена медная табличка: «Станислав Самборский, писатель». Как и сейчас — стоило войти в кафе, как все взоры украдкой обратились к нему, но тут к нему привыкли, и обычный гул в кафе даже не дрогнул. Он подошел к стойке, обменялся с официантками приветственными улыбками и сел за столик. Заказал «черный завтрак»: кофе и пачку сигарет — теперь тех четырех, что лежат на письменном столе, хватит до вечера. Знакомая официантка по собственной инициативе принесла два бутерброда с его любимым яичным паштетом. «Утром надо поесть как следует». Он не возражал. Взял газету и спокойно принялся за чтение, ощущая себя в центре мироздания.

Того Самборский встретил уже на своей лестничной площадке, перед своей дверью: склонившись, он шурувал с замком. Писатель целую минуту — круглую, большую, жирную, словно муха, — не мог прийти в себя от изумления. Тот на первый взгляд казался знакомым, больше чем знакомым — едва ли не двойником, отвратительным

и мерзким. Редкий ежик седых волос, землистый цвет лица, тщедушная фигура в клетчатом пиджаке, дорогие, но потертые ботинки. Самборский хотел что-то сказать, но тут замок щелкнул, дверь открылась, и тот первым молча вошел в квартиру. Потрясенный, писатель последовал за ним. Тот его будто и не замечал. Уселся за стол, взял карандаш и принялся читать. Со знанием дела помечал что-то на полях, подчеркивал целые фразы. С отвращением отодвинул пепельницу, потом выбросил в мусорную корзину четыре оставшихся сигареты. Когда зазвонил телефон, Самборский даже подойти не успел. Уверенно подняв трубку, тот уже протянул: «Да-а?» Слушая, он принял сосредоточенный вид, и морщина у него на лбу резче обозначилась, придав всему лицу какое-то серьезное, даже трагическое выражение. Помолчав, он произнес: «Литература — это вызов. Только ей под силу очертить границы человеческого существования и в то же время придать ему трансцендентное измерение. Жизни как таковой слишком мало. Прошу прислать мне текст на авторизацию», — и повесил трубку. Посидел еще минуту в молчании, подперев лоб ладонью, пока наконец не принялся расхаживать по комнате, заложив руки за спину. Вот тут Самборский его возненавидел.

Самое удивительное, что тот совсем не ел. Только пил кофе. И, как позже выяснилось, жрал водку. Однажды поздним утром Самборский увидел его в своем любимом кафе, за столиком, в окружении молодых людей, буквально смотревших ему в рот. Самборский остановился на тротуаре и наблюдал за этой сценой через большое окно. Тот о чем-то рассказывал, поводя в воздухе руками. Морщил лоб, умолкал на мгновение и задумчиво, откуда-то знакомым Самборскому жестом потирал подбородок. Затем, по-детски подняв указательный палец, продолжал ораторствовать. Сперва Самборский, разумеется, хотел войти и устроить скандал: это, мол, его столик, его знакомые студенты и даже — о да! теперь-то он понял — его жест. Он уже было двинулся к двери, вне себя от возмущения, когда увидел, как тот размашистым, чуть театральным жестом подносит к губам стопку и лихо ее опрокидывает. У студентов от восторга и изумления глаза на лоб лезут, а тот, даже не закусывая, витийствует дальше. Водку Самборский практически никогда не пил, и не потому, что не хотел — напротив, он бы с удовольствием! — просто не получалось. В стране, где пьет и стар и млад, писатель родился трезвенником. От выпитой залпом рюмки его бы точно стошнило. «Пьяница»,

— буркнул он себе под нос, на самом деле сглотнув горький комок восхищения. Задетый за живое, Самборский не стал заходить в кафе и двинулся дальше. Неподалеку был маленький бар, переделанный из столовой, что находилась здесь в добрые старые времена; там он и примостился в уголке, заказав бокал пива и закулив сигарету. Глядел на каких-то коротко стриженных, увешанных цепочками парней, которые вполголоса, склонившись друг к другу, что-то обсуждали. Шоколадная от искусственного загара официантка скучала над иллюстрированным журналом. По радио передавали незамысловатую ритмичную песенку с симпатичным припевом: «Моя милая сестрица кувыркатся мастерица». Самборскому здесь понравилось. Он поудобнее устроился в своем уголке, закурил — и вместе с колечками дыма поплыли настоящие, завершённые фразы. Он неспешно записывал их на салфетке.

Тот вернулся вечером, слегка навеселе, с гвоздикой в бутоньерке, что Самборский счел просто верхом претенциозности. Омерзительный тип, фанфарон. Глаза бы его не видели — тошнотворный, словно желе из просроченного желатина, затверделый студень, холодец в человеческом обличье, — было в нем что-то свиное, какое-то животное самодовольство. Самборский побрезговал бы даже прикоснуться к нему. А тот, не глядя на писателя, сразу схватил трубку и принялся звонить. Кому-то заявил протест по поводу недостаточного финансирования университетов. Кого-то заверил в своей поддержке, правда, кого и по какому поводу, Самборский не слышал, потому что в этот момент стирал в ванной носки, решив не иметь с тем ничего общего. Но, направляясь в спальню, увидел, как тот склонился над вынутой из пишущей машинки страницей: с озабоченным видом он что-то черкал и дописывал. «Тоже мне стиль: целую минуту — круглую, большую, жирную, словно муха, — не мог прийти в себя от изумления», — заметил он вдруг, ткнув листок писателя под нос. Самборский вырвал у него страницу и поспешно собрал лежащие на письменном столе бумаги. «В это не смей соваться. Остальное, так и быть, забирай, а об этом и думать забудь», — процедил он. Однако тот иронически усмехнулся: «Шика тебе не хватает, Самборчик. Может, пицешь ты и неплохо, но шика в тебе нет».

И еще одна странность: тот совсем не спал. Просиживал за столом ночи напролет в этой своей позе, воплощавшей тревогу и сосредоточенность. Горела лампа. Загляни кто-нибудь в окош-

ко, сразу бы догадался: писатель работает. Писатель размышляет о каких-то важных проблемах. Писатель плетет в своей писательской голове очередную повесть о мире и смысле. Ум его прозревает безбрежные перспективы, мысль высвобождается из шкапулки, в которую ее заключили невежество, косность, бездушие, примитивность. Ему ведомы границы познания. Абсурд истории. Одиночество человека. Добро и зло. Надежды и ловушки релятивизма. И, разумеется, прекрасное. Куда же без вопроса о прекрасном...

А Самборскому мешала эта чертова лампа в кабинете. Узенькие полоски света, просачиваясь под дверь, складывались на полу в таинственные графические узоры. Писатель беспокоился по поводу родительского sklepa, который в эту зиму — видно, из-за морозов — предательским образом раскололся пополам. Идти, что ли, ругаться с каменщиком? Потом ему почему-то вспомнились школьная учительница и ее платье. Это когда они еще жили за Бугом. Словно наяву он увидел узор на ткани — по черному полю белые цветы с неровными середками цвета фуксии. Казалось, протяни руку — и пальцы ощутят холодный материал. Ситец, шелк, креп-жоржет? Под эти видения он и уснул, но пробуждение оказалось не из приятных. Тот стоял над ним, заложив руки за спину, — свежий, причесанный, выбритый. «Ты бы, Самборчик, написал что-нибудь о роли писателя в современном мире. О задачах литературы. Вправе ли мы требовать, чтобы она описывала современность, свидетельствовала о происходящих на наших глазах переменах». — «Катись ты ...», — сказал Самборский и сам перепугался. С самого детства он терпеть не мог ругаться. «А ты себя ... не посылай, — парировал тот. — Вставай и берись за работу. Lentяй. Двочник».

К счастью он ушел, но бресь Самборский, услышал его голос по радио. Тот рассуждал о роли литературы. Неприятно удивленный, писатель застыл с бритвой в руке. Вечером того же дня Самборский увидел его на экране телевизора. Задумчиво потирая подбородок, тот высказывался о порнографии и эвтаназии. Самборский пришел в ярость. Бросившись к двери, он запер ее на все замки, а потом еще забаррикадировал тяжелым комодом. Ближе к ночи злорадно слушал, как тот пытается войти.

Несколько дней писатель просидел в пустой квартире на осадном положении. Не подходил к телефону, не включал телевизор. Закончилась еда в холодильнике и мыло. Погубили Самборского

сигареты. Сначала он терпел, но к вечеру третьего или четвертого дня понял, что это выше его сил. Он надел плащ и поглубже надвинул шапку. Беспокойно оглядываясь, добежал до киоска на углу. Никого. Купив вожаделенные сигареты, Самборский тут же закурил. Увы, по возвращении домой писатель обнаружил того за столом — он с любопытством просматривал записи последних дней. Был бы у Самборского пистолет, он выстрелил бы тут же, не задумываясь. Был бы нож — кинулся бы и вонзил тому в спину. Но не было — и писатель стоял с блоком сигарет, вне себя от злости. «Чего тебе от меня надо? Катись отсюда!» — процедил он. Тот оглянулся через плечо, взглянул на Самборского не то высокомерно, не то равнодушно и произнес: «Не мешай мне. Я работаю». — «Ах так, — подумал, закипая от ярости, писатель, — ты работаешь! За моим столом, над моими рукописями, наглец, козел!» В глазах у него потемнело, и он бросился на того, пытаясь одной рукой вырвать рукопись, а другой — ухватить за воротник. Но тот оказался проворнее. Схватил Самборского за запястья, больно сдавил и оттолкнул. Со стены упала красивая гравюра, посыпалось стекло. Тот прижимал писателя к стене, словно девушку; он был крупнее, как-то упитаннее, здоровее. От него исходил запах кофе. Устремив на перепуганного подобным оборотом Самборского холодный желеобразный взгляд, он выдохнул писателю прямо в лицо: «Я тебя придумал, понимаешь, ты, ублюдок недоделанный. Я тебя придумал и в любой момент могу вычеркнуть, ты просто повествователь, лирический герой, неудачный персонаж, не более того. Так что не трепыхайся — сиди тихо». Он брезгливо отпустил Самборского и вернулся к столу. Писатель потер ноющие запястья, а потом тихонько, стараясь не мешать тому, принялся подбирать с пола осколки. Гнев улетучился — более того, глядя на испорченную гравюру, он ощутил неожиданное облегчение. Всё всегда оказывается проще, чем кажется поначалу. Перед глазами у него стоял тот бар в переулке и загорелая до копоты официантка.

Чего тут думать... Писатель Самборский поглубже натянул шапку и вышел из дома.

Лешек Шаруга

НОВАЯ КНИГА

Ольга Токарчук

Инга Ивасюв, видный литературовед и в то же время одна из главных представительниц феминистского течения в современной польской словесности, пишет в статье, посвященной литературному творчеству женщин после 1989 года: «Литературная миссия, историей предназначенная польской литературе, после 1989-го как будто ослабевает. Этот великий демократический поворот дает надежду на сокрушение монолита универсальных тем, прежде всего — на то, что понятие универсальности будет переопределено, в частности благодаря введению перспективы пола в гуманитарный дискурс». К авторам, которых почти все признают представительницами нового течения, часто относят Ольгу Токарчук (1963 г.р.). Но правильно ли?

Сама писательница от феминистического подхода не отрещивается — наоборот, в ряде интервью выражает с ним солидарность. Однако при внимательном анализе ее творчества — пользующегося у читателей успехом и, даже более того, необычайно популярного, — с трудом отыскиваешь связи с феминизмом. Эта литература, распростертая от реалистического повествования до полуфантастического сочинительства, заведомо представляет собой попытку того самого переопределения понятия универсальности, но такого, которое скорее убеждает ее, чем сокрушает. Уже ее первый роман «Путешествие людей Книги»

(1993) был попыткой реконструкции мифа о Книге, в которой записан смысл человеческого существования. По сюжету к цели приходит лишь один из искателей — немой и неспособный ее прочитать слуга одного из героев, фигура, о которой мы читаем, что «лицо во всей этой истории не имеет значения». Рассказчику, разумеется, верить не следует: это лицо имеет значение по многим причинам. Во-первых, потому что это именно лицо, личность, а это в прозе Токарчук вопрос основополагающий; во-вторых, потому что он представляет «каждого из нас», т.е. одного из тех, для кого отыскать Книгу маловажно по сравнению с трудами повседневного существования и кто умолкает, оказавшись перед лицом Истины.

Но Истина существует, хотя ее и не удастся уловить. Такую мысль несут следующие книги Токарчук — «Э.Э.» (1995), роман о несбывшихся мечтах, которые перед лицом реального мира оказываются пустыми призраками; «Правек и другие времена» (1996; роман был также инсценирован и поставлен в театре), произведение о творческой силе воображения, разрушающейся в столкновении с реалиями жизни; «Дом дневной, дом ночной» (1998) — своеобразный, как написала одна рецензентка, «апофеоз поворота назад от взросления», т.е. вывернутая наизнанку схема «романа воспитания». То же самое и с новыми сборниками рассказов: «Игра на многих барабанах» (2001) и «Последние истории» (2004). Токарчук в совершенстве играет существующими литературными условностями, одновременно умея их безболезненно для читателя видоизменять и даже подрывать. При этом здесь нет никакой демонстративности — наоборот, перемены, заставляющие «переопределить понятие универсальности», принадлежат к «ходу жизни», они так же естественны и почти незаметны, как перемены в стиле и условностях или перемены во нравах.

Однако это последнее в прозе Токарчук чрезвычайно важно, хотя в отличие от выступающих «под флагом феминизма» она показывает скорее осторожно, нежели демонстративно. Ибо речь идет не о нравах в узком, популярном понимании — речь идет о переменах восприятия, об открытости к другому, о способности сочувствовать и понимать. В отличие от феминистских фундаменталисток Токарчук не стремится шокировать. Она рассказывает о человеческих судьбах, реконструирует пространство воображения, но ввергает все это традиционному повествованию, почти такому, как в XIX веке. Искусство рассказывать — самый сильный козырь ее прозы; женский способ восприятия здесь ничему не противопоставлен — он один из многих и поэтому представляет собой самоочевидность. И, что важно, в этих повествованиях есть место истории — как великой, так и «малой».

Алексей Памятных

КАТЫНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В КОРОЛЕВСКОМ ЗАМКЕ

28 мая в варшавском Королевском замке состоялась традиционная ежегодная Катынская сессия, организованная Польским Катынским фондом и Независимым историческим комитетом по изучению катынского преступления. Нынешняя сессия была уже 15-й по счету, а выпущенный к ее началу 300-страничный сборник докладов и сопутствующих материалов («Катынское преступление. Польское следствие») тоже оказался юбилейным — 20-м выпуском сборника «Зешиты катынске» («Катынские тетради»).

Основной темой сессии было польское следствие по Катыни, начатое 30 ноября прошлого года Институтом национальной памяти*. Первым выступил директор Главной комиссии ИНП по расследованию преступлений против польского народа проф. Витольд Кулеша — его доклад был посвящен анализу и квалификации катынского преступления в контексте Нюрнбергского процесса над главными нацистскими военными преступниками. По инициативе советской стороны в обвинительное заключение Нюрнбергского трибунала был включен пункт о расстреле немцами в сентябре 1941 г. в Катынском лесу под Смоленском 11 тысяч военнопленных польских офицеров. В.Кулеша подробно изложил предварительное обсуждение вопроса в Нюрнберге. Так, представители советского обвинения Роман Руденко и Юрий Покровский считали катынское преступление одним из актов истребления польского народа, то есть фактически актом геноцида. В процессе обсуждения советская сторона изменила и первоначальное число расстрелянных поляков с 925 человек (столько трупов было эксгумировано в Катыни в январе 1944 г. согласно официальному Сообщению комиссии Н.Бурденко) на 11 тысяч (предположительное число, выдвинутое немцами в связи со слухами об исчезновении в СССР больше десяти тысяч пленных польских офицеров, хотя эксгумировали они лишь около 4,5 тыс. тел). Из-за необхо-

* На решение ИНП начать самостоятельное польское расследование не могло не повлиять то, что Главная военная прокуратура России в сентябре 2004 г. прекратила «Катынское» уголовное дело №159 о расстреле польских военнослужащих, которое велось в течение 14 лет. В начальный, наиболее активный период российского (советского) расследования в нем участвовали и польские эксперты — в частности при эксгумациях в Харькове и Медном летом 1991 года. В последующие годы работа замедлилась, контакты с польской стороной свелись практически к нулю. Как хорошо известно, в результате расследования была документально подтверждена ответственность политбюро ВКП(б) и НКВД за расстрел в 1940 г. польских офицеров. Уголовное дело состоит из 183 томов, однако большинство из них в настоящее время засекречены, включая и постановление о прекращении дела. Некоторые вопросы остались невыясненными — например о местах погребения 7305 человек из тюрем Западной Белоруссии и Западной Украины, упоминаемых в записке А.Шелепина Н.С.Хрущеву от 3 марта 1959 года. Высказывания Главного военного прокурора России А.Савенкова на пресс-конференции 11 марта 2005 г. о завершении следствия только добавили вопросов — они сформулированы в обращении российского общества «Мемориал» в ГВП и в его заявлении о расследовании катынского преступления в России, «Новая Польша» уже писала об этом. Отвечая на запрос «Мемориала», ГВП России отметила, в частности, что «Катынское» уголовное дело в отношении «высокопоставленных должностных лиц СССР» прекращено «за смертью виновных», причем «действия должностных лиц НКВД СССР в отношении польских граждан основывались на уголовно-правовом мотиве и не имели целью уничтожить какую-либо демографическую группу», то есть в преступлении нет признаков геноцида. ГВП выразила готовность предоставить польской стороне возможность ознакомиться с 67 томами уголовного дела. Полные тексты отмеченных писем и заявлений можно найти на сайте «Мемориала» по адресам:

memo.ru/daytoday/5zaprgwp1.htm

memo.ru/daytoday/5katyn2.htm

memo.ru/daytoday/5katyn.htm

димости внесения этой поправки в документы начало Нюрнбергского процесса было даже отложено на несколько дней. Как известно, вина немцев за Катынь в Нюрнберге доказана не была, и в приговоре трибунала Катынь вообще не упоминается. «Изменяет ли юридическую квалификацию преступления** тот факт, что его совершили не немцы, а НКВД?» — задал риторический вопрос В.Кулеша, обосновав актуальность недавно начатого польского расследования необходимостью «разорвать дьявольский круг лицемерия и правового бессилия».

Руководитель следственной группы ИНП по Катыни Малгожата Кужняр-Плота представила информацию о ходе расследования, которое ведут шесть прокуроров в Варшаве и еще 14 — в региональных отделениях ИНП. Результаты пока свелись к тому, что за прошедшие полгода опрошены 660 человек из катынских семей. Такие опросы продолжают с целью составления как точного поименного списка всех жертв катынского преступления, так и списка живущих близких родственников, которые в соответствии с польским законодательством могут получить статус потерпевших. Расследование касается не только узников Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей, захороненных в Катыни, Медном и Харькове, но и польских граждан, останки которых обнаружены в массовых захоронениях в Быковне под Киевом и в Куропатах под Минском. Выполнение еще одной цели расследования — выявления всех виновных и установления степени ответственности каждого из них — неразрывно связано с необходимостью использовать зарубежные документы, прежде всего материалы российского (советского) расследования 1990-2004 гг. Соответствующий запрос Генеральному прокурору Российской Федерации об оказании юридической помощи польскому расследованию путем предоставления заверенной копии всех томов уголовного дела №159 направлен 8 марта 2005 года. Возможно, пресс-конференция А.Савенкова была связана с этим запросом (см. прим.2), но официального ответа пока не получено. Кроме того, разного рода запросы были направлены в Институт им. генерала Сикорского в Лондоне, в штаб-квартиру Международного Красного Креста в Женеве, в несколько немецких архивов и в Генеральную прокуратуру Украины. Уже получен ряд документов, касающихся, в частности, захоронений в Быковне под Киевом.

С особым мнением о польском расследовании выступил проф. Войцех Матерский. Он считает неверным стремление следователей составить список всех виновных в катынском преступлении — таковых, по заявленным оценкам, может оказаться до двух тысяч. Нет никаких шансов осудить кого-то из главных виновников — и, вероятно, не удастся найти в живых никого даже из рядовых исполнителей решения политбюро ВКП(б) от 5 марта 1940 г. о расстреле польских офицеров. Составление такого списка — это лишь повторение уже давно проделанной историками и архивистами работы, ее результаты собраны в польско-российском четырехтомнике «Катынь. Документы преступления» (на русском языке издан соответствующий двухтомник). В.Матерский подчеркнул, что за катынское преступление ответственны не те несколько сотен человек из составляемого списка, а вся советская политическая система. Вот и следует обвинять за все преступления «партию-государство» — этот мох, «придуманный Лениным и доведенный до преступного совершенства Сталиным». «Но кто выдвинет сейчас обвинение, подобное обвинениям, выдвинутым в Нюрнберге и Токио? Через шестьдесят лет после окончания войны такой возможности в отношении современного российского государства нет». Квалификация Катыни как военного преступления тоже представляется Матерскому неверной, ибо между СССР и Польшей тогда, строго говоря, не было состояния войны. Согласно Матерскому, катынское преступление было актом геноцида, но у поляков нет возможности осудить это преступление в категориях права. Нужно стремиться к максимальной полноте знаний о Катыни, к закреплению памяти об этих жертвах в общественном сознании, чтобы подобное никогда не повторилось. А юридически осудить преступление должны сами русские. Матерский считает, что именно из-за поспешных действий и заявлений польской стороны ГВП России в сентябре 2004 г. неожиданно постановила завершить следствие по Катыни и что сложившуюся формально-правовую ситуацию в ближайшие годы не изменить.

** Следует уточнить, что в обвинительном заключении Нюрнбергского трибунала катынское преступление фигурировало в разделе «Военные преступления. Убийства и жестокое обращение с военнопленными». Как и преступления против человечности, военные преступления не имеют срока давности.

Историк Станислав Ячинский подвел итог изучению катынской проблемы с перспективы прошедших 65 лет, начиная с поиска в 1941 г. Юзефом Чапским по указанию генерала Владислава Андерса пропавших в СССР офицеров и с работы комиссии Польского Красного Креста при эксгумациях 1943 года. Были отмечены опубликованные первоначально на Западе труды Юзефа Мацкевича, Адама Мошинского, Януша Заводного, Леопольда Ежевского (Ежи Лоека), воспоминания Бронислава Млынарского, Юзефа Чапского и Станислава Свяневича, более поздние воспоминания Здислава Пешковского и Зигмунта Берлинга, книга Чеслава Мадайчика. Основное внимание С.Ячинский уделит современным исследованиям, включая советские и российские (Н.Лебедева, В.Парсаданова, Ю.Зоря и другие), многочисленные публикации в польском военно-историческом журнале («Войсковый пшеглэнд хисторыч-ный»), фундаментальный труд Енджея Тухольского «Убийство в Катыни».

Фотография времен ПНР, 1940-м годом датировано последнее письмо, полученное из лагеря в Старобельске.

Среди главных событий, отмеченных докладчиком, — образование в 1989 г. Независимого исторического комитета по изучению катынского преступления (и издаваемые им сборники исследований «Катынские тетради»), обнаружение и передача в 1990 и 1992 гг. российской (советской) стороной полякам важнейших катынских документов, расследование катынского дела следственной группой ГВП СССР-России, польские раскопки в Катыни, Медном и Харькове в 1994-1996 гг., открытие в этих местах в 2000 г. польских воинских мемориалов. С.Ячинский подробно рассказал о сотрудничестве польских и российских историков и архивистов по изданию совместного многотомного труда «Катынь. Документы преступления», а также о публикации центром «Карта» списков репрессированных поляков («Указатель репрессированных»).

Журналист Станислав Янковский рассказал о судьбе двух простых рабочих — Урбана Францишека Проховника из Кракова и Миколая Марчика из Сталёвой-Воли, которые в апреле-мае 1943 г. побывали в Катыни в составе делегаций, организованных немцами

в пропагандистских целях. После посещения Катыни Проховник дал интервью контролируемым немцами польским изданиям, в котором рассказал об увиденном, фактически поддержав немецкое объяснение преступления. Под предлогом сотрудничества с немцами сразу после окончания войны он был арестован, однако избежал длительного наказания: с помощью жены ему удалось убедить следствие в том, что опубликованный текст не соответствовал реальным высказываниям в интервью. Пробыв год с небольшим в предварительном заключении, Проховник был освобожден, но еще в течение десяти лет должен был еженедельно отмечаться в милиции. Марчика арестовали спустя четыре года после войны, ему также вменялось то, что в 1943 г., несколько раз выступая перед рабочими на своем заводе, он говорил об ответственности СССР за катынское преступление. В феврале 1951 г. суд приговорил его к двум годам тюрьмы, время предварительного заключения было зачтено в срок, и через год он был условно освобожден. На мягкость приговора повлияли показания свидетелей — коллег по работе, которые утверждали, что в частных беседах он говорил о вине немцев за Катынь, но вынужден был выступать в русле немецкой пропаганды, опасаясь, что немцы узнают о его довоенном коммунистическом прошлом (он был коммунистом с 1929 г.).

Доклад автора этой заметки был посвящен проблеме так называемых «посторонних» поляков в катынских могилах — поляков, останки которых были идентифицированы во время немецких эксгумаций 1943 г., но чьи фамилии отсутствуют в этапных списках НКВД на отправку польских офицеров весной 1940 г. из Козельского лагеря в Смоленск (т.е. на расстрел). Существуют по меньшей мере два списка расхождений немецких эксгумационных и советских этапных данных — российского военного

историка Юрия Зори (543 фамилии) и польского военного историка Марека Тарчинского (230 фамилий). Эти списки «посторонних» уже несколько лет вызвали обоснованные вопросы исследователей: откуда взялись «посторонние» (т.е. не-козельские) поляки в Катыни? Внимательный сравнительный анализ немецкого эксгумационного списка с этапными списками НКВД показал, что упомянутые расхождения — мнимые, они вызваны преимущественно неверным написанием польских фамилий по-немецки и по-русски, причем ошибки поддаются систематизации и их довольно легко объяснить, учитывая условия составления списков, а также особенности польского, немецкого и русского языков. Основной вывод исследования: в Катыни захоронены только узники Козельского лагеря. Такой вывод служит дополнительным аргументом в пользу подлинности обнародованных в начале 90-х годов катынских документов, достоверность которых некоторые подвергают сомнению.

Последний, чрезвычайно интересный доклад сделал Михал Журавский, генеральный консул Польши в Москве в 1990-1997 гг., внесший огромный вклад в тесное взаимодействие Польши и СССР-России в пришедшемся как раз на эти годы расследовании катынского преступления. М.Журавский приехал в Москву спустя всего две недели после признания Советским Союзом ответственности НКВД за расстрел польских офицеров и передачи М.С.Горбачевым В.Ярузельскому этапных списков НКВД. Почти сразу М.Журавский впервые съездил в Катынь, а спустя месяц с небольшим встретился в Смоленске с майором КГБ Олегом Закировым, сообщившим ряд неизвестных ранее деталей катынского преступления и назвавшим несколько фамилий исполнителей и свидетелей. Спустя еще несколько дней по инициативе М.Журавского состоялась его встреча в международном отделе ЦК КПСС с сотрудниками польского сектора В.Светловым и В.Федоренко. На их вопрос, чем можно помочь господину консулу, тот сразу ответил: помогите в вопросе о Катыни. «Были три лагеря — в Козельске, Осташкове и Старобельске. Уже 47 лет известно, что узники Козельска погребены в Катыни, а где могилы узников Осташкова и Старобельска?» Через три дня, 26 июня 1990 г., ему принесли письмо без подписи, печати и даты: «Информируем, что местом захоронения польских пленных, содержавшихся осенью 1939 — весной 1940 г. в Осташковском лагере, является территория базы отдыха бывшего НКВД вблизи села Медное, в 30 км к северу от Калинина». На следующий день Журавский с несколькими журналистами и телевизионщиками поехал в Калинин, где встретился с представителями областного управления КГБ и узнал, что местная гражданская прокуратура уже ведет следствие и что согласно показаниям нескольких свидетелей преступление совершено сотрудниками НКВД. При участии М.Журавского и журналистов Г.Жаворонкова и Л.Буйко было выявлено и место захоронения офицеров из Старобельского лагеря — шестой квартал лесопарковой зоны на окраине Харькова. Так фактически начиналось новое советское катынское расследование. Летом 1991 г. М. Журавский несколько раз приезжал на эксгумации в Харьков и Медное, которые проводились в рамках следственных действий ГВП СССР. А в конце своего пребывания в России М.Журавский активно способствовал проведению польскими экспертами эксгумаций в Катыни и Медном (1994-1996 гг.), участвовал в подготовке сооружения польских воинских мемориалов, открытия которых в 2000 г. уже не застал. Однако М.Журавскому удалось и самому участвовать в торжественной церемонии открытия мемориала — но в Харькове, где он в 1998-2000 гг. опять работал генеральным консулом Польши.

После выступлений заявленных докладчиков состоялась часовая дискуссия, где обсуждались перспективы польского расследования и нынешние проблемы взаимодействия с российскими следственными органами, без которого, как уже говорилось, трудно рассчитывать на успех.

По сложившейся традиции, сессию очень четко провел полковник Марек Тарчинский, известный военный историк, бывший главный редактор польского военно-исторического журнала. Вместе с ним основную роль в организации конференции и своевременной подготовке ее материалов сыграла Божена Лоек, один из руководителей Федерации Катынских семей.

Лешек Волосюк

БОГ ПИШЕТ ПРЯМО ПО КРИВЫМ ЛИНЕЙКАМ

*О митрополите Андрее Шептицком,
кандидате на причисление к лику святых*

1.

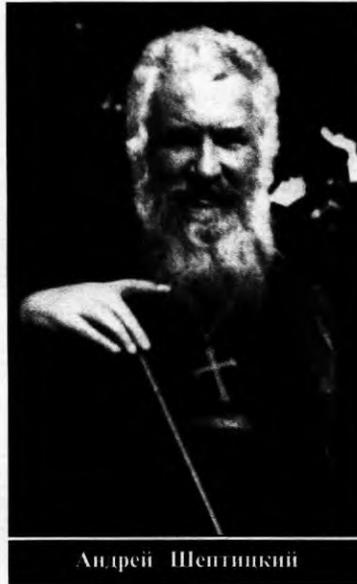
Ни один из пастырей того времени — всех христианских вероисповеданий! — не обращался так к своей пастве. Шла II Мировая война, демократические государства сражались с тоталитарным национал-социализмом Третьего Рейха при поддержке тоталитарного советского коммунизма, и в этих обстоятельствах многие соседние народы принялись сводить старые счеты, нанося новые травмы: счеты с прошлым бросали тень на будущее.

Что же должны были сделать христианские Церкви? Призвать своих исповедников — католиков, православных, протестантов — «блюсти святой закон любви к ближнему», а «тех, кто осквернен грехом убийства, звать к покаянию», как просил украинцев-униатов их митрополит? Церкви, которые осмелились бы это сделать, были бы объявлены — притом устами своей же паствы! — врагами народа, их обвинили бы в нелояльности государствам, в самом лучшем случае упрекали бы в пацифизме. Христианство в Европе потерпело поражение от бесчеловечных систем раньше — когда они начинали свою полную жестокостей жизнь после I Мировой войны.

В 20-е годы в России, на Украине, в Белоруссии, Грузии, Армении, на развалинах царской империи, после большевистской революции и гражданской войны возник СССР; объявив религию «опиумом для народа», он закрыл православные храмы (и тем более — все другие), а духовенство и верующих массово отправлял на Соловки и другие острова «архипелага ГУЛАГ».

Что же могли сделать Церкви всех вероисповеданий в 1939 году? Поддаться давлению времени и, самое большее (в СССР и это не разрешалось), послать на фронт капелланов. Слава Богу, они уже не освящали пушек, как это бывало в предыдущую мировую войну.

Я начинаю с этого свою статью об Андрее Шептицком, ибо вышеозначенные обстоятельства позволяют понять беспрецедентный характер его пастырского послания «Не убий» и исключительную личность автора послания. Митрополит Галицкий и Львовский верно осуществлял свою пастырскую миссию, защищая церковный народ, когда считал это необходимым, но и клеймя зло, увиденное им среди верующих, — тем не менее в Польше, в мире и в самой католической Церкви вокруг него накопилось немало недоразумений, а в СССР и сегодняшней России его либо

Андрей Шептицкий

представляли и представляют в невыгодном свете, либо замалчивают.

Фрагменты знаменитого послания я буду приводить в конце каждого раздела этой статьи, посвященной автору послания и историческому, политическому, религиозному контексту деятельности Андрея Шептицкого в одной из самых невралгических частей Европы.

В личном письме Папе Пию XII от 29-31 августа 1942 г. митрополит писал: «После освобождения немецкой армией от большевистского ярма мы испытали некоторое облегчение, которое, однако, продолжалось не дольше одного-двух месяцев.

Постепенно правительство ввело воистину невразумительный режим террора и коррупции, который со дня на день становится все тяжелей и непереносимей. Сегодня вся страна согласна, что немецкая власть — плохая, почти дьявольская, и, пожалуй, в еще большей степени, чем большевистская. Уже по меньшей мере год нет дня, когда не совершались бы самые отвратительные преступления, убийства, кражи и грабежи, конфискации и принуждения».

Напомню, что 1 сентября 1939 г. в Польшу вторгся Вермахт, а 17 сентября — Красная Армия. Хотя войска Третьего Рейха достигли Львова уже 12 сентября, город оборонялся, а когда в ночь с 17 на 18 сентября в предместья въехали советские танки, командующий обороной генерал Владислав Лангнер получил приказ главнокомандующего маршала Эдварда Рыдз-Смиглого, где говорилось: «Мы воюем только с немцами, с большевиками войны не ведем. По советским войскам не стрелять, разве что если они начнут атаку». 22-го армия вступила в город, 28-го был подписан новый советско-германский договор «О дружбе и границе», закрепивший четвертый раздел Польши, а 26-28 октября созванное во Львове Народное собрание Западной Украины приняло декларацию о присоединении к Украинской ССР. Так началась советская оккупация, продолжавшаяся до 22 июня 1941 года.

Перед лицом таких фактов греко-католический митрополит еще 17 сентября 1939 г. тайно назначил трех ексзархов для расширения миссии своей Церкви на территорию СССР: на Волинь, Холмщину и Полесье, на Европейскую Россию и Сибирь, на Приднепровскую Украину, а в сентябре 1940-го четвертого — на Белоруссию. Об этих назначениях епископов он сообщил в Ватикан постфактум, опасаясь, что там не согласились бы на расширение территории для униатов, так как это нарушало конкордат с Польшей, оставлявший униатские епархии исключительно на территории, ранее входившей в Австро-Венгрию. Принадлежавшие раньше России Волинь, Холмщина и Полесье остались православными, так как во Второй Речи Посполитой больше опасались украинских национальных чаяний в униатской Церкви, чем таких же чаяний у православных белорусов. Тогдашняя политика польских властей по отношению к национальным меньшинствам была плоха, были случаи разрушения православных церквей, особенно на Волини, где интенсивно по-

селяли поляков для колонизации этих земель, что во время войны принесло трагический результат — массовые убийства польского населения украинским подпольем (1942-1943). Идея расширения религиозной миссии не могла быть принята и в СССР, государстве программно атеистическом. Однако, когда началась Великая Отечественная война (как советская и нынешняя российская историография называют участие СССР во II Мировой войне с 22 июня 1941 по 9 мая 1945), Сталин начал считаться с религией и освободил часть выжившего духовенства из лагерей, в 1942 г. позволил выбрать Патриарха, чтобы при помощи армии вернуть православие повсюду, где оно господствовало до I Мировой войны. Хотя «воскрешенная» Церковь в атеистической державе носила декоративный характер, однако она годилась для укрепления СССР на землях, захваченных осенью 1939-го: в 1946 г. т.н. Львовский синод ликвидировал униатскую Церковь на Западной Украине, храмы были отданы православным, хотя и православные продолжали ограничивать.

Христос говорит: «Любите врагов ваших (...) и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего небесного: ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф 5,44-45). От этой величайшей и всеобъемлющей христианской любви к ближнему ради Бога самым позорным образом отрывается и разрушает ее в себе тот, кто допускает страшное нарушение заповеди Божией: «не убий». Убийца исключает себя из той общины Божией, из той семьи, какой, по Божественному Промыслу, должно быть человечество. В силу тяжкого греха против человеческой общины убийца отдаляется от нее и низводит на себя великое наказание Божие в вечности и страшное проклятие еще на этом свете.

2.

Не было ничего простого в частной и публичной жизни, в социальных и национальных корнях, в религиозной и политической деятельности человека, которым, как пишет Рышард Терлецкий («Знак», 1988, №8), «идея конфессионального объединения народа овладела еще в молодости, а позднее он обратился к мысли более глубокой — нести миссию объединения на Востоке». Он шел против течения национальных, общественных, политических, исторических и религиозных схем.

Будущий митрополит родился в римско-католической семье графов Шептицких в Пшилбичах (Восточная Галиция) 29 июля 1865 г. и в крещении получил имя Роман Александр Мария. Отец его Ян Шептицкий был помещиком, мать Зофья, урожденная Фредро, — дочерью знаменитого драматурга графа Александра Фредро.

Согласно документу «Генеалогическое древо рода Шептицких из Шептиц и Угерцец — своего собственного герба» (Львов, 1889), этот род ведет происхождение от галицких бояр (жалованная грамота князя Льва Даниловича) и делится на две линии: Шептицких из Шептиц и Шептицких на Угерцах. Польско-русинская семья дала Церкви трех епископов греко-католического обряда и двух — латинского, а Первой и Второй Речи Посполитой — многих военных: так, трое Шептицких приняли участие в обороне Вены при Яне Собесском, а брат митрополита Станислав был польским генералом и так же, как двое других братьев, Александр Мария Доминик и Леон Мария, держался латинского обряда. Еще один брат, Казимир, сменил обряд и был игуменом монастыря студитов.

Экзамены на аттестат зрелости будущий митрополит сдал в краковской гимназии св. Анны в 1883 г. и в возрасте 18 лет вступил в австрийскую армию. Карьеры он не сделал, в казармах переболел скарлатиной, а осложнения принесли ревматизм, который с тех пор мучил его постоянно и в старости приковал к постели. Изучение правоведения он начал в Ягеллонском университете, откуда через года перевелся во Вроцлав, тогда прусский, чтобы кроме правоведения изучать философию и богословие. В следующем году вернулся в Краков, где окончил университет в 1888 году. В 1889-1890 гг. он продолжил углубленные занятия правоведением и философией в Мюнхене и Вене.

Раньше, весной 1886 г., юноша побывал в Риме и, вернувшись, принял решение вступить в монашеский орден василиан и тем самым перейти в греко-католический обряд. Биографы считают, что для родителей это был удар, на самом же деле в их семье это не было исключением и во всяком случае выбор не рассматривали в категориях национального отступничества, даже если в тогдашней Галиции вероисповедание было принято отождествлять с национальностью: поляки принадлежали к римско-католическому (латинскому) обряду, а украинцы — к греко-католическому (восточному).

Важными в жизни Шептицкого — для его национального и религиозного самосознания — представляются 1887-1888 гг., когда он ближе познал Украину и в Киеве встретился с вдохновителями ее возрождения — Миколой Грушевским и Владимиром Антоновичем.

Возвратившись в Краков, он начал послушание у василиан (1 июля 1888), через год принес рясофорный обет и получил монашеское имя Андрей, под которым отныне и известен. В следующих два года (1890-1891) он продолжал занятия богословием у иезуитов в Кракове, а после того, как принес окончательный монашеский обет (22 августа 1892), был рукоположен во священники в Кристинополе. Ему тогда было 27 лет. Четыре года спустя (1896) он стал игуменом монастыря василиан во Львове, а еще через два года — преподавателем нравственного и догматического богословия в униатской семинарии. Очень молодым, в возрасте 34 лет, он возглавил епархию в Станиславове (епископскую хиротонию он получил во Львове в 1899 г.), где начал обновление униатской Церкви, посещая греко-католические приходы от Буковины до Закарпатья и положив начало строительству духовной семинарии. В следующем году Папа Лев XIII вверил ему кафедру митрополита Львовского, на которую он взошел 17 января 1901 г. (еще четыре года он продолжал управлять Станиславовской епархией, заканчивая строительство вышеупомянутой семинарии). Уже будучи митрополитом, он озаботился расширением семинарии в Перемышле для тамошней епархии, а самых способных священников со всей митрополии отправлял изучать богословие в Рим, Вену, Инсбрук и Фрайбург. Забота об образовании духовенства, строительство семинарий в епархиях и пополнение их собственными научными кадрами, а потом учреждение во Львове Богословской академии (1929) — во всем этом проявлялась забота иерарха об униатской Церкви, его внутренняя самостоятельность и готовность вести униатское миссионерство. И быстрый темп ученья в разных местах, и молниеносная церковная карьера (высший пост в униатской Церкви Шептицкий занял в возрасте 35 лет!) — все это свидетельствует о выдающихся способностях этого священника и о том, что Церковь их оценила. Это возбудило (и до сих пор возбуждает у историков) подозрения, что ему больше помогало аристократическое происхождение, нежели выдающийся ум и умение быстро усваивать правовые, исторические, философские

и церковные науки. Даже если это так и было, то он с избытком подтвердил возлагавшиеся на него надежды — как епископ и на протяжении 45 лет митрополит, то есть фактически глава если не всей униатской Церкви, то ее самой большой и значительной части, в трех епархиях митрополии группировавшей 3,5 миллиона верующих. А надежды на него возлагались как религиозные, так и национальные, соединявшиеся и у него самого, и в чаяниях верующих восточного обряда, все более сознательно относившихся к своей национальной принадлежности.

Удивительным образом обманывают себя и других те, кто считает, что политическое убийство — не грех. Как будто политика должна освободить человека от обязанности соблюдения Закона Божия и позволять ему оправдывать подлые поступки, противоречащие человеческой природе. Это не так. Христианин обязан соблюдать Закон Божий не только в частной, но и в политической и общественной жизни. Человек, который проливает невинную кровь своего врага, политического противника, — такой же убийца, как тот, кто делает это с целью грабежа. Он точно так же заслуживает наказания Божия и церковного проклятия.

3.

Шептицкий смолоду увлекался историей отчизны своих предков, особенно западными и южными частями Святой Руси — Галицкой Руси, где он родился, и Киевской, ибо в Галичине не забывали о традициях и богатстве «златого града».

Когда в XIX в. на Подолье, Волыни и по обе стороны Днепра стало нарастать чувство национальной особенности, ее «будители» все чаще говорили об Украине и украинцах, а не о Руси и русинах, как называли поляки территорию и население за верхним и средним течением Буга и Сана, и не о Малороссии и малороссах, как называли историческую территорию Киевской Руси и ее жителей русские. Историческое, культурное и языковое самосознание народа крепло издавна и, становясь все более сознательным и общераспространенным, вело к чаяниям отделения от соседей. В последние десятилетия века все чаще появлялось название Украины как будущего государства, а многие ее жители стали называть себя украинцами. Соседи реагировали на этот процесс алергически, долго не принимая его к сведению, а некоторые фактически не приняли этого и сегодня.

Поляки, хоть сами уже сто лет были лишены государства и рассеяны в империях «трех черных орлов» (России, Пруссии и Австрии), не представляли себе, что можно отступить от status quo ante — того, что было до разделов Польши, несмотря на то, что от «весны народов» (1846-1848) национальное status quo на территориях бывшей Речи Посполитой явно давало о себе знать. Униатскую Церковь упрекали в том, что она единила русинов и поляков, но при этом не помнили, что униатство не повсюду привилось, а чем дальше к востоку от Бреста, где в 1596 г. объявили Унию, тем больше верующих оставались православными; к тому же кроме Восточной Галиции униатов больше не было, так как Екатерина II после первого раздела Польши «вернула» православия полтора миллиона верующих (из 4,5 млн. грекокатоликов в Первой Речи Посполитой), Николай I — еще полтора миллиона в Литве, Полесье и на Волыни, а последних 260 тыс. униатов из Царства Польского «обратил» Александр II в 1875 году.

Еще хуже чаяния украинцев воспринимали русские, привыкшие южную часть «Святой Руси» называть Малороссией (не Древней Русью, не Киевской — на полвека старше Московской, но Малороссией в отличие от Великороссии). Ее жителей называли малороссами, говорящими на южном диалекте русского языка и тоже исповедующими православие. И по сей день там нередко считают «сферу кириллицы» доказательством существования «единства трех народов», а в отстроенных церквях встречаются надписи: «Латинский шрифт — первый грех против православной веры». В Петербурге и Москве помнили, как Екатерина запретила вести богослужение с украинским выговором (речь шла не о языке — он оставался и остается церковнославянским, — а о произношении), а Павел I запретил воздвигать храмы в украинском стиле.

Россия XIX века — это вершина имперской мощи, с которой уже виден ее закат. В эпилоге очерка «В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVI века» (М., «Мысль», 1988) я читаю: «Двадцатого января тысяча восемьсот первого года казакам донского атамана Василия Орлова приказано идти в Индию. Месяц дается на движение до Оренбурга, а оттуда три месяца «через Бухарию и Хиву на реку Индус»».

За имперские амбиции русские платили высокую цену, как и Германия, откуда вышла доктрина Клаузевица о войне как продолжении политики другими средствами. Я начал с приказа начала XIX века, закончу эту российскую синусоиду обращением к проигранной русско-японской войне 1904-1905 гг. В романе Валентина Пикуля «Честь имею (Исповедь офицера российского Генштаба)» я прочел: «Сейчас многие офицеры подают в отставку, ибо везде, где ни появятся, их подвергают презрению и насмешке. Дело доходит до того, что офицер стыдится носить свой мундир, стараясь появляться в штатском. Даже израненные казаки не вызывают сочувствия, а безногим нищим подают намного больше, если они говорят, что ногу отрезало на углу Невского и Литейного трамваем, а к Мукдену и Ляояну они никакого отношения не имеют».

Если к этому прибавить, что Киев для России — то же, что Гнезно для поляков, что он славится как «мать городов русских», то с этой точки зрения стремление «малороссов» с берегов Днепра «великороссы» с берегов Москвы-реки и Невы воспринимали так, как если бы жители Великопольши возжаждали своего государства.

Обращение к умонастроениям соседей показывает, что стремление Шептицкого и его соотечественников и собратьев по вероисповеданию не могли тогда понравиться ни православию и России, ни католицизму и Польше.

Жажда крови может стать ничем не сдерживаемой страстью, при которой самое большое наслаждение — мучить и убивать людей! Убийца, который доходит до такой жажды крови, который с садистским пристрастием упивается видом страданий, мук и смерти ближнего, становится, конечно, в большой мере опасным для окружения, в котором он живет. Подлый поступок становится для него необходимой, повседневной пищей, без которой он страдает и мучится, будто его терзает какая-то болезнь жажды и голода, которые он должен удовлетворить. Несчастны люди, осужденные на общение с таким злодеем! В таком обществе будут погибать дети, будут совершаться преступления, а преступников будет трудно отыскать!

4.

Первые годы своей деятельности «милостью Божией и по благословению Святого Римского Апостольского Престола митрополит Галицкий и

Львовский» посвятил упорядочиванию внутрицерковных дел, расширению семинарий в епархиях, закладывая фундамент под возрождение и влияние униатской Церкви. Тогда же он начал и серьезную политическую деятельность, став в 1910 г. депутатом Сейма Галиции, а два года спустя — членом верхней палаты венского парламента. «С того времени все важнейшие политические события украинского мира в Восточной Галиции совершались по консультации с ним, и он активно в них участвовал», — пишет Р.Тожецкий.

Первой помехой на пути церковной и национальной миссии стала для Шептицкого I Мировая война, которая вместе с русской армией вторглась в Восточную Галицию уже в 1914 году. Царь немедленно прислал чиновников, чтобы под эгидой губернатора оккупированной Галиции и Буковины графа Бобринского и холмского епископа Евлогия восстановить православие. Униатское общество, особенно на селе, отнеслось к русским с симпатией, и в 1914-1915 гг. здесь возникло 200 православных приходов. Галиция тех лет — еще один клинический пример захватнических целей русского православия, связанного с властью: где бы оно ни оказывалось вместе с русской армией (и даже с советской и «самодержавным» Сталиным!), оно немедленно аннексирует униатские церкви для себя и России. Противившегося этим методам Шептицкого вывезли в Россию вместе с греко-католическими священниками — то же трагически испытало на себе униатское духовенство в 1945 году.

Во Львов митрополит вернулся после февральской революции. Когда в ноябре 1918 г. кончилась I Мировая война, Львов и Восточную Галицию после коротких боев с украинцами заняли поляки. Это произошло вопреки планам украинских движений, стремившихся создать здесь Западно-Украинскую Народную Республику, чтобы вместе с создававшейся на востоке страны Украинской Народной Республикой Симона Петлюры призвать к жизни украинское государство. За участие в этих замыслах польские власти в январе 1919 г. подвергли митрополита домашнему аресту в его резиденции — монастыре св. Юра (Георгия).

Летом 1921 г. он поехал в Рим, чтобы отчитаться о предпринятых во время войны стараниях расширить униатскую миссию на Востоке и получить указания на будущее. Поездка была долгой и имела также политическую цель — убедить политиков в Италии, Франции, Бельгии, Голландии и США (в странах доживавшей последние дни

Антанты) в необходимости создания Западно-Украинской Народной Республики и получить материальную помощь на восстановление этих земель. С этой целью Шептицкий посетил также украинскую диаспору в США, Бразилии и Аргентине. Политической поддержки он не получил, но всюду говорил о миссионерских возможностях униатской Церкви. Его активность за границей беспокоила варшавские власти, и в сентябре 1923 г., когда митрополит возвращался, его задержали на границе и направили в Познань. Вскоре, однако, он вернулся во Львов к управлению митрополией.

Тут, пожалуй, время и место поставить серьезные вопросы о религиозной и национальной деятельности митрополита и результатах, какие она в то время принесла. Если бы Шептицкий не стремился к созданию украинского государства (Западно-Украинской Народной Республики с объединяющей народ униатской Церковью), а удовлетворился автономией внутри польского государства — не принесло ли бы это больше результатов (и лучшие результаты) и украинцам в Польше, и украинским униатам, раз именно тут выжили и греко-католическая Церковь, и украинский дух? Но согласилось ли бы возрождающееся польское государство на такую автономию, если до самой II Мировой войны оно не выработало разумной политики по отношению к меньшинствам, не позволило униатской Церкви расширить свое пространство за пределы епархий, существовавших на землях, захваченных Австрией, а украинцам — даже прилично развить свое среднее образование, не говоря о высшем? Есть еще и украинско-русские и даже украинско-советские вопросы, тоже с религиозным оттенком с обеих сторон (включая советскую!). Собирался ли Шептицкий превратить православных украинцев в грекокатоликов, чтобы сделать это вероисповедание костяком возникающего государства, если история униатства учит, что оно всегда скорее порождало конфликты с православием, легко разжигаемые и используемые с российской стороны политиками всех властей (от самодержавия до диктатуры пролетариата)? Могли ли Россия и русское православие смириться с существованием украинского государства и преобладающей в нем или хотя бы занимающей значительное место униатской Церкви, если они и по сей день делают что могут, чтобы поставить в зависимость не только возникшее в 1991 г. соседнее государство, но даже украинскую православную Церковь, не смиряясь не с одной лишь униатской Церковью, но и с отдельным Киевским Патриархатом для украинских православных?

Убийство — повторяющийся грех в нашей епархии. Митрополичий ординариат письмом от 27 марта 1942 г. установил убийцам наказание церковным проклятием, каковое проклятие может налагать тот же ординариат. Хотя проклятие не в том состоит, чтобы верующие избегали христианина, подвергнутого церковному наказанию, тем не менее пастыри должны поучать народ, объясняя природу проклятия и ее последствия так, чтобы вся община вместе с ее пастырем трудилась над приведением этих несчастных людей, которые своими дурными поступками навлекли на себя проклятие, к смирению и исправлению. Всеми методами: многократно повторяемыми напоминаниями, уклонением от контактов, решительным уклонением от семейных связей с ним — пусть община даст убийцам понять, что их считают заразой и опасностью для деревни. Когда никто из деревни не поздоровается со злодеем, никто не впустит его в дом, никто с ним не станет разговаривать, когда ни одна семья не согласится породниться с ним и даже в церкви христиане будут от него отодвигаться, когда на дороге люди будут избегать встречи с ним, когда никто ему ничего не продаст и ничего у него не купит — тогда, может быть, он обратится и начнет жизнь в раскаянии и труде над исправлением.

5.

Вернувшись во Львов, Шептицкий стремился быть по-над украинскими политическими группировками. Он доброжелательно относился к возникающему христианско-демократическому движению, останавливал крайний национализм, запретил священникам принадлежать к Организации украинских националистов (ОУН), но не запрещал сотрудничать с ней, однако с целью влиять на ОУН.

В 1930 г. он резко протестовал против польской операции по усмирению украинцев, а в 1937-1939 гг. — против сноса православных церквей на Волыни и Холмщине, а также против гонений на христиан в СССР. В 1939 г. после подписания пакта Молотова—Риббентропа митрополит огласил призыв к украинцам оставаться нейтральными в польско-немецком конфликте, что, правда, не удовлетворило польские власти, но было реальным возражением в ответ на вспыхнувшее среди украинцев антипольское восстание.

Исповедники должны приложить все старания, чтобы привести покающихся к «достойным плодам раскаяния». В том случае, если с них снимут отлучение, пусть они помнят, что покание за убийство человека должно быть адекватно степени зла этого деяния.

6.

Во вступительной части статьи я писал о том, как вел себя униатский митрополит во время советской оккупации. Оценить его роль во время немецкой оккупации, начавшейся 22 июня 1941 г., еще труднее. Уже 1 июля он выпустил заявление, приветствующее Вермахт, но быстро разобрался в своей ошибке, чему служат доказательством последовавшие за этим письма, пастырские послания и действия. В декабре того же года он осудил политические системы, противоречащие христианским принципам. Он отмежевался от нацизма и коммунизма, в частности, в пастырском послании к духовенству, обнародованном в феврале 1942 года. В мае митрополит выпустил окружное послание против участия в убийствах единоплеменников, евреев и других людей, а в вышецитированном письме Папе от 29-31 августа того же года (где признавал свою ошибку в оценке Третьего Рейха) Шептицкий одним из первых сообщал Пию XII о зверствах гитлеровцев по отношению к покоренным народам, говоря и о массовом уничтожении евреев: «Число евреев, убитых в нашей малой стране, наверняка перешло за двести тысяч. По мере продвижения армии на восток число жертв росло. В Киеве за несколько дней были убиты до ста тридцати тысяч мужчин, женщин и детей. Все маленькие городки на Украине были свидетелями подобных массовых убийств, а продолжается это уже год». Шептицкий сообщал, какие предпринимаются попытки остановить такой ход событий: «В пастырских посланиях — разумеется, конфискованных — я протестовал против народоубийства; все-таки четыре-пять раз их удалось прочесть собравшемуся духовенству. Я объявил, что убийцы подлежат отлучению от Церкви. Протестовал также в письме к Гиммлеру и старался предостеречь молодых от записи в милицию, где они могут подвергнуться растлению». Опасения митрополита шли дальше: «Мы предвидим, что система террора будет нарастать и с наибольшей силой обернется против украинских и польских христиан».

В годы войны митрополит созывал синоды, на которых постоянно запрещал священникам покидать свои приходы и требовал, чтобы они хранили своих прихожан в соблюдении заповедей веры. Еще раньше, в декабре 1939 г., он посвятил в епископы и назначил своим преемником о. Иосифа Слипого.

По национальным вопросам (раздела Украины, жестокости немцев с населением) митрополит обращался даже к Гитлеру. Больного старика не арестовали только ввиду его популярности среди соотечественников и опасений за спокойствие в тылу Восточного фронта. О чем свидетельствуют его письма Гитлеру и Гиммлеру — об отваге или о наивности? Никакие сравнения тут не подходят, потому что главы других вероисповеданий не писали вождям Третьего Рейха во время войны, а если выступали *in gremio* — как голландский епископат в 1941 г. по вопросу о насилии к гражданам страны, в том числе и евреям, — то гитлеровцы немедленно накладывали ограничения на их деятельность. Письма митрополита Галицкого и Львовского остались редким, если не единственным, свидетельством христианского поведения.

Высказываются сомнения и по поводу соглашения, которое митрополит дал на участие капелланов в отрядах украинского вооруженного подполья и частях, сотрудничавших с Вермахтом (батальоны «Нахтигаль», «Роланд», дивизия СС «Галичина»), а также на присутствие иерархов трех галицийских епархий на немецко-украинских встречах. Учитывая время и место, а также известную позицию митрополита, согласно которой его Церковь всюду должна быть со своим народом, трудно представлять в дурном свете его одобрение пастырскому окормлению партизан и солдат частей, создававшихся немцами или по их разрешению. Капелланам предстояло сдерживать «неописуемую деморализацию, какой подвергались простые и слабые люди», которые «учатся злодейству и преступлению народоубийства, теряют чувство справедливости и человечности». Ибо так, без всяких оговорок, он видел верующих (из письма к Папе). Что касается участия в немецко-украинских встречах, то более уместным будет вопрос о добровольности и глубине коллаборационизма.

Открытым остается вопрос об отсутствии отзвука среди тогдашних украинцев, конкретно — среди военачальников украинского подполья в 1941-1943 гг. Это огромная и все еще неизученная тема, порождающая ряд вопросов: и о корнях социаль-

ной и национальной обиды украинцев в отношениях с поляками в межвоенный период, которая так ужасно взорвалась в 1942-1943 гг., и о реализме в оценке международных условий (включая участие гитлеровских и советских служб), и о безнадежной вере в общность интересов с Третьим Рейхом, и о попытках примирения мельниковцев с бандеровцами в украинском подполье, и, наконец, о смертельном шовинизме украинских националистов, принесшем отравленные плоды (смертельном и для них самих). Это всё, однако, не вопросы о позиции униатского иерарха: его позиция оставалась гуманной и христианской, в тех условиях — героической, он дал эпохе свидетельство как христианин. «Аристократ не только родом и именем, но духом и деянием, несмотря на тяжелую болезнь» (как говорит о нем Р.Тожецкий), митрополит Шептицкий всей силой своего авторитета противостоял братоубийственной борьбе, вдохновлял украинско-польские переговоры в 1942-1944 гг., во имя христианской любви и чувства национального достоинства украинцев призывал их прекратить бои, в частности в послании «Мир о Господе» (опубликовано в подпольном журнале Фронта возрождения Польши в начале 1944-го). Высокой нравственной оценки не снижает тот факт, что его предостережений, призывов и заклинаний не всегда слушались. Это уже тема для другого рассказа.

Призывая к усиленной и решительной проповеди любви к ближнему, а также к энергичной борьбе со всякими нарушениями заповедей «Не убий», я обращаю особый призыв к благочестивым христианам, монастырям и монашеским орденам, братствам и, может быть, прежде всего к невинным детям в школах — умоляюще прося их молиться о мире между самими украинцами. Мы молимся о мире для всего человечества, ибо то жуткое несчастье, каким стала для человечества нынешняя война, показывает нам каждый день, как нужен людям мир. Если же мы молимся о мире для всего человечества, то насколько же ревностней должны мы молиться о мире среди нашего народа, о внутреннем мире, о прекращении ненависти, вражды и, я говорю это со слезами на глазах, кровопролития.

7.

Митрополит Андрей Шептицкий скончался 1 ноября 1944 г. во Львове — город и Галичина уже с июля снова были в составе СССР. В похоронах митрополита участвовали представители всех вероисповеданий и советских властей.

На следующий год произошло то, что всегда происходило, стоило русской армии вступить на новую территорию, даже если на этот раз она называлась Красной Армией, а с 1945-го — советской. И на этот раз власть созвала во Львове синод. И синод состоялся без духовенства. И ликвидировал греко-католическую Церковь. И часть храмов передал православной Церкви, а остальные закрыл. А иерархов, священников и самых преданных верующих еще раньше отправили вглубь СССР, чаще всего в Сибирь. А оставшиеся ушли в подполье. И вышли оттуда через четыре с лишним десятилетия.

Вся жизнь слуги Божьего (такое наименование употребляет католическая Церковь по отношению к тем, чей процесс беатификации идет) Андрея Шептицкого прошла под знаком расширения униатства и превращения его в фактор, единящий украинцев. И шире — Восток с Западом. И глубже — восточное христианство с западным, чтобы христианство могло — повторю любимую метафору Иоанна Павла II — дышать обоими легкими. В первой половине XX века Шептицкий вместе со своим народом оказался между разогнавшимися маховиками мощной машины истории, вооруженной историческими, политическими, национальными, религиозными и идеологическими аргументами. Но он дал свидетельство. Сегодня его можно поставить рядом с такими свидетелями той эпохи, которые свое свидетельство оплатили жизнью, — святыми Максимилианом Кольбе и Эдит Штейн. Он опередил свою эпоху. На пороге XXI столетия чаяния его и его народа постепенно начинают сбываться. Восток постепенно приближается к Западу. Пора двум разделенным в 1054 г. обрядам устремиться к единству. Ныне, сорок лет спустя после II Ватиканского Собора, во имя учения Христа, а не той или иной власти, того или иного народа, организованного в то или иное государство. «Царство Мое не от мира сего», — сказал Тот, Чье имя я призываю и Кому привычно было писать прямо по кривым линейкам.

Александр Гогун

ЭРИХ КОХ И СИДОР КОВПАК НА «КРЕСАХ ВСХОДНИХ»

Тема украинско-польского конфликта на Волыни и в Галиции в годы нацистской оккупации приобретает в последнее время все большую актуальность. И совместное заявление Квасневского и Кучмы от 11 июля 2003 г.* в общем и целом не снизило накала споров. Новый президент Украины Виктор Ющенко пытается провести через парламент закон о признании Украинской повстанческой армии воюющей стороной во II Мировой войне, а ветеранов ОУН-УПА обеспечить льготами и пенсионными надбавками на государственном уровне. Польша дипломатическими путями препятствует подобным инициативам новых украинских властей. Пока проблема носит политический характер, историки в который раз стараются тщательно исследовать причины и предпосылки резни в Западной Украине в 1943-1944 годах.

При этом исследователи волынской трагедии обращают внимание на весьма странный факт: бойня началась не в традиционно националистической Галиции, откуда Организация украинских националистов (ОУН) в межвоенные годы черпала большинство кадров, а на территории более спокойной православной Волыни. Впервые публикуемый документ из германского федерального архива как раз и объясняет, почему УПА возникла и начала свою деятельность, в том числе и антипольскую, на территории нынешних Волынской и Ровенской областей Украины.

Волынян — как украинцев, так и поляков — довел до остервенения рейхскомиссар Украины, махровый украинофоб Эрих Кох. Еще в бытность нацистским гауляйтером Восточной Пруссии он за свою прокоммунистическую деятельность и леворадикальные взгляды получил кличку «Эрик Красный», а в годы войны за стиль руководства удостоился от товарищей по партии другого милого прозвища — «Второй Сталин».

Приводимый ниже документ описывает последствия его деятельности. Автор этого свидетельства эпохи — немецкий дипломат Отто Бройтигам, в межвоенный период служивший в Иране, немецких диппредставительствах в СССР и Франции. В годы советско-германской войны он возглавил общий отдел первого управления (оно же управление политики) министерства по делам оккупированных восточных областей, сокращенно — Восточного министерства, *Ostministerium* — ОМi). Возглавлял эту массивную и неэффективную бюрократическую машину теоретик Национал-социалистической германской рабочей партии, прибалтийский немец Альфред Розенберг, известный своими антисемитскими, а также русо- и полонофобскими взглядами. Несмотря на столь высокий пост, полномочий у Розенберга было не так много. В частности, его непосредственный подчиненный, рейхскомиссар Украины Эрих Кох постоянно апеллировал лично к Гитлеру и саботировал приказы Розенберга, который выступал за создание украинского государства под немецким протекторатом и призывал «Второго Сталина» быть с украинцами не таким зверем. Розенберг открыто критиковал Коха, а также безуспешно пытался интриговать против своего подчиненного, последовательно проводившего украинскую политику самого фюрера, считавшего восточных славян недочеловеками.

Нижеследующий документ составлен Бройтигамом в начале января 1944 г. и перенаправлен руководству Восточного министерства, для того чтобы Розенберг использовал изложенную в нем информацию

* Отрывок из совместного заявления А.Квасневского и Л.Кучмы: «Склоняя голову перед жертвами злодеяний и всех трагических событий, которые имели место в общей истории, мы убеждены, что взаимное прощение будет первым шагом к полному примирению молодых поколений украинцев и поляков, которые полностью освободятся от предубеждений трагического прошлого. Мы глубоко ценим и разделяем каждое слово, которым прощают, и слово, которым просят прощения, если оно идет от души».

в борьбе против «коричневого короля Украины» Коха и с фактами в руках мог как-то воздействовать на Гитлера в направлении корректировки его «восточной политики». Документ, составленный на немецком языке, находится в Федеральном архиве ФРГ в Берлине, фонд Р-6 (Восточное министерство), дело 244, листы 52-53 (Bundesarchiv, Berlin. R 6/244, S.52-53).

Управление общей политики

Берлин, 15.1.1944.

P/56/44g

Секретно!

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Главной задачей гражданской администрации в тылу борющихся войск было установление порядка, обеспечение безопасности путей снабжения и, по возможности, максимальное использование хозяйственных сил страны. Рейхскомиссар Украины оправдывает свою подвергаемую сильной критике политику притеснений тем, что она вызвана необходимостью наиболее эффективного хозяйственного использования.

Руководитель особого штаба аграрного порядка, который в эти дни через Галицию возвращался с Украины, сообщил мне следующее:

Волынь и Галиция находились до начала этой войны под польским господством и были оккупированы Советами. Хозяйственная структура обеих областей в общем одинаковая. После ухода Красной Армии Галиция перешла в административное управление Генерал-губернаторства, Волынь — к Рейхскомиссариату Украина. Работа началась при одинаковых условиях. Результаты были следующие:

В Галиции в 1943 году было собрано 470 000 тонн зерна, на Волыни — 7000 тонн. Галиция — совершенно замиренная область, в которой только в последнее время из-за приближения фронта стали заметны некоторые полностью войсковые партизанские группы. На Волыни, напротив, господствует всеобщее народное восстание. Разница последствий управления проявляется точно на границе обеих областей.

В то время как даже сейчас через Галицию можно просто проехать, проезд по дорогам Волыни возможен только под охраной. О народном восстании на Волыни сообщал уже летом этого года генерал-комиссар Шёне.

Поэтому выводы следующие:

Цель — покой и порядок в тылу сражающихся войск и обеспечение безопасности снабжения — в Галиции достигнута, на Волыни не достигнута совершенно.

Хозяйственное использование Галиции полностью и совершенно удалось, хозяйственное использование Волыни провалилось.

Утверждение, что в Рейхскомиссариате Украина проводимая политика успешна для выполнения хозяйственных заданий, неверно. Это было также подчеркнуто в недавно появившейся статье руководителя отдела военной администрации доктора Штока в национал-социалистическом [бюллетене] «Ландпост», где напечатано, что необходимо «согласовать требования общей политики и аграрной политики». Если бы проводимая до настоящего момента политика, которую отстаивает рейхскомиссар Украины, послужила интересам экономики, высокопоставленный чиновник нашей сельскохозяйственной администрации не мог бы высказать эти претензии.

При сем,

Господину рейхсминистру [Альфреду Розенбергу] Подпись (неразборчиво), 19/1

Господину постоянному представителю рейхсминистра

Господину начальнику управления политического штаба, второй главный отдел

[В] главный отдел прессы и пропаганды

Для тек[ущего] ознакомления.

Бройтигам (от руки)

Население Галиции, полтора века входившей в состав лоскутной империи Габсбургов, спокойнее, чем волыняне, воспринимало сам факт господства немцев. Кроме того в Генерал-губернаторстве, которое нацисты создали на месте Польши, его руководитель Франк стремился использовать украинцев в качестве противовеса полякам. А подчиненный Франка губернатор Галиции Отто Вехтер, который одновременно занимал довольно высокий пост в ведомстве Гимmlера, вообще выступил с инициативой создания украинской дивизии Ваффен-СС, набор в которую начался весной 1943 года.

Интересно, что незадолго до появления приведенной выше записки Бройтигама влиятельная коллаборационистская структура в Галиции — Украинский центральный комитет (УЦК) во главе с Владимиром Кубийовичем — высказывала опасения, что с Волыни межэтничный конфликт может перекинуться в Галицию. Сотрудничавшие с немцами украинские интеллигенты и администраторы открыто указывали причину, по которой Галиция постепенно «волынизировалась»: рейд партизан Сидора Ковпака, проведенный летом 1943 года. Эта операция, за которую Ковпак получил свою вторую золотую звезду Героя Советского Союза, показала слабость оккупационной администрации и в значительной мере развязала руки бандеровцам, в тот момент уже всюю воевавшим на Волыни. Радикалы из ОУН, создавшие в Галиции летом-осенью 1943 г. Украинскую национальную самооборону (УНС), попали под критику УЦК, в начале октября 1943 г. выпустившего «Тезисы УЦК об акции поддержания украинского правопорядка в Галиции». Документ, составленный на украинском языке, находится в Центральном государственном архиве органов высшей власти и управления Украины (ЦДАОВВіУУ, ф.3959с, оп.1, д.5, лл.1-6), и публикуется с незначительными сокращениями, отмеченными многоточиями (если удалена часть предложения) или многоточиями в скобках (если предложение удалено целиком):

...Галиция, которая до настоящего момента была образцом порядка и покоя, несколько недель назад вошла в критический период. Существует угроза, что наш край может скатиться в бездну анархии и беспорядка. (...)

Рейд большевистских партизан потряс спокойную жизнь Галиции, недобитки большевистской банды разбрелись по всему краю и разворошили разные преступные элементы...

Плановое отступление немецких войск на Восточном фронте создало панику среди части нашего общества, а это существенно облегчило врагам их разлагающую работу.

Формирование Галицкой дивизии поставило в один фронт против творческой работы позитивного лагеря украинства всех его врагов — большевиков, поляков и украинский разрушительный лагерь уничтожения и анархии (к таковому УЦК относил бандеровцев. — А.Г.). Все эти силы на свой лад повели бешеную агитацию против дивизии и ее добровольцев. Для противостояния дивизии украинский разрушительный лагерь начал звать украинскую молодежь в лес, будто бы для военного обучения.

Вследствие всего этого произошло массовое дезертирство из Украинской службы родине (организация, проводившая стратегически важные работы. — А.Г.), около 30 000 украинских юношей недостает в трудовых лагерях, что привело к существенным осложнениям в строительстве военно-важных объектов на территории Галиции. Массовое дезертирство повлекло за собой резкое обострение административных отношений в этом регионе.

Все чаще случаются убийства как украинцев, так и поляков.

Какие-то темные силы и отбросы общества жируют на низменных инстинктах и подстрекают людей к межнациональной войне и резне.

Под влиянием непрекращающейся агитации вражеских агентов все чаще происходят случаи, когда крестьянские низы утрачивают здоровое отношение к необходимым повинностям военного времени. (...)

Все чаще происходят вооруженные выступления против украинской полиции как одного из носителей порядка.

Наконец в Галиции появились украинские партизанские отряды, пришедшие с востока, которые пытаются сознательно «волынизировать» Галицию, т.е. создать такую ситуацию, которая сегодня наблюдается на Волыни, — ситуацию полного хаоса, уничтожения и разрухи всей украинской жизни. (...)

Источник анархии есть в обоих народах — как среди поляков, так и среди украинцев. (...)

Кто зовет украинскую молодежь в лес, тот осознанно или неосознанно работает на ее уничтожение. Заслуживающее внимания военное обучение при современном положении военного дела [в лесу] невозможно. Кто... зовет нашу молодежь, цвет народа, в лес, тот, даже если он великий идеалист, даже если у него добрые намерения, в своей политической недалекости ведет эту молодежь к неминуемой гибели. (...)

Кто посягает на жизнь или имущество кого-то из жителей нашего края — вне зависимости от их национальной принадлежности, — тот враг украинского народа. (...)

Кто обостряет и разжигает межнациональную польско-украинскую борьбу, тот вредит украинскому делу и помогает большевизму. (...)

Волянь — пугающий пример того, как из-за недалёковидности различных деятелей, в том числе и украинского подполья, создаются хорошие условия для большевистской работы...

Сегодня Волянь — это одно большое пепелище, сотни сожженных сел, многие тысячи человеческих жертв. Уничтожено все, что наживалось долгими годами, уничтожена вся украинская интеллигенция, пропали все возможности национальной работы. Вот ужасный итог работы безответственных людей...

Кто хочет использовать патриотический запал нашей молодежи и ее политическую неподготовленность для того, чтобы печальный воляньский эксперимент повторить в Галиции, того осудит украинская история и весь украинский народ. (...)

В области школьной работы [в Галиции]: все народное школьное образование украинизировано, отстроены гимназии, семинарии, как никогда прежде развернуто профессиональное образование, созданы университетские институты с важнейшими факультетами и могучая организация украинских учителей.

В государственной администрации: украинизировано самоуправление, создана украинская полиция, тысячи наших людей заняли государственные посты, украинизированы суды, несколько тысяч наших людей работают на железной дороге и почте.

Широко, как никогда ранее, развернуты организации общественной опеки и помощи наиболее нуждающимся. На эту цель выделены десятки миллионов.

Весь край покрыт густой сетью образовательных и культурных центров. Всюду воссоздана культурная жизнь (...).

Создан целый ряд общенациональных организаций, все они работают для строительства национальной жизни.

И все это добыто в труднейших условиях военного времени. Все эти достижения — необходимый фундамент для дальнейшего национального строительства.

Сегодня все это оказалось под угрозой анархии и хаоса...

Бандеровцы смогли довести ситуацию до требуемого им накала, и в конце 1943 — начале 1944 г. развернуть деятельность УПА также на территории Галиции, где они тоже начали антипольский террор. Только 1 сентября 1944 г. перед лицом новой опасности — НКВД — руководство группы УПА-Запад, воевавшей в Галиции, отдало приказ: «...массовые антипольские акции прекращаются». Отныне предписывалось уничтожать только тех поляков, которые помогали большевикам или воевали против украинцев в АК.

Накал украинско-польского межэтнического противостояния начал спадать. Понятно, что в данном конфликте виноваты оба народа, но при этом нельзя забывать, кто — вольно или невольно — способствовал созданию условий для возникновения и развития этой драмы.

Сергей Шевченко

ЦЕНТРАЛЬНАЯ УКРАИНА В ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЯХ С ПОЛЬШЕЙ И РОССИЕЙ

В XIX веке территория Центральной Украины входила в состав Херсонской и Киевской губерний Российской империи. Благодаря географическому положению этого края через него неоднократно проезжали видные представители славянских культур, направляясь с севера на юг или наоборот. Это относится, в частности, к Адаму Мицкевичу. За участие в национально-освободительном движении его выслали в «отдаленные от Польши губернии».

Вначале Мицкевич прибыл в Санкт-Петербург, чтобы получить конкретный адрес назначения. Не исключено, что в столице империи он мог познакомиться и с уроженцем Центральной Украины (г. Новомиргород), одним из директоров Думы Северного общества декабристов, будущим начальником штаба восстания на Сенатской площади Евгением Оболенским. А между тем, получив направление в Одессу (как пишет М.Живов, министерство народного образования предоставило ему самому избрать место будущей службы), в январе 1825 г. Мицкевич выехал туда через Киев. В феврале он прибыл в Елизаветград (теперь Кировоград).

Вместе со своим товарищем Ю.Ежовским, тоже получившим назначение в Одессу, Мицкевич представился в Елизаветграде начальнику южноукраинских военных поселений генералу графу Витту (кстати, сыну польского генерала), который негласно руководил и полицейской агентурой. Витт был заблаговременно предупрежден о прибытии поляков в Елизаветград письмом министра образования Шишкова, описавшего их прошлое и изъявившего желание «написать начальству Ришельевского лица принять их в это учебное заведение для преподавания тех наук, которым они обучались в Виленском университете». Здесь же указывалось, что через бедность Ежовского и Мицкевича им выдано, кроме прогонных денег к Елизаветграду, «на дорожные издержки». Направленный в Одессу курьер привез в Елизаветград информацию об отсутствии там вакансий. Но Витт все же отправил

поляков в причерноморский город. В Елизаветград Адам Мицкевич мог бы заехать еще и осенью 1825 г., когда из Одессы его перевели в Москву. Но поэту запретили ехать тем же путем через Киев.

Факт посещения известным писателем Елизаветграда увековечен в мемориальной доске, открытой уже в советские времена, на здании облсанэпидемстанции по улице Пушкина (до революции Нижняя Быковская). В тексте надписи говорится: «В этом месте, в доме бывшей конно-почтовой станции пребывал в августе 1824 года великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин, а в феврале 1825 года великий польский поэт Адам Мицкевич» (приводим в переводе с украинского).

Намного больший период связывает край с литературным критиком, публицистом, писателем польско-украинской школы, исследователем старины Михалом Грабовским (1804-1863). По окончании обучения в Умани он отправился в Варшаву, где сблизился с кружком романтиков. Затем Грабовский переехал на Украину. Здесь, в своем поместье Александровке Чигиринского уезда Киевской губернии, он жил с 1825 г. эпизодически, а в 1830-1850 гг. — постоянно. Этим периодом датируются его повести «Колиевщина и степи», «Станица гуляйпольская» (в ней, в частности, показана жизнь населения с. Турии близ Новомиргорода), «Тайкуры», книга «Украина древняя и современная». В своих произведениях, в т.ч. и статьях, Грабовский использовал сюжеты украинской истории и фольклора, которые он собирал в окрестных селах. Именно он первым внедрил термин «украинская школа» в польской поэзии.

В 1843 г., собирая материал к двухтомнику «Записки о Южной Руси», у Грабовского остановился украинский писатель Пантелеймон Кулиш (1819-1897). «Он был тогда в расцвете лет и литературной деятельности, вел широкую переписку с корифеями польской литературы — прежде всего с Юзефом Крашевским. Дом его был похож на библиотеку... Это был пример трудолюбия и бесшабашности, научной сконцентрированности в самом себе

и беспорядочного хозяйствования», — так описывает первые впечатления гость, добавив, что хозяин с большим интересом ознакомился с записями и этнографическими материалами, собранными Кулишом в Александровке и других селах края.

Вдохновляло поместье Грабовского и автора стихотворной повести о гайдамацком движении «Киевский замок», поэта «украинской школы» в польской литературе Северина Гоцинского (1801-1876). Последний здесь записывал народные предания, песни, легенды для работы над этим трудом. Гоцинский, кстати, учился вместе с Грабовским в Уманской гимназии, с 1826 г. часто приезжал в александровское поместье друга, некоторое время жил здесь. По мнению кировоградского литературоведа Л. Куценко, в Александровке могли бывать и другие хорошие знакомые Грабовского — украинский польский поэт Тимко Падура и представитель «украинской школы» в польской литературе Юзеф Богдан Залесский.

Исследователи изучают версию о возможном приезде к Грабовскому Тараса Шевченко (1814-1861). В частности, польский переводчик и литературовед Ежи Енджеевич в романе «Украинские ночи, или Родословная гения» описывает посещение Александровки в середине 40-х годов Шевченко и Кулишем, сердечно принятыми хозяином. Согласно этой версии, Тарас Григорьевич хотел по совету Кулиша заказать Грабовскому польский перевод своего будущего альбома «Живописная Украина». Однако в переписке Кулиша не обнаружено подтверждение приезда Шевченко в Александровку. Правда, в 1844 г. он написал Шевченко письмо, в котором, в частности, говорится: «Еду вновь на три месяца на Украину. Присылайте Ваши картинки в Чигирин с надписью: «Михаилу Грабовскому». Я буду у него, и он будет знать, куда мне их переслать...» Как раз тогда, когда Тарас Григорьевич собирал материалы для «Живописной Украины», польский писатель планировал издать подобный альбом. Пантелеймон Кулиш и ознакомил украинца с замыслом Грабовского. Относительно замысла Шевченко уже через 13 лет мы вновь читаем адресованное ему письмо Кулиша: «Собираемся с женой в Варшаву. Когда-то ты рисовал «Живописную Украину», и ничего из этого не получилось, а хотя бы и получилось...».

Грабовский занимался не только литературной деятельностью. Он поставил для изучения комиссией по описанию губерний Киевского учеб-

ного округа торф, обнаруженный в окрестностях Александровки, который оказался подходящим для разработки залежей (вмещал 81% горючих веществ), и просил губернское начальство организовать добычу. В 1850 г. Грабовский переехал в Киев, через 12 лет — в Варшаву, где и умер. Сыновья писателя Антон и Михаил унаследовали его владения в Александровке. В начале XX века частью земель владел внук Грабовского Михаил Антонович. В государственном музее истории Александровского района Кировоградской области сегодня есть экспозиция о М. Грабовском.

Около десяти лет в середине XIX столетия в Александрийском и Елизаветградском уездах Херсонщины служил Афанасий Фет. Среди его друзей был и писатель-любитель А. Бржесский из Березовки близ Александрии (теперь — райцентр Кировоградщины). Жена Бржеского Александра Львовна происходила из старинного польского рода Добровольских. Ее отец был предводителем елизаветградского дворянства, родовым шляхтичем, получившим жалованную грамоту от короля Станислава Августа. Некоторое время в Новогеоргиевске командиром Фета был поручик Бильчинский, вместе с которым они «читали и увлекались его национальным поэтом Мицкевичем». Александрийско-елизаветградский период службы Фета связан с его переводами с польского. В 40-х — начале 50-х гг., когда Мицкевич оставался под цензурным запретом, Фет осуществил и опубликовал свои переводы его стихов. Перевод баллады «Дозор» с подзаголовком «Украинская баллада» был напечатан в 1846 г. в «Отечественных записках» без указания имени автора. А в 1854 г. читатели «Современника» ознакомились с переводами «Свитезянки» и «Свидания в лесу». Первый перевод с польского А. Фет осуществил еще в доукраинский период своей жизни. В конце 1840 г. он перевел два стихотворения Мицкевича (в том числе «О милая дева...»), которые были опубликованы лишь в 1853 году. При этом, по мнению исследователей, по-польски Фет не говорил. Фет был одним из любимых поэтов Болеслава Лесьмяна, детства и юность которого тоже связаны с Украиной.

Примеры переплетения судеб литераторов из Польши, Украины и России на относительно небольшом пространстве в междуречье Буга и Днестра можно множить и множить. Они свидетельствуют о тесных связях близких народов — в первую очередь в среде деятелей культуры.

Янина Куманецкая

МОИ ПУТЕШЕСТВИЯ С КОПАЛИНСКИМ

Владислав Копалинский

Началось это довольно давно. Когда у меня возникали трудности с каким-либо иностранным словом, когда я нигде не могла отыскать какой-нибудь термин, когда в голове вертелись неизвестно чьи слова, которые мне было необходимо опознать, оставался только один выход: заглянуть «в Копалинского». Он меня не подводил практически никогда.

Все началось в 1967 г., когда вышел его первый словарь — иностранных слов и выражений.

Однажды, представляя книгу, Владислав Копалинский так сказал о своей работе:

«Этот словарь кардинально отличается от других словарей иностранных слов: это не сборник выражений иностранного происхождения, составленный с целью получить практически

полный набор, — напротив, его отличает тщательный отбор словника в соответствии с предполагаемым практическим использованием».

Тогда и начались мои похождения вместе с Владиславом Копалинским — мое большое путешествие по миру понятий, вещей, людей, литературных сюжетов и символов, и в этом путешествии он стал моим гидом.

Но прежде чем рассказать обо всем этом, я, с вашего позволения, постараюсь представить моего героя. Впрочем, дело это непростое, ведь Копалинский о себе говорить не любит, никаких интервью не дает и общается исключительно с друзьями.

«Мои словари — это лучший источник сведений обо мне», — говорит Копалинский.

Он родился в 1907 г. в Варшаве. Фамилию Копалинский взял как псевдоним, «одолжив» ее вроде бы у любимой учительницы польского в средней школе. В «Биографическом словаре польских писателей» сообщается, что на самом деле его зовут Ян Стефчик, но, похоже, что и это неправда. Копалинский никаких сведений не подтверждает и не опровергает. Известно, что он варшавянин, окончил филологическую гимназию Кречмара, откуда вынес знание латыни и любовь к классической культуре языка. У его отца была в Варшаве типография, и он мечтал, что сын станет его преемником. Тут я хочу привести часто повторявшийся в нашем доме анекдот, что сам Владек считал счастливейшим днем своей жизни тот, когда в эту самую типографию попала немецкая бомба. С этого дня он почувствовал себя свободным человеком.

Он изучал филологию в Варшавском университете, но опять же расходятся мнения о том, была ли это английская, классическая или славянская филология. Во всяком случае учебу он не закончил, но во время оккупации зарабатывал на жизнь уроками иностранных языков. Сразу же после войны, еще в Люблине, он стал заместителем директора Польского радио по художественной части, в 1949-1954 гг. был главным редактором издательского кооператива «Читальню», а с 1952-го стал и его председателем.

Более двадцати лет Копалинский вел постоянную рубрику в газете «Жиче Варшавь». Первый очерк был опубликован в 1954 г., последний — в 1974-м.

В 2003 г., к счастью, вышел сборник «Мой приятель Идзи», в котором воспроизведены самые удачные из его текстов. И вот сегодня, спустя много лет, мы можем прочесть: «Ранняя утренняя прогулка по Лазенкам — это переход в другое временное измерение, в медленный ритм смены времен года (...) где, говоря о погоде, думаешь только об осадках или о припекающем солнышке».

Он был тогда гидом в мире вещей и событий — казалось, совсем обычных, но насколько же важных, и когда он так умело поворачивал и выворачивал их на все стороны, они обнаруживали свой новый облик. Возьмем еще одну цитату из этой книги: «Какова, признаюсь честно, была жилищная политика сорок тысяч лет назад? Ужасная. Люди жили попросту в пещерах. Но какая же у них была настенная живопись!».

Лапидарное высказывание, но какие широкие перспективы оно открывает — одним взмахом руки (простите, пера — Копалинский, кстати, до сих пор не пользуется ни пишущей машинкой, ни компьютером) автор переносит читателя в иную реальность. Таковы и словари Копалинского. Очень личные, мудрые, поразительно неожиданные, открывающие едва ли воображаемые миры.

Самым сенсационным был его первый «Словарь иностранных слов и выражений». Копалинский обожает слова. Его увлекает изучение их происхождения — как дотошный сыщик он выслеживает их прошлое. Но он любит не только слова. Его мир — это все культурное наследие, внутри которого он передвигается так же свободно, как по собственной квартире. Самым большим открытием в этом его словаре для меня, пожалуй, было то, что в него включены и иноязычные выражения, относящиеся к самым разным сферам человеческой жизни, и мысли, а также даются ссылки на фамилии, местности и названия, известные из истории культуры. Но чаще и охотнее всего он сопровождает нас по древнему миру и Библии, которую, кажется, знает наизусть. Так было уже в этом первом словаре.

В 1985 г. вышел «Словарь мифов и традиций культуры». Выступая на презентации книги, Анджей Щипёрский назвал Копалинского воспитателем целых поколений поляков. Это, пожалуй, самое лапидарное и вместе с тем самое верное определение той роли, которую играет в польской культуре Владислав Копалинский. В этом увлекательном повествовании о важнейших событиях, которые произошли в мировой цивилизации — в самом широком смысле — на протяжении тысячелетий ее существования, можно найти объяснение большинства ее явлений. А если там вдруг чего-то нет, то, вероятно, это вообще не заслуживает внимания...

В 1999 г. вышел «Словарь событий, понятий и легенд XX века». В определенном смысле он стал продолжением и дополнением «Словаря мифов».

«Обычный поляк, — написал сам автор в предисловии, — если ему уже исполнилось пресловутое „сто лет“, которых обычно желают в заздравном хоре, до 1918 года жил в одной из трех частей разделенной Польши — русской, германской или австрийской, в 1918-1926 гг. — в Польше независимой и демократической, в 1926-1939 гг. — независимой, но уже не столь демократической, в 1945-1989 гг. — в проданной Москве на Ялтинской конференции ПНР, в 1989-2000 гг. — в Третьей Речи Посполитой. И происходило все это в самом центре наикультурнейшего, наимогущественнейшего с политической и экономической точек зрения континента... В то время в Европе и на других континентах буквально в течение суток распадались существовавшие веками империи, царства и королевства, диктатуры и тирании, происходили две больших и бесчисленные мелкие войны, совершались революции и вспыхивали восстания (...) а также устраивались с использованием новаторских методов концлагеря, в которых в массовом порядке убивали женщин, мужчин и детей (...) Но в то же время это столетие было периодом небывалого роста материальных богатств, расцвета науки и техники, хотя, возможно, и не в такой степени, как на это надеялись».

Эти три словаря, по моему мнению, — самые значительные в творческом наследии Копалинского. Главное в них... Давайте-ка еще раз дадим возможность высказаться Идзи, alter ego автора, который в отличие от него самого охотно говорит на самые разные темы:

«Главное — это терпимость. Это касается и моды. Моряки носят широкие брюки, а гуцулы — узкие. Можно ли утверждать, кто из них, те или другие, поступают правильнее? Например, Сократ вообще не носил брюк, хотя и был мудрецом, ибо считал их одеждой варваров. Зато современные греки и шотландцы любят носить юбки. Что ни край, то обычай. Надо уважать то, чем мы отличаемся от других, и все будет хорошо!»

Однако это не означает, что Копалинский не увлекает нас за собой в путешествия по другим областям, в которых он не менее компетентный проводник; взять хотя бы его «Словарь символов», «Энциклопедию «второго пола»», «Лексикон любовных сюжетов».

Недавно я побывала с ним в путешествии по миру сказок благодаря небольшой книжечке под названием «125 сказок для рассказывания детям», где собраны самые известные сказочные сюжеты.

И теперь, когда я солнечным утром встречаю высокого, несколько сутуловатого пожилого господина, совершающего свою ежедневную прогулку по парку Лазенки, то задумываюсь над тем, каким будет следующее путешествие, в которое он меня возьмет с собой. А он обещает, что нас, всех его читателей, ожидают новые путешествия.

Антоний Кучинский

ПЕЙЗАЖИ И ЛЮДИ

Казахстан в трудах Адольфа Янушкевича

В двухтомной библиографии «История Казахстана», изданной в Алма-Ате в 1988 г., можно найти немало работ, посвященных жизни поляков в этой далекой степной стране. Упоминается там и литература, связанная с личностью Адольфа Янушкевича (1803-1857) — ссыльного, который в первой половине XIX в. столкнулся с казахами и в письмах домой описал их жизнь и культуру. В Польше тоже издано несколько интересных книг (в т.ч. воспоминаний бывших ссыльных), касающихся польско-казахских связей. А связи эти весьма многочисленны. Они восходят к XVIII и XIX столетиям, когда Казахстан стал для поляков местом ссылки. Необходимо помнить и о более поздних высылках — сначала поляков с Украины в 30-х гг. XX века, а затем жителей восточных «кресов» Второй Речи Посполитой, вывезенных в Казахстан во время II Мировой войны. В этой стране по сей день существует многочисленная польская диаспора. В последнее время в Польше она стала предметом исторических и социологических исследований. Началась также медленная репатриация поляков из Казахстана.

В этих вступительных замечаниях ясно вырисовывается сложность судеб казахстанских поляков, которые всегда были ссыльными. Тем не менее они вели в этой стране разнообразную деятельность в области культуры, экономики, техники и т.д. Фактов, свидетельствующих об этом, очень много, что нашло отражение в исторических и литературных трудах казахских авторов. Например, в 1997 г. в Алматы была издана книга казахского автора Отегена Кумисбаева «Польша перзенти» («Сын Польши»), посвященная собирателю фольк-

лора и автору описаний казахских степей Адольфу Янушкевичу. Презентация этой книги вызвала большой интерес. Было сказано немало теплых слов о традициях польско-казахских связей, будто бы вытекающих из идей известного казахского писателя и поэта Абая Кунанбаева (1845-1904), который подчеркивал: «Нет границ у истинной дружбы, / Плещут волны любви через все рубежи».

Кунанбаев был необыкновенным явлением в казахской культуре. В нем уживались мудрец и энциклопедист. Его творчество получило известность за пределами Казахстана. Некоторые сведения о его отце записал Адольф Янушкевич, который сделал множество наблюдений, касающихся жизни казахов — как простого народа, так и аристократии. Наблюдения эти до сих пор остаются важным источником для этнографических и социально-политических исследований Казахстана. Помимо фактографического уровня тексты Янушкевича дышат симпатией к казахам и неодолимой силой подлинности. Многогранный образ, складывающийся из записей Янушкевича, можно принять в

качестве неопровержимого доказательства его прекрасной ориентации в казахских проблемах того времени. Кем же был этот польский друг казахов и летописец их края, чье имя было недавно присвоено одной из улиц Алматы и кому вскоре будет поставлен памятник — вечный знак благодарности казахов за описание их культуры, традиций и обычаев?

Адольф Янушкевич родился в Несвиже в 1803 году. Получил образование в знаменитой виленской гимназии, а затем проучился два года в Виленском университете. Там он познакомился с Адамом Мицкевичем, который много лет спустя

Адольф Янушкевич

изобразил его под именем Адольфа в III части драматической поэмы «Дзяды», где он говорит о сынах «родной земли, которых погребла / Рука тирана там, в узилищах Сибири, / Где Польши летопись полней, чем в целом мира». Ссылка Адольфа Янушкевича была связана с его участием в восстании 1831 года. Он был семь раз ранен и попал в русский плен. В Киеве он предстал перед военным судом и был приговорен к смертной казни с конфискацией имущества, которая впоследствии была заменена ссылкой на Урал. 9 мая 1832 г. путь ссыльного привел его в Тобольск. Некоторое время он жил в деревне Желяково Тобольской губернии, а затем ему разрешили переехать в Ишим. За полученные от семьи деньги он купил там дом, в котором часто гостили польский ссыльный поэт Густав Зелинский, позднее написавший несколько поэм о Казахстане, и декабрист Александр Одоевский. В Ишиме Янушкевич жил не спеша, в своем собственном ритме, читал книги и журналы, приходившие с родины. Он упорно боролся с бездельностью и отличался интеллектуальной активностью. Можно сказать, что его богатый книгами дом был своего рода библиотекой и местом, хозяин которого был всегда открыт к нуждам других. Здесь встречались за долгими беседами уже упомянутые Зелинский, Одоевский и другие ссыльные. Хозяин умел и любил говорить со всеми. Доброта сочеталась в нем с жизненной мудростью. Это несомненно расширяло круг общения польского ссыльного. Может, поэтому он не чувствовал себя одиноким, а его активность принесла ему уважение местных властей.

В Ишиме Янушкевич прожил шесть лет. Часто он выезжал за город, где наблюдал жизнь русских поселенцев и их контакты с местным населением. Он был вдумчивым наблюдателем и, вне всякого сомнения, принадлежал к числу людей, знакомых с этнографической и фольклористической литературой. Проявлял он интерес и к народоведению, поэтому нет ничего удивительного в том, что его письма и дневник изобилуют такого рода описаниями.

В 1841 г. Адольф Янушкевич был принят на службу в канцелярию омского пограничного начальника сибирских киргизов [так называли в тогдешней России казахов — *Пер.*]. Там ему пришлось исполнять множество чиновничьих обязанностей. В письме к Густаву Зелинскому он писал, что служба эта заставляет его «знакомиться с кир-

гизским языком, их законами, обычаями, нравами (...) Меня должны назначить секретарем комитета по составлению проекта киргизских законов. Я — законодатель киргизов! Снилось ли мне такое?! Сколь удивительна судьба человека: через 16 тысяч лет потомки Чингисхана будут читать мое имя на страницах своего прошлого и говорить: это был второй Конфуций. И, кто знает, быть может, в мою честь поставят какого-нибудь истукана, а на моей могиле будут приносить жертвы, какие один из народов Океании приносил на могилах своих героев». В канцелярии пограничного начальника Янушкевич прослужил 12 лет. Это было достаточно продолжительное время, чтобы хорошо узнать казахские степи. Стоит только подумать, что на протяжении этого времени он многократно пускался в тяжелую дорогу по казахским аулам. Первое такое путешествие он совершил в начале 1843 г., о чем написал семье: «Я переваливаю через весьма немалые горы, покрытые лесами и изобилующие медведями; вплавь переправляюсь через никому в Европе неизвестные безмостные реки, на берегах которых я впервые за 12 лет слышал милое пение соловья. Я видел киргизские племена, кочующие числом в тысячу и более юрт на пространстве каких-нибудь двадцати пяти или тридцати верст, усеянных тьмой лошадей, верблюдов и скота дивной красоты. Мне встречались купеческие караваны, идущие из Ташкента». Впоследствии он совершил множество таких путешествий.

В 1853 г. он уволился с чиновничьей службы и получил разрешение на переезд в Омск. На некоторое время он поселился в имении графа Анатолия Демидова в Нижнем Тагиле, где исполнял обязанности садовника и библиотекаря. В 1856 г. он был освобожден из ссылки и вернулся в Польшу. Годом позже он умер в деревне Дягильно в нынешней Белоруссии и там же был похоронен.

Служба в канцелярии пограничного начальника сибирских киргизов влекла за собой важные для тогдешней России контакты Адольфа Янушкевича с казахами Старшего жуза, часть которого оставалась за пределами Российской империи. В этом жузе возникали многочисленные споры и разногласия между отдельными феодальными владыками, которые в конце концов выразили желание признать власть России. Это произошло в 1845 году. В 1846 г. в степь была отправлена экспедиция Николая Вишневого, чтобы подготовить

необходимые правовые акты. В числе прочих в ее состав был включен Янушкевич и еще один поляк — Виктор Ивашкевич. Наконец 22 августа 1847 г. правители Старшего жуза, собравшись в урочище Кзыл-Агач, присягнули на верность российскому императору. Для Адольфа Янушкевича этот аспект российско-казахских отношений означал новые обязанности, ибо, будучи чиновником, он должен был часто объезжать казахские степи, чтобы составлять инвентарные описи, улаживать споры, принимать жалобы, писать рапорты об общественных настроениях и т.п. Его дневник и письма к матери весьма красноречиво свидетельствуют об этом и представляют собой один из ценнейших источников, касающихся этой части Казахстана. Янушкевич описал жизнь казахов, сознательно придавая своим письмам и дневнику характер исторических документов. Его записки сильно отличаются от обычных сибирских воспоминаний и писем, ибо в них содержится множество этнографических и исторических деталей. Ввиду их ценности они были изданы по-русски (1966) и по-казахски (1979).

Адольф Янушкевич был объективным летописцем общественных отношений, царивших в казахских аулах. Ничего удивительного, что современные историки казахского народа, исследующие отношения внутри Большой Орды, приводят его мнения. К примеру, весьма ценны его замечания о восстании Кенесары Касымова, который объединил вокруг себя многих казахов и был ярким противником подчинения своего народа российским властям. Касымов нападал на российские почты, «вырезал всех до единого и наводил ужас даже в Сибири».

Между первыми и последними страницами эпистолярного наследия Адольфа Янушкевича остается место для множества других мотивов, связанных с казахской культурой. Особое значение имеет описание общественных отношений, распространенных среди местного населения Казахстана и способствующих возникновению разнообразных конфликтных ситуаций между богатыми и бедными. Многие интересные сюжеты, касающиеся материальной, общественной и духовной культуры казахов, проникнуты верой в то, что настанет время, когда «сегодняшний кочевник займет почетное место среди народов, ныне глядящих на него свысока». Янушкевич испытывал сочувствие к этому народу и верил, что когда-нибудь казахи вырвутся из

российского рабства и будут сами определять пути развития своей страны, что возродятся их традиционные культурные ценности, отодвигаемые на второй план навязанными им законами и чуждыми их культуре нормами. Этот удивительный оптимизм нашел отражение в утверждении, что казахи получат автономию, а тем самым автономии обретет и культура этого народа. Письма из киргизских степей поражают множеством содержащихся в них культурных наблюдений не только по причине их ценности, но и в сопоставлении с серой, окутанной туманом реальностью этого степного края, чью культуру вытесняли и уничтожали русские колонизаторы.

Адольф Янушкевич записал множество наблюдений, касающихся обычаев казахов — как простонародья, так и аристократов, у которых он, как правило, останавливался во время своих путешествий по степям. Ему не раз случалось гостить у Кунанбая, отца замечательного казахского поэта Абая Кунанбаева. Вот что пишет о нем Янушкевич: «Сын простого киргиза, одаренный от природы здравым смыслом, поразительной памятью и красноречием, деятельный, радеющий о благе своих соплеменников, сведущий в степном праве и в предписаниях Корана, знаток всех российских законов, имеющих касательство к киргизам, судья неподкупной честности и примерный мусульманин, плебей Кунанбай стяжал себе славу пророка, к которому из самых отдаленных аулов спешат за советом стар и млад, богач и бедняк. Назначенный правителем благодаря доверию могущественного рода Тобуклов, он исполняет свои обязанности с редкой добросовестностью и энергией, а каждое его приказание, каждое слово исполняется в мгновение ока. Некогда видный мужчина, сегодня он отмечен страшными следами оспы, которая несколько лет тому назад чуть не свела его в могилу».

Для казахов Кунанбай был авторитетом. Он играл важную роль среди степных старейшин и часто встречался с русскими. Нередко ему случалось разрешать родовые споры. Он пользовался уважением, был набожным мусульманином и совершал религиозные обряды согласно заповедям Корана. Немало сведений об этих личных чертах Кунанбая можно найти в записках Янушкевича, которые, надо отдать им должное, совпадают с другими казахскими и русскими источниками, касающимися этого человека. Кунанбай ценил образо-

вание, поэтому своему сыну Абаю он обеспечил учебу в медресе, где тот мог познакомиться с непростой историей ислама и философией мудрецов Востока.

Абай Ибрагим Кунанбаев был одним из известнейших казахских литераторов, автором многочисленных поэм и песен. Он считается классиком казахской поэзии, но в то же время он познакомил казахов с русской классикой. Кроме того, он был композитором, чье творчество стало ярким свидетельством понимания культурных традиций собственного народа. В творчестве этого поэта смешивались разные элементы: песни степных акынов, простота бедного народа, богатство беев и стремление к свободе. На этом пути Абай Кунанбаев неоднократно показал себя великим поэтом и человеком. Недюжинный поэтический талант сочетался в нем с вынесенными из родного дома этическими ценностями, которые Адольф Янушкевич представил в своих письмах, описывая черты характера его отца.

То, что до сих пор было сказано об Адольфе Янушкевиче как певце казахских степей, который лично знал феодала Кунанбая и записал много ценных сведений о нем, нуждается в дополнении еще одним польским штрихом. Много лет прошло со времени встреч Янушкевича с отцом Абая Кунанбаева. И вот судьбе было угодно, чтобы Абай встретился в Семипалатинске с пребывавшими там в конце XIX века польскими ссыльными Феликсом Гроссом и Яном Витортом. Последний написал в своей автобиографии, что он познакомился «с цивилизованным киргизом, господином Кунан-

баевым, который со своими стадами и семьей кочевал в степи. В сентябре, пользуясь его приглашением, мы поехали к нему. Дорога шла через степь, ибо мы находились под опекой рода Кунанбаевых, рода весьма могущественного. Поездка эта навсегда останется в моей памяти вследствие оригинальности и необыкновенности впечатлений, полученных нами в степи и в гостеприимных шатрах господина Кунанбаева. Мы были очень рады и довольны». В настоящее время известно, что Феликс Гросс, как и другие семипалатинские ссыльные, занимался созданием в этом городе библиотеки и краеведческого музея. Библиотекой пользовались некоторые казахи, среди которых был и Абай Кунанбаев. По-видимому дружба Гросса с казахским поэтом была настолько близкой, что тот пригласил его отдохнуть в своем ауле. Стоит добавить, что Феликс Гросс занимался изучением обычного права казахов, уделяя этому вопросу много внимания.

Все это делает польско-казахские отношения более содержательными, но в то же время требует углубленных исследований, которые дадут ответ еще не на одну загадку, а многие факты, известные нам лишь поверхностно, подтвердят документально. Тем для изучения очень много — взять хотя бы тот факт, что учителем и другом выдающегося казахского ученого Чокана Валиханова был Кароль Гутковский (1815-1867), заместитель семипалатинского военного губернатора, преподаватель географии и геодезии в Омском кадетском корпусе. Но это уже тема для отдельного рассказа.

Якуб Садовский

ВЫСОЦКИЙ — ФИГУРА ПОЛЬСКОГО МЫШЛЕНИЯ О РОССИИ?

Впечатляют случаи, когда представитель одной национальной культуры начинает играть роль в совсем другой культуре. Поэт и певец, смерть которого Россия и Польша оплакивали четверть века назад, по-польски не пел и в польских фильмах не снимался — тем не менее его образ программировал польскую культуру в невероятной степени. Нельзя, правда, сказать, что сегодня его песни по польскому радио звучат часто. Нельзя также сказать, что «известнейшая в мире хрипота» формирует вкусы польской публики, а тексты песен оказывают заметное влияние на тех молодых людей, которые прибегают к ним впервые (покойный Яцек Качмарский в своих воспоминаниях отмечал, что ему встречались пацаны, не понимавшие по-русски и слушавшие Высоцкого из-за «энергетики» песен). Дело, однако, в том, что Высоцкий по сей день остается в Польше фигурой не просто «знаковой». Он «оторвался» от своих песен и являет собой фигуру культа, экзальтации, фигуру поистине мифологическую. А природа мифа такова, что он оказывает влияние на образ мысли тех, кто его исповедует.

Мистика фигуры российского поэта и певца запросто проявляется в жизни тех, кто пытается тем или иным образом им заниматься (я пытаюсь избегать слова «бард» — и поэтика текстов, и широчайшая аудитория Высоцкого свидетельствует о том, что понятие «бард» узковато для того, чтобы описать с его помощью данный феномен*). Я, например, помню такую мистическую минуту: еду я в поезде Варшава—Белосток, и как раз на конференции, посвященную контекстам творчества автора «Охоты». На конференции я намерен говорить о польских мифах, связанных с Высоцким. У меня на коленях краковская газета «Дзенник польский» — в качестве примера я планирую разоблачить мифологизированную статью о певце. Раздается звонок — зазвенел мой мобильник. «Здравствуйте, пан редактор, моя фамилия вам ничего не скажет — я аспирант из Кракова, слушатель ваших передач, ваш номер сообщили мне ваши коллеги с радио. Я хотел попросить у вас совета по такому-то вопросу...» Мы побеседовали, договорились о встрече. «Давайте я запишу тогда вашу фамилию», — говорю. Молодой человек наконец представляется. И я в недоумении: я услышал имя и фамилию человека, статью которого как раз читаю и разоблачаю... «А не публикуетесь ли вы в «Дзеннике польском»?» — «Да...» — говорит молодой человек — теперь уже он в недоумении, что его статьи известны журналисту из Варшавы... Как тут не признать Высоцкого фигурой, обреченной на мистику, и столь же обреченными на мистику тех, кто ею занимается?

Но не будем голословны. Давайте проанализируем несколько бытующих в Польше мифов, связанных с Высоцким. Ничего, правда, разоблачать не станем — я лишь покажу на нескольких примерах мощное влияние фигуры поэта на образ мысли пишущих о нем публицистов**.

«А может, пребывая в сильно централизованной среде, вам не хватает свободы, вы тоскуете по ней — подобно Высоцкому. Поэтому пение его песен позволяет вам забыть о стрессе на работе...» — такой вопрос интервьюер не существующей уже газеты «Штандар млодых» задал Вацлаву Калете, лауреату «Гран-При» IV Встреч (дословно — Борений) со значимой песней («IV Zmagania z Piosenką Znaczącą»). Это был 1988 год, закат Польской Народной Республики. Журналиста, скорее всего, ошарашило известие, что победитель конкурса исполнителей-любителей Высоцкого — по профессии милиционер, хуже того: офицер милиции. «Я вовсе не жалуясь на отсутствие свободы, — отвечал Вацлав Калета. — Моя работа совершенно обыкновенная, мне не о чем забывать, разве что об усталости».

Таким образом победитель любительского фестиваля демонтировал мифологическую схему, к которой прибег журналист. Согласно этой схеме, фамилия Высоцкого отрывалась от личности исполнителя и начинала свою собственную жизнь. Жизнь фигуры культа. Все, кто, с точки зрения журналиста, прибегал к данной схеме, кто брал в руки гитару и пел, допустим, «Я не люблю», становился «борцом с режимом», какого велит видеть данная схема в актере с Таганки. Проблема ошарашенного журналиста состояла в том, что Вацлав Калета — «борец с режимом» явно противоречил Вацлаву Калете — милиционеру, «слуге режима». Если бы лауреат ответил: «Да, мне не хватает свободы, я тоскую по ней, как Высоцкий», — тогда он подтвердил бы миф и превратился бы (в глазах интервьюера) во «внутреннего эмигранта» в рядах милиции (столь ненавистной большинству польских поклонников Высоцкого того времени).

* Ср. Ю. Доманский. «Феномен Владимира Высоцкого в культуре русского рока // Владимир Высоцкий и русский рок.» Сб. статей, Тверь, 2001.

** Научному анализу явления посвящена моя статья: «Włodzimierz Wysocki i polskie schematy mitologizacji» // «Społeczny i kulturowy aspekt twórczości Włodzimierza Wysockiego. Materiały z II Międzynarodowej Konferencji Naukowej.» Białystok, 2004

Интервью, опубликованное 18 лет назад «Штандаром молодых», — показатель первой плоскости мифологизации фигуры Высоцкого в Польше. Плоскости, которую можно бы назвать политико-аксиологической. «Таких похорон не было даже у Сталина», — писала в 20-ю годовщину смерти поэта публицистка польского издания журнала «Elle». «Такие толпы лишь Сталина провожали в последний путь», — писал автор статьи в «Дзеннике польском». Приведенные цитаты иллюстрируют призму восприятия смерти певца. Сопоставление имен Сталина и Высоцкого указывает на то, что имя всеобщего почитаемого творца безоговорочно вписывается в политический контекст. «Однако похороны Высоцкого не были обязательными, а присутствие столь большого числа людей не было продиктовано необоснованным фанатизмом. Людями правила настоящая грусть, оставшаяся в сердцах поклонников и по сей день», — писал краковский публицист. Получается, что конструкция «Сталин—Высоцкий» — это четкая двухполюсная схема. Одним полюсом остаются здесь похороны Джугашвили, где присутствие толпы — явление траура, правда, массового, но проистекающего из фанатизма. А значит, это церемония, основанная на лжи. И второй полюс — похороны Высоцкого, где толпами людей, прощающихся с любимым певцом, руководит «*настоящая* грусть». Получается, что синонимом схемы «Сталин—Высоцкий» становится «*фальшь—правда*». А значит, политическая фигура Высоцкого обретает аксиологическое измерение. К тому же на приведенную схему автоматически накладываются другие, можно сказать, родственные схемы, усугубляющие и политическое, и аксиологическое измерение мифа: «порабощение—свобода» и уже известная по интервью с Вацлавом Калетой схема «режим—бунт». Стоит еще отметить важное свойство природы мифа — то самое, которое легло в основу удивления автора интервью: «потребитель» мифа, эмоционально соединяясь со своим героем, становится рыцарем добра. Наш журналист, беря у себя дома в руки гитару или даже только слушая исполняемые Калетой песни, психологически встает на ту сторону мифологизированного мира, на которой он видит и Высоцкого: на сторону добра, правды, свободы и бунта. Признайтесь, больно, когда все это разрушается грянувшим как гром среди бела дня известием: лауреат фестиваля песен Высоцкого — милиционер!..

Кроме политической плоскости, на которой происходит мифологизация личности Высоцкого, в публикациях польской печати зарисовывается также и пласт, связанный с биографией поэта. Он порождает еще два мифа: биографический и мир варвара. Оба они во многом совпадают. Их общий элемент — канон историй и анекдотов о личной жизни актера с Таганки и, так сказать, о закулисных контекстах его творческого пути. Неотъемлемые элементы обоих мифов — сюжеты о погубившем Высоцкого алкоголизме, рассказы о его романах и браках, о вспыльчивости и склонности к дракам, наконец, о самородном таланте, не имевшем поддержки в должном образовании. Я не буду здесь описывать эти мифы подробно. Позволю себе обратить внимание читателей лишь на тот интересный момент в их специфике, где биография и «варварство» *не* пересекаются.

Дело в том, что польские схемы оставляют лишь один элемент — биографический миф — вне поля мифа варвара или, наоборот, лишь один «варварский» аспект вне мистики личности поэта. В первом случае это главным образом истории, подчеркивающие мистику кончины Высоцкого (в их числе, например, стрелки часов в московской квартире его матери, остановившиеся ровно в минуту смерти). О современной польской культуре, о польской культурной «программированности» лучше всего говорит, однако, то, что, не выходя на первый план в рассказах о биографии, становится элементом мифа варвара, а именно... русскость Владимира Семеновича. «Русскость», которая сама по себе в польской культуре вызывает ряд отрицательных ассоциаций. «Поэт, актер, русский» — таков один из подзаголовков статьи в «Дзеннике польском», указывающей «русскость» как категорию восприятия Высоцкого. Неловко писать об этом в «Новой Польше», но ведь одна из доминант распространенного среди поляков стереотипного взгляда на представителей русского народа — уверенность в том, что это люди, культурно и цивилизационно отсталые, или даже просто «дикари». В случае Высоцкого эта «дикость» трансформируется в решительно положительную категорию. Русский, представляющий собой фигуру бунтовщика против режима и его норм, а значит, против российского государства и общества, становится своеобразным «анти-русским», кем-то вроде диверсанта — такого же, каким в структурах пээнэровской милиции видится офицер, поющий песни «против режима».

Спустя четверть века после смерти Владимира Высоцкого в польской публицистике его миф «вечно жив». Дело вовсе не в том, что о нем пишут все кому не лень. Статьи об авторе «Я не люблю» выходят в свет не чаще, чем его песни звучат по радио. Однако можно смело сказать, что фигура певца, поэта и актера с Таганки в польском сознании — это призма образа России, ее культуры, ее истории. Миф Высоцкого, «борца с режимом», «русского анти-русского» и «варвара», заполнил в польской культуре чрезвычайно важную «психологическую нишу», став ее языком. Это ниша в мышлении о русских и России, ниша, в которой культурно заложенный страх и неприязнь заменяется восхищением и признанием за «своего». И вряд ли можно назвать во всей истории двух антагонистических славянских культур подобную личность — назвать имя актера, сумевшего *сыграть* такую роль. Как ему это удалось? Это, пожалуй, вопрос той самой невиданной «энергетики», понятной даже тем, кто не понимает по-русски...

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛЬШЕ

Беседа с Розалией Скибой — автором учебников «Деловая речь»

— *Нужен ли сегодня в Польше русский язык?*

— Снова все больше нужен. Прошло полтора десятка лет застоя, и вновь оживает польско-российское экономическое сотрудничество. А также сотрудничество в области культуры. В Польшу все чаще приезжают танцевальные коллективы, рок-ансамбли и прочие. Расширяется также туристический обмен. Ведь Россия — самая большая в мире страна, располагающая множеством важных памятников истории и культуры. Прибавим к этому богатое достояние русской науки и литературы.

Сегодня все чаще требуются преподаватели русского языка, которым многочисленные фирмы предлагают обучать своих сотрудников. Прежде русский язык был обязательным предметом, сегодня мы его учим, выбирая этот язык сознательно.

— *Каковы сегодняшние возможности изучения русского языка в Польше?*

— Возможностей очень много. Сегодня у нас достаточно и преподавателей, и учебников, хотя еще совсем недавно с последними мы испытывали затруднения: прежние учебники стали неактуальными, а их язык — архаичным, особенно в сфере экономики, торговли или менеджмента. Поэтому возникла необходимость подготовить новые учебники исходя из сегодняшних потребностей и требований. Ведь у нас появились профилированные лицеи и школы, которые нуждаются в новой профессиональной лексике. Тем, например, кто вел занятия по гостиничному бизнесу, пришлось быстро переориентироваться с учетом новых условий.

— *Старались ли вы в своих новых учебниках выйти навстречу всем этим ожиданиям?*

— Я соавтор учебников по языку бизнеса. Речь в них идет не только о языке общения, но шире — о служебном, профессиональном. Есть также так называемый курс русского языка в бизнесе, утвержденный Советом Европы, и по его окончании выдается свидетельство. Такие курсы пользуются сегодня большой популярностью, особенно среди студентов Главной торговой школы в Варшаве.

— *В чем еще состоит новизна ваших учебников?*

— Новизна касается терминологии, современного языка, и, наконец, подготовки учащегося к пониманию разных сфер бизнеса. Его обучают, как создать и вести фирму в России, как справиться с заполнением доку-

ментов в банке, как получить «зеленую карту» или решать проблемы транспорта. Язык бизнеса позволяет нормально профессионально действовать в современной России. Наш курс готовит школьника или студента действовать на местах, действительно хорошо зная профессиональный язык. Знакомит он и с многочисленными подлинными формулами, которые ему придется когда-нибудь заполнять в России, и, наконец, учит передаче русского языка в латинской транслитерации.

— *Ваши учебники адресованы школьникам и студентам...*

— Все наши учебники адресованы главным образом учащимся средних школ, занимающимся в обычных и профилированных классах, которые видят себя в будущем в роли бизнесменов. Сегодня всякий прекрасно понимает, что знание иностранного языка для работающего за рубежом очень важно.

Наши учебники мы готовили вместе с Малгожатой Щепаняк из Кракова, преподающей в ряде экономических вузов. Она тоже видела срочную необходимость создать новые учебники для секретарш и бухгалтеров, работающих с русским языком. Я же думала о новых учебниках, дающих основную подготовку в области туризма, гостиничного бизнеса и экологии...

— *И вы решили работать вместе?*

— Мы разработали программу, которую утвердило министерство народного образования и которая затем была введена в учебных заведениях. Однако прежде мы должны были ознакомиться с тем, какие требования ставятся молодым транспортникам, бизнесменам или экономистам. Затем мы подготовили лексику, которая им для этого понадобится. Поступили и официальные формуляры, действующие сегодня в России. Такие вспомогательные материалы мы получили от российских учреждений, с которыми будущие бизнесмены будут иметь дело повседневно. Документы, которые мы используем в наших учебниках, действуют на территории России и сегодня.

— *В комплект ваших учебников входит целых пять томов...*

— Сначала их было четыре. Когда мы начинали их составлять, наши школьники еще учили русский язык в неполной средней школе. Однако когда положение в Польше изменилось и русский язык в младших классах перестали преподавать, возникла необходимость со-

здать дополнительный учебник, как бы вводную часть к уже существующим. Надо ведь было еще, в частности, научить молодежь русскому алфавиту и раскрыть многие темы, о которых в наших четырех учебниках вообще не упоминалось. Написать такой учебник действительно было делом нелегким.

Наши учебники составлены как профильные. Тот, кто занимается туризмом и гостиничным бизнесом, пользуется первым учебником и томом об экологии. Тот, кто предпринимательством — выбирает соответствующий том. А кто делопроизводителем, тот берет учебник по коммерческой и служебной переписке и различным способам ее передачи — от обычного, по факсу, до электронного.

В настоящее время я работаю над «CV» [сиггилум vitae, автобиография]. Это требуют сейчас везде. Все появляющиеся темы должны быть быстро зафиксированы и подготовлены. В наших учебниках содержатся также советы преподавателям, как проводить занятия.

— Ваши учебники переиздаются и пользуются большой популярностью...

— Все наши учебники снабжены лингафонным приложением. В настоящее время это магнитофонная кассета, но мы уже думаем о компакт-диске. Чрезвычайно важно также постоянно обновлять наши учебники.

Однако мы испытываем серьезный недостаток в текущей информации о современной русской культуре. Мы зачастую не в курсе того, что сегодня происходит в России, какие кинофильмы снимают и показывают, какие спектакли идут в театрах. Тем, кто интересуется русским языком и культурой, сейчас в Польше не хватает ежедневной прессы, современной литературы. Из наших СМИ тоже мало что узнаешь на эту тему.

— В Польше по-прежнему можно сдавать экзамен по русскому языку на аттестат зрелости...

— Но изменились принципы подготовки к этому экзамену. Учебники для средней школы составлены таким образом, чтобы готовящийся к экзамену на аттестат зрелости мог учить язык самостоятельно. Ибо русский язык преподается в настоящее время в рамках варианта «с» по основной программе, то есть 2 часа в неделю в течение 3 лет. Такой вариант не гарантирует возможности хорошо подготовиться к сдаче экзамена. Двух часов в неделю совершенно недостаточно — их должно быть минимум четыре. Поэтому сейчас учащиеся, которые хотят сдавать экзамен на аттестат зрелости по русскому языку, должны много работать индивидуально. Многие из них могут также посещать дополнительные занятия, когда те проводятся в школе по желанию родителей.

Русский язык как первый иностранный, пожалуй, не преподается сейчас в Польше нигде. Но он преподается как второй иностранный. Как первый в 80% случаев преподается английский. Мы теперь в Евросоюзе, и в этом нет ничего странного. Английский язык действительно для нас важен.

На втором месте в Польше — немецкий язык, а уже потом французский и русский. В процентном отношении в разных регионах страны это выглядит по-разному. Например, в Западно-поморском воеводстве экзамен на аттестат зрелости будут сдавать 9000 учеников по английскому языку, 3000 — по немецкому, 200 — по русскому и 150 — по французскому.

— Как у вас возник интерес к русскому языку?

— Я репатриантка из Львова. В Польшу наша семья приехала в 1956 году. Во Львове я окончила русскую школу, а в Польше получила высшее образование по русской филологии и математике. Потом я многие годы работала методистом по преподаванию русского языка. Я прекрасно ощущала себя в этой роли. Ведь у меня была возможность знакомиться с новыми методами работы и постоянный контакт с русской литературой.

После 1989 г., когда в Польше изменилась политико-экономическая ситуация, с русским языком начали происходить всякие несимпатичные вещи. А преподавать надо было по-прежнему, хотя новых учебников не хватало. Ничего не давали также просьбы, обращенные к российской стороне — помочь составить новый учебник. Нам лишь советовали составить его самостоятельно в Польше. Что в конце концов и произошло.

Потом мы нашли хорошего издателя, который порекомендовал нам рецензента из России. Так что нам была оказана большая поддержка, и это пошло на пользу учебнику. Шесть лет работы пролетели очень быстро. Мы работали и по субботам, и по воскресеньям без отдыха, летних каникул у нас тоже не было. Еще одна трудность заключалась в том, что я жила в Щецине, а соавтор — в Кракове. Наши телефонные консультации продолжались часами.

Сегодня я по-прежнему остаюсь консультантом Центра повышения квалификации учителей в Щецине и занимаюсь методикой преподавания в той части, которая касается разработки и отбора как самих программ, так и учебников по иностранным языкам, а также вопросам повышения квалификации преподавателей иностранных языков в области методики обучения, приема экзаменов, оценки результатов работы. Работаю я и в качестве присяжного переводчика. Кроме того, мне случается переводить с украинского и на украинский.

Беседу вел Лешек Воитрубский

Анатолий Ройтман

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПЕРЕВОДА

Прошедший в Кракове 12-14 мая нынешнего года I Всемирный конгресс переводчиков польской литературы, организованный Институтом книги, стал значительным событием не только в культурной жизни Польши — благодаря географии его участников он приобрел масштаб, действительно оправдывающий слово «всемирный» в его названии.

Впечатляют сами по себе цифры: в конгрессе, проходившем в залах Ягеллонского университета и старинной Виллы Деция, приняли участие около 180 переводчиков из почти 50 стран мира. Но цифры не в силах передать атмосферу, царившую, например, в зале одного из первых заседаний конгресса в те минуты, когда ведущий Альбрехт Лемпп стал по очереди объявлять названия стран и зал горячими аплодисментами и улыбками встречал встававших в ответ представителей этих стран, отчего сразу возникла необыкновенно дружественная, объединяющая всех атмосфера, поистине «чувство семьи единой». Это был волнующий и незабываемый момент, давший возможность почувствовать единство мирового культурного пространства.

Россия была представлена на Конгрессе одной из самых многочисленных делегаций, включавшей, в частности, таких известных и хорошо знакомых читателям «Новой Польши» переводчиков, как Ксения Старосельская, Ассар Эппель, Андрей Базилевский.

Сделанный на открытии конгресса доклад Рышарда Капустинского о вкладе переводчиков в развитие культуры был продолжен дискуссией «Восприятие польской литературы за рубежом». В рамках Конгресса прошли семинары с участием историков литературы, литературных критиков, издателей. Участники Конгресса имели возможность узнать о новых направлениях в польской литературе, новых книгах известных писателей и новых именах в польской прозе, поэзии, драматургии, эссеистике. С интересом были встречены доклады Михала Павла Марковского о поэзии Болеслава Лесьмяна и Ежи Яжембского о творчестве Витольда Гомбровича. Бартек Хацинский познакомил слушателей с тайниками польского новояза, и можно понять огромный интерес переводчиков к этим новым веяниям в современном польском языке.

В чем состоит феномен польской литературы, в частности польской поэзии, занимающей одно из ведущих мест в ряду самых значительных литератур современного мира? В одном из выступлений на Конгрессе прозвучала ссылка на высказанное в печати мнение о том, что польская поэзия входит в число четырех самых интересных в мире. Понимая всю условность подобного рода рейтингов, следует все же отметить несомненный интерес к польской поэзии в мире, о чем свидетельствуют и стихи Чеслава Милоша в нью-йоркской подzemке, и грандиозный вечер польской поэзии, с успехом прошедший в многотысячной аудитории в том же Нью-Йорке несколько лет тому назад, где звучали стихи Виславы Шимборской, Тадеуша Ружевица, Адама Загаевского и других польских поэтов.

Поэзии крупнейшего польского поэта XX века в рамках программы конгресса был посвящен семинар «Творчество Чеслава Милоша в переводах — мастерская перевода». Ведущие, директор находящегося в США Милошевского института, библиотеки и архива Агнешка Косинская и специалист по вопросам литературного перевода Магда Хейдель предложили участникам семинара обсудить трудности перевода всего лишь одного стихотворения Чеслава Милоша — «К Робинсону Джефферсу». Стихотворение, написанное для Милоша период творческого одиночества, обращенное к американскому поэту и подчеркивающее контраст между поэзией славянской и англосаксонской, вызвало у участников неподдельный интерес. Поразила глубина понимания и трактовки стихотворения на других языках, порою столь далеких от польского, что сам факт перевода способен вызвать лишь восхище-

ние. Дискуссия вокруг этого стихотворения продолжалась в общей сложности три часа и не исчерпала всех поднимаемых в ее ходе вопросов. В заключительной части семинара прозвучали переводы этого стихотворения на разных языках: хинди (Ашок Вайпейи), шведском (Андерс Бодегард), украинском (Ярына Сенхишин), чешском (Вацлав Буриан), арабском (Хатиф Янаби), каталонском диалекте испанского языка (Ксавьер Фарре) и других. Впечатление это произвело необыкновенное.

Одним из кульминационных пунктов программы конгресса стала церемония вручения премии «Трансатлантик», учрежденной Институтом книги для лучшего переводчика польской литературы, внесшего наибольший вклад в дело ее популяризации в мире. Торжественная церемония, включавшая театрализованные элементы, состоялась в краковском театре им. Юлиуша Словацкого. Первую премию «Трансатлантик» получил живущий в Германии Генрик Береска, занимающийся переводами польской литературы на немецкий язык уже 55 лет, — на его счету переводы более ста книг польских авторов. На церемонии присутствовали выдающиеся представители польской литературы, в частности лауреат Нобелевской премии Вислава Шимборская, Эва Липская, Рышард Крыницкий, Адам Загаевский и многие другие. Конгресс предоставил редкую возможность общения с этими замечательными авторами в неформальной обстановке.

Институт книги присудил также вне регламента почетную премию Станиславу Баранчаку — замечательному поэту и фантастически талантливому переводчику, много сделавшему для популяризации польской литературы в англоязычных странах.

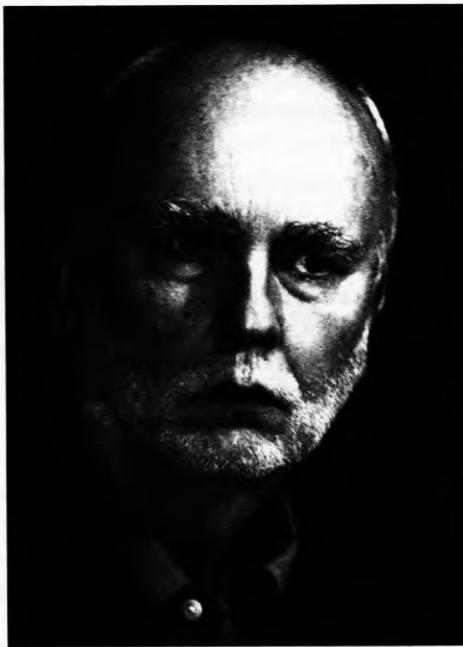
Взаимообогащающее общение переводчиков — уникальная возможность, предоставленная Конгрессом. Где еще и как мог бы я лично познакомиться с такими людьми, как, например, Марсель Вейланд из Австралии, 15 лет жизни отдавший переводу на английский язык «Пана Тадеуша», или выходец из Ирака Хатиф Янаби, вот уже 28 лет увлеченно занимающийся переводами с польского, или чета Богдана и Джон Карпентер из США, которые еще в 1962 г. в Беркли впервые встретились с Чеславом Милошем. И всех нас объединял один общий польский язык и любовь к польской литературе, и то общее дело, которым мы все занимаемся — если говорить высокопарно, укладывание кирпичиков в сооружение моста, призванного сблизить и соединять людей, народы, страны. Вдобавок — дело, доставляющее огромное удовольствие. Об этом говорил, кстати, получая премию «Трансатлантик», Генрик Береска: «Для переводчика награда — уже сама возможность заниматься переводом: можно уехать куда-то к озерам в прекрасные бранденбургские леса, сесть и работать».

В заключение приведу слова Альбрехта Лемппа, сказанные на одном из заседаний Конгресса: «Если представить себе, что собравшиеся в этом зале переводчики дали обет не заниматься своей переводческой деятельностью, скажем, в течение одного года, то стал бы мир от этого беднее?» Несомненно, прошедший в Кракове I Всемирный конгресс переводчиков польской литературы дал на этот вопрос утвердительный ответ.

ЮБИЛЕЙ АДАМА ЗАГАЕВСКОГО

Он родился 60 лет назад во Львове, который — как сказано в его стихотворении «Ехать во Львов» — находится повсюду

С первого, изданного в 1972 г. сборника стихотворений «Коммюнике» Адам Загаевский занимается поэзией, которая «способна соединить близкое и далекое, низкое и высокое, земное и божественное, записать движения души, спор возлюбленных, сцену на улице большого города, но услышит и шаги истории, ложь тирана, не подведет в час испытания» (из его эссе «Против поэзии»).

Зачисляемый в поколения 68-го года и поэтическое течение «Новой волны», Загаевский, как всякий настоящий поэт, оторвался от стаи, чтобы путешествовать в одиночку. Долго ли, коротко, а домом ему были Берлин, Париж, Хьюстон (где он и сейчас преподает в университете), и наконец Краков — город, где он учился и проходил первое посвящение в тайны поэзии.

В Польше второй половины 1970-х он был автором неподцензурно издававшегося журнала «Запис», в эмиграции подружился с «Зешитами литератцкими», с которыми сотрудничает и по сей день.

Он остается поэтом даже тогда, когда пишет прозой. Он автор изысканных эссе, собранных в книги «Солидарность и одиночество», «Два города», «В чужой красоте», «Защита пылкости».

Ответить на вопрос, почему его стихотворение «Попробуй воспеть изувеченный мир» завоевало сердца ньюйоркцев после теракта 11 сентября, — это ответить на вопрос о смысле поэзии в нашей жизни.

*Попробуй воспеть изувеченный мир.
Помни о долгих июньских днях
и землянике, каплях вина rose.
О крапиве, без устали покрывавшей
покинутые хозяйства изгнанных.
Ты должен воспеть изувеченный мир.
(...)
Ты видел беженцев, идущих никуда,
Ты слышал радостно поющих палачей.
Помни о минутах, когда вы были вместе
в белой комнате и шевельнулась занавеска.
Мысленно вернись в концерт, где разразилась музыка.
(Пер. Н.Горбаневской)*

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• В Радоме прошли торжества в честь 500-летия со дня принятия конституции «Nihil Novi». В 1505 г. заседавший в городе Сейм принял знаменитую конституцию, начинавшуюся словами «nihil novi» («ничего нового»), которая провозглашала, что отныне король не может устанавливать новых законов без согласия шляхты. В рамках торжеств была подписана декларация, в которой, в частности, говорится: «Мы считаем принцип национального согласия необходимым условием успешного развития Польши в объединенной Европе — открытой и готовой к сотрудничеству со всеми государствами и народами».

• В петербургской Российской национальной библиотеке открылась выставка «Ежи Гедройц и эпоха «Культуры»», рассказывающая о связях парижского журнала «Культура» с российскими диссидентами, а также о его роли в поддержке свободного слова. Экспозиция сопутствует большой выставке польской научной книги в Санкт-Петербурге.

• Завершился VI Всероссийский конкурс «Человек в истории. Россия — XX век». Среди лауреатов третьей премии — две школьницы, посвятившие свои работы польской тематике: Мария Бережнова из Тайшета («Польско-русский комментарий польских воспоминаний. Из истории депортации поляков в Тайшетский район Иркутской области») и Ксения Лобова из Котласа (««Пока мы живем...». Страницы польской ссылки на Европейский Север»).

• В этом году почетным гостем варшавской Международной книжной ярмарки была Швейцария. На ярмарку приехали также многочисленные гости из других стран — например, израильский претендент на Нобелевскую премию по литературе Амос Оз (автор автобиографического «Рассказа о любви и мраке»), швед Хеннинг Манкелль (создатель необыкновенно популярных детективных романов с полицейским Куртом Валландером в главной роли), Кен Фоллет из Великобритании (автор знаменитой некогда «Иглы») и трое украинских писателей: Юрий Андрухович, Сергей Жадан и Любка Дереш. Больше всего было, конечно, польских авторов, но из них мы назовем

только празднующего свое 75-летие Славомира Мрожека и Дороты Масловскую, которая после нашумевшей дебютантской книги «Польско-русская война под бело-красным флагом» издала наконец свой второй роман «Павлин королевы». Во время ярмарки состоялось также открытие акции «Читомания» — всепольской кампании по поддержке чтения. Между тем на книжном рынке царит оптимизм. Его отражает, в частности, представленный на ярмарке интернет-сервис www.wyczerpane.pl, с помощью которого можно заказать книги, уже исчезнувшие с прилавков.

• В Варшаве под лозунгом «Кофе и культура» появляются все новые книжные магазины-кафе. Возможность выпить кофе с домашним пирожным в них не менее важна, чем атмосфера, позволяющая углубиться в чтение. Теперь у первого подобного заведения, «Ласкового варвара» на Дobrej улице, появился конкурент — «Тарабук» на Броварной. Оба кафе расположены на полпути между Варшавским университетом и университетской библиотекой. «Мы хотим создать место, где читатели и книги будут чувствовать себя хорошо, — говорит хозяин «Тарабука» Якуб Булат. — Нам важно, чтобы у нас были не только не только новинки, но и книги постарше, в том числе университетские учебники, научные книги по антропологии культуры (...) Мы хотим, чтобы у нас были книги, которые трудно найти в других книжных магазинах».

• Вторая книга Дороты Масловской вызвала настоящую бурю. «Полная замечательных языковых наблюдений хип-хоп-баллада о мирке СМИ рассказывает о фабрикующей там славе», — так характеризует «Павлина королевы» Анета Кызёл. Как правило, «Павлин королевы» принимали положительно, иногда даже с восторгом, но не было недостатка и в критике. Например, рецензентка «Газеты выборчей» написала: «Ценность книги Масловской определяется блестящим стилем и остротой взгляда, однако в ней отсутствуют глубина и интеллектуальное новаторство»

• Влодзимежу Одоевскому, одному из известнейших современных польских прозаиков, живущему в Баварии, исполнилось 75 лет. «Я чувствую давление времени, — сказал писатель в беседе с Кшиштофом Маслоном. — Проклятая политика отрывает меня от самого главного — литературы». Несмотря на это вскоре выйдет сборник его новых рассказов «...и понесли кони».

• Славомир Мрожек — это чаще всего ставящийся в Польше и за границей современный польский драматург, обычно воспринимаемый как мастер абсурда. В краковских торжествах в честь его 75-летия принял участие сам юбиляр (хотя заглянул он ненадолго и неохотно — Мрожек не любит подобных мероприятий). На Плянтах были выставлены огромные копии его рисунков, а хэппенинг абсурдных событий привлек толпы любопытных. В рамках этого хэппенинга краковяне искали ежей-патриотов и писали рифмованную повесть о юбиляре. Из пруда с помощью совершенно не подходящей для этого удочки можно было выловить бутылки с его рисунками, а «торговые агенты» читали всем, кто попадался, фрагменты его произведений. «Это было приглашение отправиться к истокам страхов и опасений, причем не только польских, — комментирует краковские торжества Бартош Шидловский. — Главным героем здесь был не поляк, раздирающий свои национальные раны, а человек, который слишком мало понимает, но слишком много ожидает и чересчур боится быть счастливым». Вечером в театре «Нова Лазня» организаторы решили, по выражению одного из них, «приблизить зрителям Славомира Мрожека-метафизика (...) Это Мрожек, непрестанно возвращающийся к теме бренности, почти флиртующий со смертью».

• «Надо избегать таких оценок литературы, которые мы выносим из школы, — говорит Анджей Новаковский, директор Института книги и один из организаторов фестиваля популярной литературы «Поплит». — Неправда, что все написанное на уровне Мицкевича — это «литература», а все, что ниже, — «продукция» (...) Популярную литературу читает молодежь, она — неотъемлемая часть книжного рынка (...) Литературное образование невозможно начинать с высокой литературы (...) Если до 15-16 лет человек не приобретет навыка к чтению, то он потерян для книги (...) У нас нет Эйфелевой башни, «Нокии», «Хонды», токая... Лучшее, что Польша может показать миру, — это

литература». В рамках «Поплита» в Варшаве и Кракове состоялось несколько десятков встреч с авторами, киносеансов и других мероприятий.

• В списках бестселлеров, в категориях как художественной, так и документальной литературы, первые места занимают книги, тем или иным образом связанные с Иоанном Павлом II. Помимо этого, конечно, Катажина Грохоля («Личность ночной бабочки»), Януш Гловацкий («Как быть любимым») и захваливаемый роман Збигнева Менцеля «Все языки мира».

• «Твардовский не хвалится твердостью своей веры, не презирает неверующего, зато его злит самонадеянность коллег, которые «слишком видят», которым кажется, что они разглядели Невидимого, — пишет о 90-летнем юбиляре о. Яне Твардовском Ян Турнау. — А ведь Бог «во всем другой» (...) Он — Тайна (...) Ян Твардовский уже стал классиком. Его слова «спешите любить людей, они так быстро уходят» стали часто повторяемой по разным поводам формулой». По случаю юбилея вышла книга о. Яна «Пробуждать надежду. Азбука девяностолетнего». А в варшавской Национальной библиотеке открылась посвященная ему выставка «Фотографии настоящие, ибо уже непохожие».

• Режиссер, фотограф и художник, создатель «Художественной сцены» Люблинского католического университета Лешек Мондзик был автором идеи и организатором открывшейся в Кельце экспозиции современного религиозного искусства. «В галерее Мондзика представлены две крайности — от крайне консервативных произведений художников, воспринимающих религиозную тематику просто и наивно, до трудного и неоднозначного искусства, — пишет Дорота Ярецкая. — Мне кажется, было бы интереснее, хотя и более рискованно, если бы Мондзик решил пойти по второму пути и отказался от тех полотен, на которых наивно изображены белокрылые ангелы и охваченные огнем красные фигуры бесов (...) Более творческим подходом было бы использовать потенциал, кроющийся в искусстве, которое задает трудные вопросы: что такое сасгит и существует ли оно?»

• После смерти Яна Новака-Езёранского его творческое наследие было перевезено во Вроцлав, в Институт им. Оссолинских. Теперь там открылась выставка, на которой представлена часть этого наследия. Экспозиция рассказывает о жизненном пути замечательного публициста, писателя и поли-

тического деятеля, а также показывает его страсти и представляет часть любопытной коллекции живописи.

• Вторая варшавская «Ночь музеев» привлекла рекордное число посетителей. В акции приняли участие 30 культурных учреждений, а в столицу были доставлены старые автобусы, которые развозили всех желающих по музеям (см. статью «Ночь музеев» на стр. 115).

• На биеннале в Венеции польское искусство было представлено документальным фильмом Артура Жмиевского «Повторение». В фильме действительно повторяется знаменитый американский эксперимент, в котором студенты, игравшие роли заключенных и надзирателей, в конце концов дошли до тотальной агрессии. Однако в своем «Повторении» Жмиевский доказывает, что естественная склонность человека — это конформизм и стремление к компромиссу. «Это не фильм о бунте, — говорит режиссер. — Это фильм о капитуляции, об отказе от своих прав и свободы. Это поразительный спектакль конформизма». И все же в конце концов «власть восстает против власти». Быть может, это самый интересный вывод из этого фильма.

• «В варшавском Центре современного искусства кинозал так же важен, как выставочный зал, — пишет рецензентка, комментируя несколько последних выставок. — Значительная часть современных художников занимает позицию документалистов. Они подходят к действительности без идейных предпосылок и с помощью камеры исследуют ее, часто провоцируя, чтобы она раскрыла свое естество (...) Недавно Павел Альтамер снял короткий фильм, демонстрировавшийся в кинотеатрах в качестве журнала, а потом на улице, с помощью тех же актеров, воспроизводил сценку, показанную в кино. Границы размыты: невозможно уже не только отличить искусство от обычного документального фильма, но и кино от действительности. Возникает вопрос: зачем тогда вообще выставки? (...) Ответ прост. Выставка — это условность. Выставочный зал — орудие. В выставочных залах возникает новый уровень, открывающий путь этому более трудному документальному фильму, новому жанру фильма без названия».

• О 45-м Краковском кинофестивале, одном из старейших и важнейших в Европе фестивалей, посвященных прежде всего документальному фильму, пишет Юстина Новицкая: «В этом году поражает

прежде всего разнородность, отсутствие четкого разделения на национальные или формальные школы. Неясным стало и понятие самого документального фильма — это может быть телевизионный репортаж, поэтическое киноповествование или идеологизированная, прямо-таки пропагандистская картина в стиле Майкла Мура (...) Вопреки тому, что было прежде, режиссеры не эпатируют нас несчастной судьбой героев, а скорее призывают к сопереживанию». Между тем один из членов жюри фестиваля журналист Анджей Колодынский утверждает: «Режиссеры, желая силой показать «всю правду», нередко прибегают к нечестным методам, например напавая своих героев. Сегодня в документальном фильме принимается в расчет прежде всего шокирующее содержание. Настоящие, действительно оригинальные формальные поиски видны лишь в мультипликационных фильмах». И все же первой премии международного конкурса удостоились именно такие эпатажные фильмы о судьбе женщин в Иране.

• На 75-м году жизни скончался проф. Генрик Клуба, замечательный режиссер (снявший, в частности, фильмы «Худой и другие», «Солнце встает раз в день») и многолетний ректор лодзинской Киношколы.

• На экраны польских кинотеатров вышел фильм Джакомо Баттиато «Кароль — человек, ставший Папой», посвященный Каролю Войтыле, впоследствии ставшему Папой Иоанном Павлом II. «Это легенда о человеке, который не позволил убить в себе внутреннюю радость», — написал Тадеуш Соболевский.

• После долгих лет подготовки Сейм наконец принял давно ожидавшийся польскими кинематографистами закон о кинематографии. «Теперь у нас есть закон о кинематографии, соответствующий нынешней системе и европейским стандартам, — пишет Тадеуш Соболевский. — Речь в нем идет не о том, чтобы брать деньги на кино из кармана налогоплательщика. Этот закон исправляет ошибку, допущенную при раздаче концессий телеканалам, когда их не обязали поддерживать производство фильмов на польском языке. Вторая ошибка, допущенная в 90-х годах, заключалась в передаче государственных кинотеатров в частные руки без гарантии, что доходы от продажи билетов будут тем или иным образом предназначены на поддержку польской кинематографии».

• «Главная идея фестиваля состоит в популяризации и награждении лучших теле- и радиоспектаклей, т.е. тех форм, в которых наиболее полно выражается культурная миссия государственных СМИ», — пишет о сопотском фестивале «Два театра» Мирослав Баран. В этом году на фестивале было представлено по 15 теле- и радиоспектаклей. Главные премии получили телеспектакль «Дневник Варшавского восстания» по мотивам прозы Мирона Бялошевского в постановке Марии Змаж-Кочанович и радиоспектакль «Бас-саксофон» Йозефа Шкворецкого в инсценировке и постановке Анджея Пищатовского. Оба награжденных спектакля рассказывают о реалиях немецкой оккупации.

• «Предназначенный для широкого круга интеллигенции словарь имеет своей целью исключительно информировать, а не создавать какие бы то ни было принципы или программы. Он не прославляет и не опорочивает, не гонится ни за сенсацией, ни за пересмотром старых взглядов», — сказано в редакционном предисловии к первому тому Польского биографического словаря, который вышел в свет в 1935 году. Издание словаря продолжается по сей день — до сих пор вышли 42 тома. А летом прошлого года Польский биографический словарь, незаменимый источник сведений по истории Польши, появился в Интернете. «Когда-нибудь это нужно было сделать, — говорит автор идеи Михал Комар. — ПБС — уникальное в мировом масштабе непрерывное издание университетского уровня. Он с самого начала был и продолжает оставаться элитарным. А мы открыли доступ к нему всем желающим, без ограничений, и вдобавок совершенно бесплатно».

• «В этом году на 43-м Фестивале польской песни в Ополе технологические и организационные новинки сочетались с идеями многолетней давности, — пишет Роберт Санковский. — С одной стороны, фестиваль прошел под знаком кабаре, которое много лет назад было самым интересным пунктом программы (...) С другой — преобладала молодежь, так что концерт «Премьеры», который

в прошлые десятилетия делал рекламу величайшим хитам, мог бы с успехом называться «Дебюты»».

• Тот же Роберт Санковский пишет из Яроцина, где некогда проходил легендарный молодежный фестиваль мятежной музыки: «Все шло к тому, что Яроцин станет прежде всего местом воспоминаний. Организаторы обещали хэппенинги, продолжающие традиции времен коммунизма, и выставки, напоминающие о былых временах, хотели вернуть дух ПНР. Все это было (...) Однако прежде всего это был фестиваль публики (...) Это был их праздник. Они пили пиво, кричали «ой-эй-эй» под сценой, смотрели показанный в первую ночь фильм «Волна» о Яроцине 1985 года, подхватывали песни старых ансамблей. В то же время они приходили на выставку «Яроцин в объективе госбезопасности», заглядывали в яроцинский музей, где была открыта экспозиция, посвященная истории фестивалей (...) Они превратили Яроцин в фестиваль с человеческим лицом».

• Давно намечавшийся, но запрещенный президентом (мэром) Варшавы Лехом Качинским т.н. «Парад равенства», за проведение которого ратовали общества гомосексуалистов и лесбиянок, все-таки прошел по улицам города. Его участники развлекались, как могли, не нарушая внешних приличий, зато изошряясь в островах по адресу президента, обосновавшего свой запрет тем, что могут возникнуть беспорядки, поскольку другие (т.е. крайне правая организация «Всепольская молодежь») будут на «парад» нападать, а это может создать угрозу для случайных прохожих. Противники «парада» действительно бросали в его участников яйца, а в конечном итоге получили от президента разрешение провести спустя неделю легальный «Парад нормальности». Против него уже никто не протестовал, так как все забияки шли в его рядах. Тем самым президент города доказал свою правоту.

Элиза Вольская

НОЧЬ МУЗЕЕВ

Варшава — город специфический. В нем все меньше варшавян и все больше приезжих. Все чем-то недовольны, жалуются на скуку и потихоньку завидуют атмосфере, царящей в культурной столице Польши — Кракове. И все-таки иногда даже некрасивая и неинтересная Варшава может приятно удивить своих жителей и приезжающих в нее туристов. 18 июня множество изголодавшихся по культуре варшавян с удовольствием отказались от посещения мест, в которых они охотнее всего проводят свободное время (т.е. от кино, театров, клубов и баров), и отправились на организованную уже второй раз «Ночь музеев». Вход в 33 варшавских музея был свободным. Благодаря этому факту, а также широкой кампании в СМИ, многие почувствовали себя участниками важного, прямо-таки исключительного события. Если же учесть, что обычно музеи и художественные галереи закрываются рано, самое позднее в пять часов вечера, а у заваленных работой жителей столицы нет времени посмотреть многие выставки, то перестаешь удивляться, что «Ночь музеев» пользовалась таким огромным интересом, а желание «окультуриться» проявили многие тысячи людей.

Разумеется, самые большие толпы собрались перед входом на выставки, считающиеся самыми интересными, — в Национальном музее, Королевском замке (где допоздна была открыта одна из интереснейших выставок этого года «Свет и тени» — почти 120 картин крупнейших мастеров французской живописи), Центре современного искусства и музее Варшавского восстания. У меня даже возникло впечатление, что люди стоят в гигантских очередях с удовольствием. Неужто насмотрелись на старые автобусы (некогда служившие городским транспортом, а в эту ночь подвозившие желающих к музеям) и ощутили тоску по былым временам? «Огурцы» (так называют эти автобусы в народе), битком набитые веселыми, а иногда и поющими, преимущественно молодыми людьми, ездили по двум музейным маршрутам. В одном из автобусов пассажиров ожидал водитель, одетый в потертый голубой комбинезон и берет с хвостиком, а из динамиков лились пропагандистские песни эпохи ПНР. К счастью, музейный транспорт курсировал чаще, чем во времена, когда он еще не стоял в музее...

Свою прогулку по варшавским музеям я начала с места необыкновенного — с Центра современного искусства, где разместилась выставка «Полька. Медиум, тень, представление». Без нескольких минут семь — т.е. незадолго до открытия почти всех музеев, принимавших участие в мероприятии, — перед Уздовским замком собралась внушительная толпа любителей искусства. Выставка, подготовленная под руководством проф. Марии Янион, разделена на пять частей: «Тело», «Дом», «Место», «Вера» и «Война». Фотографии, газетные вырезки, письма, стихи, видеоинсталляции и скульптуры дают возможность взглянуть на современную польку сквозь призму судеб предыдущих поколений польских женщин.

После посещения Центра современного искусства я направилась на площадь де Голля, где находится Национальный музей. На очередной крупной варшавской выставке «Сальвадор Дали — иллюстратор» были представлены рисунки, графика, книги, монеты и другие предметы из коллекции Ханнелор Нойман и Гельмута Ребмана. Кроме того, посетители (как потом оказалось, их было 6 тысяч) могли любоваться сотней с лишним старинных часов (XVII-XX вв.) на выставке «Сокровища времени. Часы из коллекции Художественного института «Мансон-Проктор»». В атмосфере пикника тысячи улыбающихся варшавян и туристов выстроились в огромную очередь, чтобы посмотреть произведения Дали. Ожидание скрашивали сопутствующие мероприятия, организованные перед зданием музея, — например показ моды, созданной под вдохновением искусства Дали, или представление его оперы «Быть Богом».

Обязательный пункт программы каждого туриста — это, конечно, Дворец культуры и науки. На сей раз в желающих тоже не было недостатка. Перед входом выстроились очереди длиной в несколько сот метров.

Кроме возможности полюбоваться панорамой ночной Варшавы, посетителям представился случай прогуляться по недоступным для масс комнатам и залам с золоченым орнаментом и прекрасными хрустальными люстрами, где первые секретари ЦК принимали высоких гостей во время конгрессов и съездов.

Недавно открывшийся музей Варшавского восстания тоже переживал настоящую осаду. Для многих он стал последней остановкой на музейной трассе. Большинство хотело посмотреть экспозицию, другие же ждали концерта, который оказался хитом вечера. Рок-группа «Лао-Че» представила зрителям свою мистерию, посвященную Варшавскому восстанию. В десяти произведениях она описала события начиная с последних дней июля 1944 г., отступления немцев на запад, решения верховного командования АК начать восстание, и кончая уличными боями и поражением. Необычные аранжировки, песни на стихи поэтов-повстанцев — все это создало в Парке Свободы перед музеем Варшавского восстания совершенно необычную атмосферу. Ко всему вышесказанному стоит добавить, что с шести часов вечера вплоть до завершения «Ночи музеев» в зале им. Яна Новака-Езёранского шел просмотр документальных и художественных фильмов (например, желающие смогли посмотреть «Канал» Анджея Вайды или «Запрещенные песенки» Леонарда Бучковского).

Самый большой интерес к «Ночи музеев» проявила молодежь, хотя не было недостатка и в пожилых людях или родителях с детьми. Несомненно, многие восприняли эту ночь как прекрасный способ времяпрепровождения. Не обязательно на выставках — перед музеями тоже шли различные мероприятия: шоу, концерты, конкурсы. Организаторы позаботились о том, чтобы интересно было каждому. Были открыты музей детского творчества, представивший свою коллекцию кукол, и музей техники, в котором можно было понаблюдать звездное небо с помощью приборов Коперника. Больше всего восхищенных детей (главным образом мальчиков с отцами) я встретила на площади Старынкевича, где были выставлены трамваи 1925-1960 годов. А любители спорта могли посетить Олимпийский центр и встретиться с бывшими звездами польского спорта, такими, как боксер Ежи Кулей, велосипедист Чеслав Ланг, борец Анджей Супрон или прыгун в высоту Яцек Вшола. Свои двери распахнули также выставки, посвященные Шопену, Мицкевичу, Виткацию, Шульцу и другим. Словом, каждому свое.

Надо сказать, что «Ночь музеев» не была привилегией одной лишь столицы. Подобные ночи прошли и в других польских городах. Вечером 14 мая, в рамках международной акции «Европейская ночь музеев», призванной популяризировать культуру и искусство, свои двери распахнули перед посетителями музеи Гданьска, Щецина, Вроцлава, Белостока, Быдгоща, Лодзи и Торуня. В это же время были открыты музеи и галереи искусства в 29 других странах — в общей сложности свыше тысячи музеев. Своя «Ночь музеев» прошла и в Кракове, где до часу ночи можно было за символический злотый посетить почти все существующие экспозиции. По городу курсировал специальный старинный трамвай с гидом. Идея «Ночи музеев» всем пришлась по вкусу. В Варшаве организаторы обещают, что через год будет еще интереснее. Говорят, что в акцию должны включиться очередные культурные учреждения. Остается только надеяться, что «Ночь музеев» не останется для многих единственным контактом с искусством... Быть может, благодаря такого рода акциям Варшава превратится из невероятно cool-гурной в настоящую культурную европейскую столицу.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

После короткого, но увлекательного путешествия в Москву, Тверь (где я участвовал в научной конференции) и Петербург — а это была моя первая (надеюсь, не последняя) поездка в Россию — я еще охотней, чем прежде, читаю тексты, посвященные России. На этот раз мое внимание привлекла статья преподавателя Ягеллонского университета Михала Богуна «Российская псевдоморфо́за» («Пшегленд политичный», №70, 2005). Автор, в частности, пишет:

«В „Закате Европы» Освальд Шпенглер ввел понятие «исторической псевдоморфо́зы», одним из самых выразительных примеров которой была у него Россия после Петра Великого. Сам термин взят из лексики минералогии, где означает минеральное образование, внешняя кристаллическая форма которого не соответствует внутреннему строению и химическому составу. Внутренняя структура «исторической псевдоморфо́зы» противоречит тому, что рисуется взгляду наблюдателя. Вид ее вводит в заблуждение. Во время чтения книги Юрия Афанасьева мне очень часто приходил на ум этот термин в его первоначальном, минералогическом значении. Россия — это страна, построенная из мнимостей, внешняя форма которых не соответствует тому, что скрывается под окружающей их оболочкой; она полна явлений, которые уже в самом семантическом слое не только что-то скрывают, но и обманывают неадекватностью данных им определений».

Что ж, например, все мы знаем, что коммунизм в России рухнул. Но действительно ли рухнул? После поездки, продолжавшейся всего неделю, трудно сказать что-то с уверенностью. Можно все-таки попытаться описать впечатления. А они довольно разнообразные, в том числе и совпадающие, хотя бы частично, с вышеприведенным суждением. Поражает взаимопроникновение в одном и том же пространстве советской символики (всяческих эмблем, «украшающих» вокзалы или «памятники истории» советской империи) и реалий капиталистического мира. Гуляку, бродящего по несколько отдаленным от центра местам Петербурга, поражает выход на улицу, носящую гордое название... Диктатуры Пролетариата. Смешение языков — вот первое, может быть поверхностное, впечатление. Обратимся к статье Богуна:

«Афанасьев предлагает нам на первый взгляд известный сюжет. Сюжет о России, стоящей на распутье, — тему, как он сам признаётся, истертую и скучную. Российские распутья, точки, где она раздирается между демократией и авторитаризмом, Востоком и Западом, традиционностью и новизной, занимают историков, мыслителей и художников уже не меньше двух столетий. Однако сегодня эта страна стоит перед окончательным выбором, от которого зависит не только ее будущее, но и судьбы Европы и всего мира. (...) История сохраняет там важнейшее значение, так как Россия даже в сегодняшнем виде «несовременна». Она представляет собой псевдоморфо́зу современности, не умея освободиться от прошлого. Даже эта неспособность, считает Афанасьев, запрограммирована предшествующей историей. Об этом и рассказывает его книга. Но говорится в ней и о том, как не следует от нее освобождаться. Рецепты, которые предлагает сегодняшняя власть, опасны. Осуществление планов Путина, тщательно скрываемых от общества — как и пристало сотруднику тайной полиции, — может оказаться слишком дорогостоящим и по сути дела ведущим в никуда. Это-то и делает Россию опасной как для самой себя, так и для других».

Автор производит подробный анализ «вербальных фантомов» Путина и приходит к заключению:

«В истории России по-прежнему выступает союз либералов со сторонниками корпоративности, вызванный убеждением в незрелости русских либо уверенностью в нехватке времени на проведение эволюционных перемен. Это тоже источник путинской «управляемой демократии», представляющей собой попытку модернизировать общество без активного участия граждан. Таким образом, все полагается навязывать сверху, создавать государственными «fiat» [«да делается»], воспитывать население, словно непослушных и не слишком умных детей. Проблема, однако, состоит в том, что недоверие приобретает крайние формы. Путин, язвительно констатирует Афанасьев, ведет себя так, словно он по-прежнему офицер тайной полиции. Вместо того чтобы быть президентом, он стал «шпионом №1» в собственной стране: лавирует, сбивает со следа, запускает пробные шары, манипулирует... А ведь он мог бы быть «политиком №1» — сообщать народу, что он думает по вопросам, которые всех тревожат».

В конце Михал Богун пишет:

«Книга Афанасьева — это не только и исключительно критика прежней и современной России. Автор дает также некий рецепт, положительную картину, представляющую собой возможный вывод из его исторического и политического анализа. Перед Россией, как всегда, два пути. Первый, «типично» русский, то есть авторитарный, состоящий в сосредоточении администрации и силовых органов в одних руках. И все это ради достижения определенной цели, о которой общество ничего не знает и знать не должно. Второй путь исторически «чужд» России. Это демократический путь, основанный на компромиссе власти с обществом. Стратегия демократической модернизации кажется ясной, хотя она наверняка нелегка: ликвидация привилегий, демополизация, свободный рынок, гласность политической жизни, прозрачность хозяйственной и административной деятельности, равенство перед законом, соблюдение общеобязательных, для всех одних и тех же принципов. Однако начать надо с людей — и этим выделяется проект Афанасьева. Высшая цель — возникновение среднего класса, благодаря которому можно будет преодолеть социальную поляризацию, ныне достигающую критической точки. (...) Основа афанасьевского проекта — последовательный политический и экономический индивидуализм. Выживание и развитие России будет зависеть от человеческого капитала, а не от природных ресурсов, распродажа которых поддерживает экономику на плаву. Российская «экономика ренты» опирается на торговлю сырьем, прежде всего минеральными ископаемыми, которые благодаря интенсивному развитию Китая и ближневосточному конфликту сохраняют высокие цены, порождая впечатление, что мягкая диктатура Путина достигает хозяйственных успехов.

В утверждениях русского историка, по-видимому, немало верного. Думаю, что его суждения можно поддержать еще одним аргументом. Не следует путать рост ВВП с ростом национального богатства. (...) Национальная продукция брутто может возрасти, а народное богатство — одновременно убывать. Гипертрофическое развитие рынка товаров и услуг определенного типа, обычно связанное с грабительской эксплуатацией природного сырья и не сопровождающееся надлежащей политикой в отношении других системных компонентов национального богатства, может привести не только ко всеобщему обнищанию населения, но и к хозяйственному кризису. Это вполне может произойти в России, которая ныне потребляет остатки основного капитала времен коммунизма, а опирается главным образом на сырьевую базу. Но — о чем тоже говорит Афанасьев — российские природные богатства, их качество и величина запасов — это еще один миф. Пока, однако, власти хватает его для поддержания элементарного социального и экономического порядка. В России нужно возродить общественный капитал — вот главный вывод. Это произойдет, если в российском обществе укоренятся либеральные ценности: самостоятельность, ответственность, трудолюбие, новаторство, порядочность, готовность к конкуренции *fair play*, то есть черты, хотя автор этого уже не написал, традиционно буржуазные.

Но это не единственный вывод, который можно вынести из чтения этой книги. Думаю, что замысел Афанасьева идет гораздо глубже, вплоть до оснований исторической жизни России. Рецепт на «панархию» — разумеется, не анархия, а необходимость превратить российских граждан... в нацию. Конечно, в нацию в современном, политическом смысле этого слова. Не случайно русский историк недвусмысленно выступает за унитарный характер государства, а далеко идущую региональную автономию в виде анархически управляемых губерний считает укреплением предрассудков средневековья. Здесь сквозит образ государства, основанного не на местных особенностях и феодальных доменах, а на равных правах и свободах всех граждан и их непосредственной активности. Тогда все — независимо от этнического происхождения, родного языка или религии — станут унифицированным политическим множеством, которое будет связывать общая, хранимая в памяти и понимаемая история, общая территория и единообразный правовой порядок. Это образ суверенной нации, свобода которой построена на том, что каждый из ее членов представляет собой субъект, а не объект. В конечном счете это образ десакрализованной нации, объединяющей граждан независимо от их веры и этнической принадлежности. И это, пожалуй, единственный шанс для России, где сакрализация нации-народа всегда оборачивалась сакрализацией власти и государства, для страны, которую населяет множество этнических общностей, где говорят на разных языках и молятся разным богам. Чтобы выжить, российские граждане должны стать политической нацией, объединяемой не ложным национальным самоопределением или страхом перед повелевающей рукой власти, а гражданскими свободами и возможностью непосредственной активности в публичном пространстве, принадлежащем всем. Быть может, тогда Россия перестанет быть опасной».

В том, что она опасна, не так давно убедился выдающийся поэт и переводчик (прежде всего Мандельштам) Ярослав Марек Рымкевич. В интервью, которое он дал Кшиштофу Маслоню для газеты «Жечпосполита» и которое Маслонь теперь включил в свою книгу «Евреи, Советы и мы» (Варшава, 2005), Рымкевич говорит:

«Несмотря на возраст и опыт, я, собственно, до сих пор не знаю, что думать о России и русском народе. Иногда я действительно думаю о нем с презрением и ненавистью. А иногда — с любовью и нежностью. Иногда мне кажется, что народ, который причинил своим соседям и всему человечеству столько зла, который душил, убивал, вешал литовцев, татар, поляков, чеченцев, да все народы, с которыми он соседствует, — вообще недостоин существования. (...) Такой дурной народ должен исчезнуть с поверхности земли — пойти на север и утопиться, целиком, в Белом море. А иногда я думаю о русских с любовью и огромной болью, вспоминая, что это страшно несчастный народ, затянутый в маховики истории и подвергнутый там жутким пыткам. Но если это так, если это невинный народ, который со времен татарского нашествия все время попадал в руки каких-то чудовищ и палачей, которые его мучили, — то Иван Грозный, то Петр I, то Ленин, — значит, надо смотреть с восхищением, даже с восторгом на то, что несмотря на все эти страдания, которые его встретили, он сумел произвести на свет Тютчева и Мандельштама. (...) То есть надо так читать русских, так их слушать, чтобы при этом нам открылась истина об их предназначении. Ее находишь, и даже в больших количествах, у Шостаковича. Но я знаю наверняка, что история между Польшей и Россией еще не завершилась, что в ней наступят еще страшные и очень дурные вещи. Это очевидно, так как в истории чаще наступают очень страшные и дурные вещи, а милые и приятные случаются редко».

Разумеется, нет причин, по которым к этим катастрофическим предсказаниям поэта не следует относиться серьезно. Но, как обычно бывает с предсказаниями, лучше всегда держаться от них на расстоянии — хотя бы для того, чтобы они не подтверждали сами себя. Лучше обращаться к более приземленному анализу политических перемен в России, какой мы находим в цикле

высказываний различных политологов на страницах «Европы» (2005, №19) — отличного, как ни странно, еженедельного приложения к бульварной газете «Факт». Польским читателям (что важно) представляет свою точку зрения Глеб Павловский в интервью, озаглавленном «Почему Россия не будет просить прощения», которое взял у него Мариан Сельский:

«Анализ своей истории в России не является темой политической дискуссии. Нами в большой мере управляет прошлое. Мы же никоим образом не можем его себе подчинить. (...) Насколько для СССР отправной точкой была большевистская революция 1917 года, настолько для сегодняшней России — Великая Отечественная война. Хотя это выглядит парадоксом, Российская Федерация, сравнительно молодое государство, которое в июне этого года будет отмечать 15-летие своего суверенитета, реально порождена — по крайней мере в сфере общественного сознания — периодом II Мировой войны и победы 1945 года и из них исходит. (...) Отдавая себе отчет в том, что плохо понятый идеализм может быть причиной кровавых конфликтов и репрессий, я хотел бы подчеркнуть, что среда, в которой я рос, весь этот советский мир, который я помню, почитал высокий идеализм, иногда доходя до фанатизма. Однако он опирался на систему высоких нравственных ценностей. Думаю, что Россия не вполне осознаёт вес и значение советского наследия, если говорить о ее собственном самоопределении. Процесс переоценок, который позволил бы увидеть близость систем ценностей и прямое влияние на наши позиции опыта советской эпохи, еще не начался. Зато пока что он становится причиной конфликтов с Западом. Для государств Западной Европы и в особенности для США Советский Союз был всего лишь преступным режимом, «империей зла». Наше видение и оценка СССР совершенно иные. (...) В ситуации, когда позиции обеих сторон в вопросе оценки прошлого так сильно определяются игрой политических противоречий, о примирении не может быть и речи. Тем не менее теоретически оно выглядит возможным. (...) Однако мне не кажется возможным обратный ход стрелок больших часов и возвращение к прошлому. Этот этап у российского народа уже позади, и я хочу подчеркнуть, что в России сейчас не позволят вернуться к положению начала 90-х. В сознании русских этот период запечатлелся как время, когда бесконечно калялись и признавались в той или иной вине. Преувеличенное покаяние в конце концов выродилось в нечто вроде национального нигилизма. Наступило пресыщение. Сегодня уже нет возврата к той эпохе. Тем более что в ощущении большинства российских граждан готовность к раскаянию умело использовалась в политических интригах и подвергалась далеко идущим манипуляциям со стороны наших партнеров. Лимит христианской готовности ко всеобщей исповеди в России уже исчерпан с избытком».

Глеб Павловский — как известно, политолог. Я, похоже, предпочитаю разговаривать с историками.

МЕЖДУ ЗЛОМ И НАДЕЖДОЙ

Беседа с Михалом Комаром

— *Ваша книга «Усталость», изданная в 80-е гг. в Париже, оказалась чрезвычайно злободневна после 11 сентября 2001 года. Это и история, и одновременно попытка анализировать явление мирового терроризма; при этом вы доказываете, сколь фальшивыми побуждениями руководствуются террористы, цитируя их же самих, хотя бы Нечаева, который в своем «Катехизисе революционера» прямо утверждает, что следует использовать все средства, чтобы сделать страдания народа еще более невыносимыми, ибо только так можно подтолкнуть его к массовому бунту. Так почему же у них по-прежнему находится так много сторонников во всем мире?*

— Потому что миф борьбы, миф революции, миф великих перемен привлекателен. Чем более опасным становится терроризм как политическое и идеологическое явление, тем больший соблазн заключается в нем для тех, кто считает себя униженным, отвергнутым и страдающим. Довольно часто это действительно люди страдающие, однако, чтобы это горькое чувство обиды заставило взяться за оружие, необходимо особое стечение обстоятельств. Терроризм — явление не новое. В XIX и XX столетиях огромной массе людей казалось, что с помощью революционного насилия можно решить все самые важные проблемы в мире — в том числе метафизическую загадку бытия. Обратимся хотя бы к воспоминаниям народовольцев, где мечта о великом кровавом акте справедливости заслоняла все... Николай Морозов описывает сцену, о которой он мечтал вместе со своими товарища-

ми. В день свершившейся революции, о которой они грезили во сне, все выходят на улицы и проверяют ладони у прохожих. Тех, у кого не находят мозолей, ставят к стенке... Этот сон позднее стал явью, к ужасу многих мечтателей. Впрочем, любопытно, что самое пронзительное литературное описание того, как трагически запутались террористы, было создано до 1917 года. Я имею в виду роман «Пламя» Станислава Бжозовского, польского писателя, скончавшегося в 1911 г. во Флоренции. Этот роман внимательно читал Борис Савинков... В СССР его издавали едва ли не дважды, в двадцатые годы.

— *Михаил Бакунин придавал разбою важное историческое значение в процессе формирования взглядов будущих революционеров, а по мнению Карлоса Маригеллы звание террориста возвышает каждого человека. Как в свете этих концепций вы оцениваете деятельность вашего отца, который с ранней юности был активным членом коммунистической партии, принимавшим участие в террористических актах?*

— В какой-то степени он был виноват, а в какой-то степени был жертвой. Мне, сыну, трудно разделить эти роли. Спустя так много лет, после стольких испытаний я смотрю на его жизнь как на некую модель человеческой судьбы в XX веке. Варшава. Пролетарская семья. Социалисты. В 1905 г. брата моего деда приго-

ворили к многолетней ссылке. Сибирь. Дед в рядах русской армии. В 1915 г. он попал в немецкий плен. Свободу ему принесла революция в Германии. Мой отец, которому было в то время девять лет, не сомневался, что революция — самый луч-

ший способ существования. Прошло несколько лет. Шестнадцатилетним юношей он стал членом боевого отряда Коммунистической партии Польши (КПП). Вспомните, что в Варшаве жива была память о «стилетниках»*, о «Великом пролетариате», о вооруженных действиях революции 1905 г., об Иване Каляеве, о деятельности Боевой организации ППС во главе с Юзефом Пилсудским... Соблазн совершить революционный подвиг! Да, соблазн проявить себя в героическом акте... Партийный суд КПП вынес приговор полицейскому провокатору. Приговор приводил в исполнение мой отец. Соблазн, ставший ловушкой. А единственной возможностью выбраться из этой ловушки становится коридор, ведущий к следующей ловушке. Судьба в чистом виде. В 1930 г. мой отец — ему тогда был 21 год — возглавлял антивоенный отдел немецкого комсомола. Его прямым начальником и ближайшим другом был Курт Мюллер. Совместно они проводили разные акции... пока в конце концов не получили задание взаимодействовать с нацистами — против социал-демократического правительства... В 1933 г. Мюллер был арестован нацистами и заключен в Дахау. По окончании войны он работал в Западной Германии. В 1950 г. его похитили и вывезли в СССР, оттуда его вытащил в 1955 г. Конрад Аденаур. Я встретил его уже после смерти моего отца. И забросал вопросами. Немного наивными. Типа: «Как это могло случиться? Почему? Это же несправедливо!» А он лишь смотрел на меня с насмешливой улыбкой...

Но все по порядку. Вспыхнула гражданская война в Испании. Отец сначала командовал польским батальоном им. Ярослава Домбровского, потом чешско-балканской бригадой. Он рассказывал мне, как однажды его навестил командир корпуса. Приехал, чтобы попрощаться. Они выпили. И тот сказал, что его неожиданно вызывают в Москву. Он знал, что его ждет. Сомнений не было. Он не питал иллюзий. Его арестовали на вокзале в Москве и расстреляли через несколько дней. А потом поступила информация, что то же самое произошло с ближайшими друзьями отца, польскими

коммунистами. Судьба! Теперь добавлю, что югославские солдаты из этой бригады потом создавали партизанскую армию маршала Тито и после конфликта со Сталиным заняли высшие посты в югославской армии, а чешские добровольцы — те, кому удалось пережить репрессии 50-х годов, — сыграли большую роль в Пражской весне. Они не питали иллюзий, но по-прежнему питали надежду. Которая была бесповоротно раздавлена советскими танками в 1968 году. После поражения республиканцев отец оказался в Париже. Работал рабочим на фабрике. Осенью 1939 г. он явился добровольцем в организуемую во Франции польскую дивизию гренадер. В качестве рядового. Однажды, к его удивлению, вызывает его командир полка, угощает кофе и коньяком и говорит: «Господин майор, мы всё знаем о вас. Мы хотели бы побеседовать о вашем опыте в Испании». Знаменательно, не правда ли? В кампании 1940 г. отец был ранен. Попал в плен. Бежал пять раз. Рекорд. Наконец на шестой раз побег удался. Он добрался до Парижа. Был уверен, что в Польше удастся создать новый замечательный порядок... Ну да, благими намерениями вымощена дорога в ад... Он верил, что после военных испытаний невозможно возвращение к сталинской практике 30-х годов. Потом был разрыв с Югославией, процессы над Сланским и Костовым, похищение Мюллера. В конце концов он оказался в тюрьме, обвиненный в том, что «возглавлял шпионско-диверсионную шайку». Пытали его ужасно. Спустя много лет, в 1988 г., они с кинорежиссером Кшиштофом Лангом отыскали человека, который руководил этим следствием. Советский офицер. Жил в Киеве. Он согласился побеседовать. Вопрос: «Почему вы это делали?» Ответ: «В 30-е годы моего отца тоже мучили... Его убили, и я даже не знаю, где его могила. А сам я по сей день страдаю различными заболеваниями, потому что едва выжил во время голода в Харькове в период коллективизации...» Вот она — правда! И что с этой правдой делать? Я не знаю правильного ответа.

— В романе «Трое» описывается сцена в 1953 г., когда учительница бьет по лицу семилетнего мальчика за то, что его отец был причастен к смерти Сталина — друга всех детей. Насколько эта сцена автобиографична?

— Это подлинная сцена. До воспитательницы дошел слух, что мой отец расстрелян, и она

* Стилетники — V Отдел жандармерии, глубоко законспирированный исполнительный орган Национального правительства и Революционного трибунала. Задача этой группы состояла в том, чтобы применять индивидуальный и коллективный террор в отношении всех противников восстания 1863 года.

решила как-то отреагировать. Сначала она дала мне пощечину, а потом сказала с каким-то невероятным волнением: «Я рада, рада, что твоего папу расстреляли! А теперь иди и учись, учись, учись!»

— *О Господи, а я думала, что это литературный вымысел!*

— Это была очень симпатичная женщина, и, вероятно, она не желала меня как-то особенно обидеть. Зато она очень верила в возможность исправить этот мир. Может быть, слишком верила? Может быть, прежде ей было плохо в жизни? Во всяком случае у нее было ощущение, что существует враг, дракон, виновник всяческого несчастья, который должен понести наказание... Она хотела выразить свою веру, свою надежду, что если дракону отрубить голову, то всем станет лучше, а я оказался рядом... Это очень по-человечески... А я ей благодарен. Ведь я тогда обиделся, и если бы не эта обида, то, наверное, совершенно иначе пошла бы моя жизнь. А на кого я тогда обиделся? На взрослых. На тех, кто самозабвенно декламировал «Сталин — наш отец родной» и заливался слезами при известии о его смерти, и вовсе не потому, что они его обожали — нет, они на самом деле считали себя детьми, не вполне взрослыми, освобожденными от ответственности за собственные поступки. Инфантилизм как бегство от страха...

— *Сколько времени понадобилось сыну коммуниста, чтобы стать оппозиционером, деятелем подполья, «Солидарности»?*

— Да какой из меня деятель?! Помог кому-то, кто нуждался, чего-то там написал, надо было перевезти какие-то сообщения, я перевез. Бывают такие ситуации, когда надо сказать «да» или «нет», потому что по-другому просто неприлично. Вот и все. Пару раз мне досталось. Было больно, но недолго. У других было и больнее, и дольше. Мне просто становилось все обиднее. После XX съезда, после доклада Хрущева, моего отца реабилитировали. В августе 1956 г. он получил назначение и возглавил внутренние войска, самые верные режиму. А когда в октябре 1956 г. на Варшаву, требовавшую демократии, двинулись части советской армии, отец принял решение о подготовке города к обороне от советской провокации. Потому что маршалы, в том числе тогдашний польский министр обороны Константин Рокоссовский, стремились вызвать вооруженные столкновения, которые неминуемо завершились бы кровопроли-

тием, как это произошло спустя несколько дней в Венгрии. Подчиненные отца задержали на подступах к городу небольшую советскую колонну. Ее командир что-то там лепетал о том, что в Варшаве вспыхнуло «фашистское восстание». А через пару месяцев отец взял меня с собой в приют, где жили дети из Венгрии. Мои ровесники, чьи родители были убиты во время революции. «Понимаешь?» — спросил меня отец. Я кивнул головой. Прошло несколько лет. Я поехал в Москву. К друзьям отца, которым удалось пережить «великую чистку». В этих людях чувствовалась невероятная усталость. И тогда мне удалось открыть другую Россию. Ту, которую описывал Солженицын. И ту, которую мне показала сопровождавшая меня молодая поэтесса Наталья Горбаневская. Я забрел в маленький музей Достоевского... Какие-то люди в гражданском задерживали меня по пути, требуя предъявить документы. Зачем? Почему? У меня было ощущение, что мне выпало жить в среде, отравленной унижительным абсурдом.

— *Наблюдая за вашим творчеством, можно отметить последовательность в том, как вы прослеживаете явление зла, насилия, всего, что составляет темную сторону человеческой природы. Милош упрекал польскую литературу в том, что в противоположность русской она обходит проблему зла. Вы разделяете этот взгляд?*

— Как мне представляется, источники такого положения вещей носят доктринальный характер — связанный с историей католицизма. Если Творец бесконечно добр, то разве в деле Творения может быть место злу? А если да? И разве после испытаний XX века можно без колебаний утверждать, что зло — это не активная составляющая бытия? Дьявола недостаточно! Необходим человек, который с непонятной легкостью преобразует мечту о добре — в практическое зло! И при всем при этом не хотелось бы впадать в гностицизм. Размышлений подобного рода недостает польской литературе, которая погружается в отчаяние-отбесвинных-страданий, не задаваясь вопросом о вине, о ее глубинных источниках — хотя, разумеется, существуют исключения.

— *Густав Герлинг-Грудзинский сам о себе говорил, что он писатель зла.*

— Да, говорил. А я на это отвечал, что вовсе нет, поскольку он был человеком добрым и несколько сентиментальным. Его это не устраивало.

Он хотел быть грозным. Он писал о зле, о том зле, которое порождено системой, и тем не менее пытался найти тропинку к справедливости и спасению. Он писал с ожесточением, это правда. Но у него случались и минуты, когда он прощал. Его самое знаменитое эссе «Семь смертей Максима Горького» — это в сущности рассказ о том, как Горький оказался со всех сторон в осаде, организованной Сталиным; вместе с тем Герлинг-Грудзинский постарался приуменьшить ту роль, какую Горький сам себе определил в игре, последствия которой по своему масштабу оказались куда более значительными, чем судьба самого писателя. Ибо, как я подозреваю, Герлинг-Грудзинский хотел сохранить в памяти образ Горького с Капри... Хотел спасти автора «Буревестника» от него самого. И, пожалуй, спас. Для себя. И кто же может отобрать у него право на такой жест?

— *А ваша увлеченность Джозефом Конрадом тоже связана с проблематикой зла?*

— Сам не свободный от искушения злом — он увидел мир с худшей стороны. А потом взял на себя труд нести тяжесть этого знания. Эзра Паунд написал о Конраде, что это напыщенный и надутый свержаристократ. А между тем судьба Конрада — это рассказ об интеллигенте, который знает, что самая трудная задача, какую человек может себе поставить, — следовать принципу сохранения человеческого достоинства. Кое-кто называет это «честью», хотя, как представляется, это слово не исчерпывает до конца смысл позиции Конрада. Ведь достоинство писателя не допускает никакого компромисса с собственными обидами или идеологическими суждениями... А теперь возьмите роман «Глазами Запада», который часто рассматривают как антирусский и антиреволюционный пасквиль. Яростно отвергающий революционно-террористические концепции, неприязненно относящийся к России, Конрад по существу создал галерею чудовищ, отрицательных и омерзительных действующих лиц. Так, с одной стороны, здесь гнусные агенты III Отделения, а с другой — столь же никчемные русские революционеры (впрочем, некоторые из них выслуживаются перед III Отделением). Это очевидный намек на историю запутанной и сомнительной деятельности Дегаева и Азефа... Весьма убедительно. Но вот вдруг Конрад решается ввести в роман такое лицо, как Софья Антоновна, которая говорит: «Свободу я приняла бы из любых рук, как голодный принял бы кусок хлеба», — и в этот мо-

мент вся конструкция романа оказывается под сомнением... Достоинство писателя, «выносящего приговор этому миру», становится важнее, чем его идеологические убеждения.

— *Конрад клеймит главные пороки в человеке и одновременно пишет, что трудно себе представить судьбу более тяжкую, чем судьба человека. Чего в таком подходе к человеку было больше — ощущения этического превосходства или чисто человеческого сострадания?*

— Не было ни того, ни другого. Он с сочувствием и некоторым отвращением взирал на весь наш несчастный и смешной род. А значит, и на самого себя. Все творчество Конрада построено на противоречиях, на стремлении избежать легких решений. Он прекрасно сознавал, что наблюдает глыбу в движении с самых разных точек зрения, а это не поддается описанию с помощью обычного порядка слов.

— *Однако надо всем этим была ирония...*

— Ирония как средство защиты от отчаяния.

— *В посвященной писателю книге «Ад Конрада» вы пишете о его нападках на Достоевского: «...это не так, что если нет Бога, то все позволено. Наоборот: раз Бога нет, то давайте, ради Бога, защищаться от самих себя».*

— Конрад был агностиком. Его небеса были на самом деле пусты. Его раздражала та легкость, с какой Достоевский составляет простое уравнение: «...раз ты начитался философских брошюр, то наверняка возьмешь молоток и пойдешь убивать богатую старуху». Он прекрасно понимал, что прочтение произведений Достоевского на Западе совершенно особое. Чтобы выстроить собственную теодицею, Достоевскому понадобился персонаж Великого Инквизитора. Как же так? Ведь в православии такого института нет, хотя существует — и Конрад об этом знал — обер-прокурор Святейшего Синода, к которому Достоевский обращался с просьбой высказать свое мнение относительно его произведений.

— *Оба великих писателя изучали самые темные закоулки человеческой души. В чем заключается главная разница между ними?*

— Джозеф Конрад считал себя наследником латинской традиции. Он проводил четкое разграничение между цивилизацией Запада и Россией, в которой видел все, чего не выносил: дух коллективизма,

страх перед свободой, буквально сидящее в генах пренебрежение к закону, мистическое преклонение перед народностью. Поэтому трудно удивляться тому, что он относился к творчеству великого русского неприязненно, поскольку Достоевский видел источник всяческого зла в римской традиции. При этом история Разумова, героя романа «Глазами Запада», — это явный намек на судьбы героев произведения Достоевского... С той, однако, разницей, что для Конрада Российская империя — по сути своей территория зла. И такие бесспорные для каждого добродетели, как порядочность, лояльность, совестливость, добродетели, с помощью которых западная цивилизация строит свой общественный порядок, — в России служат укреплению бесчеловечной системы, служат самоотрицанию... Достоевский садился писать свои великие романы с заведомой гарантией спасения в финале. Спустя годы Бахтин с присущей ему глубиной ума доказывал, что прозу Достоевского отличает полифония... но эта полифония — как бы то ни было, невероятно трогательная — всегда была подчинена определенному общему принципу, принципу, простите за это слово, идеологическому. У Конрада человек одинок, он в ответе за собственные поступки и реализуется в том этическом одиночестве-самостоятельности, в основе которого лежит совесть.

— *О социализме, который в его времена развивался как идея, Конрад писал, что он неизбежно приведет к цезаризму, а с другой стороны, свободу он считал не слишком привлекательной утопией: «Ибо чем же может обернуться свобода для созданий, отмеченных раз и навсегда печатью „вечного приговора“, глупости, зла и несправедливости?» Итак, какой же порядок предлагал он миру?*

— Никакого порядка. Ибо не существует такого общественного или политического порядка, который мог бы разрешить проблемы человека на этом свете. Да, он считал, что в конце концов наилучшим из существующих является британский порядок — с четко работающим парламентом, эффективным правительством, гарантиями свободы. Но дело не в этом. Важен факт рождения. Факт определенного обещания, человеческой тоски по величию. И Конрад пишет, что надо следовать за вечной мечтой, обрекая себя на страдания, на смерть, без гарантии, что мечта осуществится, ибо дело не в создании Царства Божьего

на земле, но в претворении тех принципов, которые человек сам для себя выработал. Этика без Божьего поручительства. Без гарантии — следовательно, героическая.

— *Должна ли сегодня молодежь читать Конрада?*

— Обязательно. И я поощряю к этому своих студентов. Особенно к чтению «Сердца тьмы». Мне помог тут в каком-то смысле Френсис Форд Коппола своим фильмом «Апокалипсис сегодня». Мы сравниваем текст со сценарием.

— *В книге «Ведьмы и прочие» вы утверждаете, что охота на ведьм — одно из важнейших занятий человечества на протяжении последних пятисот лет. В чем причина, что мы преследуем ведьм, как вы пишете, «коммунистических и реакционных, черных и белых, материалистических и идеалистических, прямых и горбатых»?*

— В наших несчастьях. Мы живем в мире обещаний: что жизнь должна быть прекрасна, что возложенные на нее наши надежды должны сбыться. А потом оказывается, что и жизнь не прекрасна, и надежд наших она не оправдывает. В таком случае должен быть кто-то виновным. Кто-то! Не абстрактное зло, а кто-то рядом, узнаваемый. При таком подходе у каждого следствия есть своя причина, каждое явление есть следствие чьего-то сознательного злонамеренного действия. А значит, если мы считаем себя людьми пронизательными, умными, сознательными — и покажите мне человека, который о себе так не думает — то мы должны ассоциировать нашу боль с тем, что эту боль могло вызвать. Козел отпущения всегда найдется.

— *Польша с некоторыми пор живет делом опубликованного в Интернете списка, вынесенного из Института национальной памяти, куда Институт целенаправленно поместил фамилии агентов и сотрудников госбезопасности рядом с фамилиями сторонних лиц, чтобы затруднить охоту на ведьм. Несмотря на это охота началась. Не потому ли, что мы склонны негативно интерпретировать сложное явление?*

— У нас была прекрасная утопия «Солидарности». Ведь это была утопия, возвышенная и благородная. А такая утопия всегда обещает немедленное осуществление. Но утопия — это проект, который следует совместить с повседневной практикой... И тогда нетерпеливые требуют революции.

К чему приводит такое нетерпение — мы все хорошо знаем из истории XX века. «Солидарность» отвергла принцип революционного насилия. И это был наилучший выбор из возможных. Но необходимые и желанные изменения в историческом масштабе — в обществе, в экономике и политике — отличаются тем, что происходят медленно. Отсюда разочарование. И отсюда одновременно — потребность жить по правилам приличия, жить согласно четким нравственным принципам. Я догадываюсь, что журналисту Вильдштейну важно было разбудить совесть людей и расшевелить общество, чтобы оно предъявило самому себе нравственный счет. Вильдштейн сам был деятелем оппозиции, причем весьма активным, один из его ближайших товарищей, как говорят, был убит кем-то, связанным с госбезопасностью, другой — оказался сексотом. Поэтому я понимаю психологические предпосылки его действий, его возмущение. Но все дело в том, что опубликованный им список не вносит ничего нового в этот вопрос. Подтверждается всем известный факт, что у секретных служб в ПНР были свои секретные сотрудники и что эти службы занимались сбором информации, собирали материал на людей из оппозиции. По существу, этот список — большая сплетня. Смесь правды с подозрениями и ложью. На мой взгляд, было бы наивно рассчитывать, что публикация списка станет поводом для всеобщего нравственного обновления. Вот так я воспринимаю действия Вильдштейна, и меня рассмешило появление рядом с журналистом профессоров социологии, которые с воодушевлением провозгласили наступление времени Великого Обновления. Наверное, действительно надо практически ничего не знать об обществе, чтобы человека посетила такая идея. Видите ли, в 1989 г. ко мне приходили несколько человек, чтобы попросить прощения за то, что доносили на меня. Это были близкие мне люди. Горько. Я запомнил. Простил. И поэтому не желаю никакой нравственной революции. Можно, разумеется, твердить без конца о разрушениях, которые совершил коммунизм, хотя это будет правдой лишь частично; можно находить своеобразное духовное утешение в стенаниях и подчеркивать собственное благородство... Но это никоим образом не может быть созидательным. И ведет лишь к самообману.

— *Социалистический строй навязывал нам веру во всеобщее равенство и в продвижение по общественной лестнице; кухарка в роли главы государства — это уже анекдотический персонаж. В книге «Усталость» вы описываете услышанную в России подлинную историю кухарки.*

— На лестничной клетке дома, в котором жила Полина Андреевна, висел большой плакат: «Моральный кодекс строителя коммунизма». Пункт третий гласил: «кто не работает, тот не ест». Посмеиваясь, я снял этот плакат и принес Полине Андреевне. Она посмотрела на меня сурово и рассказала свою историю. Она была кухаркой в гостинице «Люкс», то есть в самом центре Коминтерна. В лагере, в период «великой чистки», она оказалась вместе со своими начальниками, которые когда-то унижали ее, относились действительно как к самой ничтожной кухарке. А в лагере вдруг их жизнь стала зависеть от ложки супа, который она раздавала. Она стала главной.

— *Согласны ли Вы с мнением Алексиса де Токвиля, что в мирные периоды политиками в большинстве своем становятся посредственностями?*

— Мирное время — как наркоз, позволяет забыть об опасностях, об угрозах, о крайнем проявлении зла. Поэтому в мирный период есть потребность не в великих вождях, но в разумных менеджерах. Токвиль жил во времена, когда на европейском континенте были частыми войны: война была великим делом. Вожди приходят на то время, когда человеческая жизнь теряет всяческую ценность. А точнее: когда человеческая жизнь обесценивается, а цена выживания невероятно возрастает. Эту грустную экономику Токвиль не принимал во внимание.

— *Вы не считаете, что понятие «элита» сегодня в Польше интерпретируется неверно?*

— Конечно, неверно. Это результат шляхетского мышления, которое было воспринято широкими народными массами — существует, дескать, такая простая иерархия: наверху элита, называемая политическим классом, а вокруг элита телевизионная, художественная, а потом все ниже и ниже. Такая вот простая версия общественной стратификации. Абсурдная. У нас хорошего ремесленника не считают представителем элиты.

— *Характерно использование этого понятия во множественном числе...*

— А ведь элита одна. К ней относятся лучшие из лучших в своих профессиях — врачи, сантехники, полицейские, мусорщики, учителя и т.д. Те, кто задает жизни хороший тон. И такие есть. Но в медийном пространстве не находится места для позитивных новостей. Нет в нем места и для размышлений над тем, что меняется, есть лишь реакция на то, что мешает. А потом мы удивляемся, что становимся пессимистами. А пессимизм — это самозаводящийся механизм, направленный всегда в сторону отчаяния. У меня такое чувство, что в тех кругах, которые сами себя назвали элитами, осознают, во всяком случае интуитивно ощущают, что настоящая жизнь происходит в другом месте. И вся эта шумиха в СМИ — просто попытка привлечь к себе внимание публики.

— *Не грозит ли нам опасность превращения демократии в охлократию?*

— Если речь идет о реальности, создаваемой в средствах массовой информации, то это уже произошло. Что же касается настоящей, не фальсифицированной действительности, то я ни за что в это не поверю. Я думаю, что в течение последних двадцати лет в Польше понятию «достоинство человеческой личности» было возвращено его значение. И я не верю, что общество готово мириться с таким поведением, которое характерно для толпы.

— *Вильфредо Парето создал теорию «циркуляции (смены) элит». Он считал, что элита, лишенная спасительного влияния постоянной ротации и пополнения за счет ценных личностей, обречена на гибель, отсроченную по времени. Не является ли такая ротация лучшим лекарством против посредственности демократии?*

— Забота предыдущего поколения о том, чтобы создать возможности для поколения, вступающего в публичную жизнь, — это основа гармоничного существования любой нации: я сделал свое дело и должен уступить место, чтобы общество функционировало нормально. Тот, кто берется руководить, не осознавая, что люди взрослеют и набираются опыта и что нельзя заставить время остановиться, — пусть лучше вообще не

заниматься политикой. Если бы Парето жил в Польше... Этот чудак имел привычку вызывать на дуэль своих оппонентов. Рецензенты его боялись, ибо едва кто-нибудь из них написал, что Парето не прав, то на следующий же день к нему в дом являлись секунданты... Нам бы такой Парето пригодился, это точно.

— *Можно ли считать ротацию естественным процессом или же этот локомотив следует подгонять кнутом?*

— «Кадры решают всё», — сказал человек, который топор палача превратил в инструмент для смены элит или даже вообще государственной политики. Чтобы кадры, те самые лучшие, могли принимать профессиональные решения, сочетая знание с порядочностью, как герои Конрада, необходимо постоянно, неукоснительно укреплять принципы свободы. А в основе этих принципов лежит закон.

— *Вскоре должна выйти ваша новая книга, посвященная истории единорога. Откуда взялась эта идея?*

— Нет на свете прекраснее животных, чем единороги. Откуда они взялись? Из потребности человека в прекрасном. Прекрасных антилоп путешественники видели в профиль. Этот ракурс позволял видеть один рог. Надо было поверить в их красоту и нарисовать их с одним чудесным рогом, направленным в небеса. Ведь мы воспринимаем мир в соответствии с законами симметрии; мы восхищаемся кристаллами, ибо нас завораживает симметрия. А между тем здесь появляется создание таинственное, бесконечно прекрасное, то есть божественное, созданное наперекор всем принципам.

— *Меня восхитило то, что единороги питаются исключительно молоком девственниц. В таком случае их единственной кормилицей могла бы быть Богородица...*

— Ну конечно! Есть художественные полотна, в которых подчеркнута связь единорогов с девственным материнством, страданием, святостью. Это чудо человеческого воображения, чудо веры. Единороги будут существовать до тех пор, пока человек будет питать их своей надеждой.

Беседу вела Сильвия Фролов

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Л. Унгер и Н. Горбаневская о Гедроице
Тадеуш Зелинский «Автобиография» - фрагменты
Д. Шевиионков-Кисмелов о выставке Исаака Цельникера
К. Маслонь о польской прозе
О. Закиров: из воспоминаний
А. Новак о «Великом Новгороде» Стефана Братковского
Л. Колаковский об основах права
М. Выка о Станиславе Бжозовском
Я. Гондович о молодых литераторах
Г. Хлыстовский: действительно ли мы не издаем русских писателей?
Р. Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Б. Поцей о Ванде Ландовской
К. Яновская и П. Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А. Северин, В. Пшоняк, З. Рыбчинский,
А. Холланд, Р. Полянский, А. Кшивицкий и др.
Беседы Сильвии Фролов с П. Вежицким, Е. Яроцким

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Хартвиг,
Яструна, Херберга и др.,

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана,
Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации ПИ №77-1063 от 3 ноября 1999 года)

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ПРЕДСТАВЛЯЕТ
ЛУЧШИХ ПОЛЬСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
И КРИТИКОВ

twórczość
Старейший польский литературный ежемесячник,
посвященный современной прозе, поэзии и
литературной критике. Оказывает влияние на
перемены в польской литературе.

Dialog

Ежемесячник, посвященный
современной драматургии.

**NOWE
KSIĄŻKI**

Ежемесячник. На протяжении более
полувека незаменимый источник знаний о
книгах. В каждом номере рецензии,
интервью, статьи о писателях,
публицистика, библиография, анонсы.

**dwutygodnik
ruch muzyczny**

Старейший и единственный в Польше журнал,
посвященный музыкальному творчеству, теории и
практике музыки. Выходит 26 раз в году.

**НОВАЯ
ПОЛЬША**

Единственный журнал о Польше на русском языке.
Богатая подборка публицистики польских и российских
авторов. Переводы малоизвестных в России произведений
польских поэтов и прозаиков.

**LITERATURA
na świecie**

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие
годы публикующий все интересные новинки
современной мировой литературы.

Biblioteka Narodowa. Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax (+48 22) 6082488, tel. (+48 22) 6082374

Cena 12 zł w tym 0% VAT

ISSN 1508-5589

07

9 771508 558058